

ТЕОРИИ. КОНЦЕПЦИИ. ДИСКУССИИ

О. В. Кириченко

Опыт формирования национальной идеи в современной русской общественно-патриотической мысли: критические замечания и предложени¹

Современная эпоха, тяготеющая к постмодерну, опирается на информационную сферу, помогающую искусственному рождению и существованию реальности в ее историческом, человеческом измерении. Впрочем, даже понятие «рождение» в применении к этому конструированию будет неуместным, неверным, потому что с помощью информационных технологий, как из кусков мозаики, политиками, учеными, деятелями культуры и особенно профессионалами, работающими в медиапространстве, неустанно строятся все новые и новые картины настоящего. Процесс этот технологический, а не естественный, традиционный, проходящий по образу естественного воспроизводства всей совокупности общества, всего народа в его этническом, политическом, социальном, культурном и духовно-религиозном бытии. В эпоху господства модерна уже можно было говорить о некоторой доле искусственности и рукотворности создания нового мира (только часть мира бытия — часть общества, часть культуры и т. д. — продолжала воспроизводиться во всей традиционной полноте), но эта рукотворность носила все же фундаментальный и долговременный характер, она давала людям возможность подолгу трудиться в границах существования того или иного культурного и исторического стиля (от 50 до 100 лет). Тогда появилось разделение на культуру народную и профессиональную, «высокую»; на общество «народа» и не относящих себя к нему социальных групп; на атеистов и верующих и т. д. Это не значит, что та часть бытия имперской России, которая занята модерном, вся была атеистичной, беспочвенной и оторванной от народных корней. Всё было гораздо сложнее. И в XVIII, и в XIX в. за модерн (как мировоззрение) боролись

разные силы, и православных, церковных людей с одной из сторон было немало. Не случайно к середине XIX столетия в архитектуре зазвучало понятие «русский модерн», в философию пришли славянофилы, от лица государственной власти было произнесено: «самодержавие, православие, народность». Модерн был необходим России не только для того, чтобы разговаривать со светской Европой на одном языке, но и для понимания католическим и протестантским Западом языка Православия. Для России это была в определенной степени церковная, апостольская миссия. Но, переходя к модерну, Россия, несомненно, подвергала себя опасности шагнуть в перспективе и дальше, вместе со всем Западом, к постмодерну, а это было уже абсолютно деструктивное мировоззрение. Скольжение по краю пропасти было оправдано лишь тем, что язык модерна становился общим языком, на котором могли общаться все жители Земли. Но и постмодерн претендует на то же самое.

Постмодерн предполагает, что каждый день и час мир соприкасается с чем-то новым и что современного человека ежеминутно (скорость нарастает) должна сопровождать эта мелькающая череда глобальных событий. Основу этих технологий составляет понятие «информация», так что все относящееся к информации сегодня — это бытие, а мир вне информации — небытие. Но события были бы одним сплошным хаосом, если бы в «естественность» и бессмысленность мелькания происходящего не вмешивались медиатеchnологи. Они делают настоящее, близкое и дальнее прошлое источником информации, оформленной и преподнесенной по закону жанра постмодерна: иронично, с ориентацией на публичность, нескудность и антитрадицион-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 12-01-00201.

ность, за которой, стоит позиция культурной и духовной агрессии, направленной против человека, традиции и даже самой жизни. Политический новостной ряд ориентирован на формирование рейтинговой шкалы оценок у народа по отношению к политикам, поэтому здесь все определяет величина и интенсивность числа присутствия политических деятелей на экране и в целом в средствах массовой информации. Мир культуры обрушивается на массового зрителя и читателя свой калейдоскоп фактов и их интерпретаций, который более пестр, разнообразен, чем политический, но также весь состоит из «количества» информации. Здесь нет иерархии, так что нередко игровое шоу соседствует с серьезной, классической программой, любой текст, любое произведение может разорвать неожиданное вторжение рекламы. Ни православная традиция, ни русский модерн не занимают в этом культурном пространстве какого-то особенного почетного места. Их присутствие единично и невлиятельно. Большую часть «количества» информации и, соответственно, времени занимает мелькающий культурный произвол, отклонения от нравственных и традиционных культурных норм, которые облакаются в «эфирные проекты» и лишь формально отличаются друг от друга.

В информационном поле сегодня господствует агрессивный постмодерн. Исходя из этого, современные читатели и зрители должны понять, что традиционные ценности сегодня неконкурентоспособны, у них небольшая инвестиционная привлекательность (а сегодня для государства это главный критерий для финансирования научных, культурных и образовательных проектов). Этот подход заставляет современных деятелей, работающих в самых разных областях познания и практики, пользоваться обязательным языком «агрессивного постмодерна», его возможностями эффективной обработки информации, и особенно формой ее подачи — через шоу, игру, с неременной иронией, демонстрирующей личную отстраненность человека, не зависимо от того в политике вы трудитесь или в культуре.

Сегодня, как нам кажется, самым перспективным историческим лицом для *постмодернистов* в России (либеральных), работающих в информационной сфере, является И.В. Сталин, в силу чего его образ подвергается с их стороны самой изощренной демифологизации, чтобы вызвать симметричный ответ со стороны русских патриотов-сталинистов (консервативных постмодернистов). Либералы, люто ненавидящие Сталина, не действуют, в данном случае, по своему обычному сценарию — погружения в информацион-

ный вакуум имени того, кого они хотят забыть. Они пишут и снимают сюжеты о Сталине, много спорят, встречаются на телевидении и радио с самыми разными почитателями памяти Сталина, словом — нарочито провоцируют специалистов на самую широкую дискуссию, и вполне очевидно, именно они заинтересованы в поддержке *народного* интереса к сталинизму. Они очень хотят, чтобы русская национальная идея и образ Сталина нашли друг друга. В этом случае нужно чтобы Россия и русский народ, в глазах «мирового сообщества» обрели законный статус «гнезда тоталитаризма». Но возникает вопрос: зачем многочисленные русские патриотические силы, из числа тех, кто симпатизирует Сталину, участвуют в этой провокации, что заставляет их «играть на вражеском поле постмодерна», что заставляет их относиться к Сталину с любовью, восторженностью, благоговением и надеждой? Непросто однозначно ответить на эти вопросы. Статья посвящена анализу этого направления общественной мысли, выяснению его состоятельности и возможной альтернативы ему.

В постановке проблемы мы опираемся на подходы, обозначенные в трудах А.С. Панарина. Важнейшее его положение касается оценки модерна, как фундаментального европейского достижения, на котором сегодня стоит все здание общемировой культуры, экономики и нравственности. Модерн не только «обнул» мировую культуру, предоставив всем, в том числе нехристианским традициям начать двигаться от одной всемирно видимой точки, но и позволил сделать это не с чистого листа, а с высоты достижений европейской (западнохристианской), и, конечно, предшествующей ей античной культуры. Для А.С. Панарина модерн является той сверхценностью, которую человечество должно сберечь, чтобы следовать далее в некоем общем, прогрессивном ритме глобализирующегося мира. Модерн позволяет сохранять образцы местных традиций, что не уничтожает культурного разнообразия и позволяет миру оставаться сложным и творчески прекрасным. У модерна, с точки зрения мыслителя, есть два врага: опасный и неопасный. Неопасный враг, с точки зрения Панарина, — это традиция, традиционность, толкающая общество в архаику. Опасным врагом является постмодерн. Агрессивный и умный, он действует как революционер, который хорошо финансируется, имеет обширные связи и самое главное — представляет себя в качестве «следующей — прогрессивной — ступени» исторического развития человечества.

Мы исходим из того, что имперская эпоха России (XVIII—XX вв.) должна считаться эпо-

хой господства модерна, но при одновременном сосуществовании здесь и традиций. Советский Союз в качестве основного системообразующего механизма имел уже не модерн, а постмодерн. Вместе с тем, и тогда продолжала иметь место, хотя и локально, традиционность, поскольку церковная и религиозная народная жизнь не умирала в самые трудные годы репрессий. Модерн всегда опирается на конкретные достижения традиционного периода, или компилирует уже созданные образцы модерна, как это было в имперскую эпоху России. Но самое главное — время модерна отмечено непрерывной текучестью и исторической длительностью существования стилей. «Сталинский модерн» не соответствует этим критериям. Он начался «вдруг», неожиданно и закончился вместе со смертью вождя. К тому же компиляция Сталина отличалась редкой эклектичностью, она создавалась хаотично, совершенно в духе постмодерна: здесь была и ирония, и публичность, культурная и духовная агрессия. Не было только видимого отказа от первенства постмодернистской большевистской идеологии, которой гордились, которую выставляли напоказ, которая объявлялась в конституции «рабоче-крестьянской», «советской», «народной», «марксистско-ленинско-сталинской». При Сталине был создан лишь «фасад модерна», за стенами которого не было искомого «городского пространства», с его свободно развивающимся социумом, культурой и религиозной свободой традиции. Сталинский «город» состоял из репрессивной антинародной (антирусской), антицерковной власти, насильственного, принудительного (идеологически или оружием) труда, советского атеистического праздника, государственной идеологии, которая старалась регламентировать каждый шаг человека во всех областях жизни. Власть не гнушалась, а считала своим долгом заглянуть своим строгим оком не только в семью, но даже в ум, душу и сердце каждого человека. Не случайно, партия была объявлена «умом, честью и совестью нашей эпохи». Вместо Божьей, естественной, врожденной совести, предлагалось иметь приобретенную, сформированную «социалистическую совесть». Человека-личности в его христианском понимании в этом «городе» просто не предполагалось. Лишь «единицы», близкие к *партии-совести*, к вождю, главному гаранту свободы, получали право на «достойное существование». Все остальные должны были или перевоспитываться, или уничтожаться.

О характерных чертах сталинской эпохи, которая сформировала самое понятие «советскости», подробнее мы будем говорить ниже. Здесь

отметим главное: над русским народом, как и над другими народами СССР, совершался страшный советский эксперимент, суть которого сводилась к уничтожению религиозной, духовной основы народа, насильственному и обманному подчинению этнической силы народа задачам коммунистического строительства, духовной утопии. К чести народа, он выдержал это испытание и в массе своей остался верен и православной вере, и исторической России, и памяти предков, и своей великой истории, хотя и заплатил за это огромную цену. Но к глубокому сожалению, в 1990-е годы, с падением советского строя, советский эксперимент над народом не ушел в прошлое, поскольку вместе со свободой исповедовать веру, ему не было возвращено право на полнокровную жизнь в рамках родной русской православной традиции. Ни политика, ни экономика, ни культура в России не повернулись лицом к русскому народу, не сделали зеркалом его традиционной жизни. Чтобы реализовывать свое право на церковную жизнь русскому человеку сегодня нужно преодолеть множество барьеров: постараться остаться верующим в атеистической — светской — школе, в атеистическом вузе, суметь не увлечься тотально разрушительной массовой антикультурой, присутствующей сегодня на телеэкранах, нужно избежать множества «дворовых» опасностей (наркотики, неизбежность ранних интимных связей, агрессия) и немало других препятствий. Конечно, в этих условиях *весь народ* не может пройти эти препятствия, это доступно лишь части его, основанная же масса в большей или в меньшей степени как будто свободно, выбирает для себя безрелигиозный, безцерковный путь. Как заметил один известный московский священник, идеология безбожия коммунистов сегодня сменилась сатанинской идеологией вседозволенности, и обычный человек буквально окружен этой силой и подчинен ей.

В этих условиях о церковной свободе можно говорить лишь как об условной свободе. А ведь речь идет о свободе не какой-то отдельной группы из числа многочисленных меньшинств, речь идет о праве этнического большинства на свою историю, культуру, религию, и, наконец, на свою этничность. До сих пор русский народ лишен в полной мере своего права быть русским православным в своей стране! Советская власть долго и тщательно изымала у представителей русской этничности самый ее стержень — православие — и добилась больших успехов. Сегодня многие русские даже не понимают что с ними происходит: почему они с равнодушием или цинизмом относятся к своей традиции, семье, родителям,

женщине, почему им все равно, как и где жить, как зарабатывать деньги. Этническое равнодушие, нравственная и духовная апатия обрушились на народ, оторванный от религиозных корней, но увидеть лицо этой болезни, обозначить ее как «политическую» и «общественную» проблему для страны чрезвычайно сложно. Нельзя провести социологический опрос и в цифрах выяснить, почему патриотизм многих ограничивается только спортом и эстрадой — сферами, где умеют «зажигать» публику, а там, где зрелища отсутствуют, там нет почвы для патриотизма². Сегодня проблема русских — это не сфера общественной активности скинхедов, русских фашистов и националистов, а глубинная проблема преодоления долговременного идеологического воздействия на русский народ атеизма и материализма.

Нынешние российские политики пока еще не могут решить для себя, каким путем им идти дальше. Но в любом случае это будут модели не традиционные, а сконструированные (по модернистским или постмодернистским лекалам, а это — принципиальная разница), поскольку таковы возможности любого современного общества, в том числе российского. У России есть возможность выбрать одну из трех моделей развития.

а) Самая сложно реализуемая, но и самая жизненно необходимая модель будет выглядеть как обращение к опыту традиции одного из исторических периодов допетровской Руси. В этом случае будет создаваться один из вариантов «русского модерна». По сути, это будет похоже на то, что происходило в имперскую эпоху. Но есть и серьезные отличия. Во-первых, это будет уже не империя, а национальная конфедерация. Во-вторых, будет учтен тот опыт неоправданно долгого вхождения в пространство своей традиции, который мы имеем в эпоху российского XVIII в. Русский модерн будет складываться сразу как русский, а не европейский и это исключит появление своего рода патологий, вызванных разобщенностью разных социальных слоев. Плюсом этого варианта будет то, что создавая вариант модерна, Россия сможет сохранить и традиционные корни, что позволит модерну быть жизненным и иметь свою традиционную почву.

Конечно, следует четко определиться с эпохой и политической личностью ее определяющей, которые станут «первообразами» для данного варианта русского модерна. Этот вариант настоль-

ко серьезный, и даже на первый взгляд утопичный (с точки зрения современных практических шагов и перспектив реализации), что он даже и не рассматривается современными политиками. Тем не менее, переход к этому варианту развития для России не сопряжен с революционными потрясениями, как показывает безреволюционный опыт *вхождения* традиционной допетровской России в Россию имперскую. В пользу этого варианта говорит один красноречивый факт: частично обращение к средневековой русской православной традиционности сегодня уже произошло в лице Русской Православной Церкви, вернувшей себе патриаршее достоинство. Поэтому, дело за государством и обществом.

Для движения в этом направлении нужна особая личность, готовая самоотверженно и учиться, и учить народ русской православной традиции. Современная эпоха модерна требует от нас, чтобы мы избрали и прошлое, и историческую личность, на которую мы хотим ориентироваться. В качестве такой образцовой личности нам видится св. благ. князь Александр Невский, который в отличие от сегодняшнего претендента, И. В. Сталина, являет собой образец подлинного радателя о народе, стране и Церкви. Подробнее на содержании этого проекта мы остановимся ниже, в последней части статьи.

б) Второй вариант может быть реализован как калька с уже исторически пройденного варианта «русского модерна» эпохи XIX — начала XX вв. То есть за образец для модернистского творчества берется не традиционная эпоха, а эпоха модерна — вторичный материал. Нынешние реформаторы уже не раз демонстрировали свою приверженность петровскому модернистскому проекту, но что-то им мешает начать полномасштабное продвижение в этом направлении. Может быть то, что сам имперский период не является безусловным эталоном, это было время «проб и ошибок», «добра и зла», как и любой проект модерна. Причем добро и зло так были переплетены, что даже сегодня трудно отделить одно от другого. Фигуры императоров тому примером. Великий преобразователь России до сих пор воспринимается абсолютным большинством историков как антиномичная фигура — созидатель и разрушитель. Также и Екатерина II, Павел I, Александр I и т. д. Нынешние «петербуржцы», реформирующие Россию, похоже, не определились с тем

² В «Дневниках» за 1936 г. М. М. Пришвин пишет: «Гибнет Испания, но испанский футбол процветает; недавно бригада испанских футболистов была в Москве торжественно встречена. Это ли не кутерьма!» — *Пришвин М. М. Дневники*. М.: Правда, 1990. С. 253.

какой этап XVIII — начала XX вв. считать образцовым. Одно время наблюдалось особое внимание к личности Петра Великого, но именно этот период относится к самому противоречивому и сложному из всех. Это, очевидно, пока и останавливает реформаторов. Самым беспроблемным для них временем, к тому же пользующимся особой симпатией либералов является время правления Александра II. Но что-то не устраивает и в этой эпохе нынешнего президента России, в связи с чем пока не наблюдается каких-либо форсированных действий в этом направлении. К тому же для возвращения к православной империи, что особенно важно, будет нужен революционный прорыв, подобный тому, какой произошел в Феврале 1917 г., когда Россия просталась с эпохой «имперского модерна». Но современной власти, с ее приверженностью к эволюционизму, (да и обществу) не нужна революция и это и является главной причиной того, что движение в этом направлении заморожено.

Причина падения интереса к этому варианту не только в том, что от страны потребуются революционные усилия, чтобы выйти к рубежам ре-

ализации этого проекта, но и в том, что это будет уже не вариант модерна, а постмодерна. Здесь будут реализованы все возможные либеральные чаяния: будет сведены на нет (локализованы или вытеснены на периферию) все сохранившиеся традиционалистские ресурсы. «Свобода выбора» приведет к господству у нас всего самого революционного, что есть на современном Западе. Обозначим эту как вариант либерального постмодерна.

Движение в сторону создания постмодернистского общества не исчерпывается только революционным переходом к варианту либерального постмодерна, поскольку существует и *консервативный вариант постмодерна*. Он связан с образцовой советской эпохой и образцовой личностью этой эпохи — Сталиным. Чтобы направить страну и народ в сторону реализации этого проекта не нужно будет совершать революцию, здесь возможен эволюционный путь. Это огромный плюс для России. Но уход в постмодерн, а именно это предполагает копирование модерном модерна, поставит крест как на самобытности (в том числе духовно-религиозной) так и на

Памятник «Защитникам советской власти». г. Ставрополь.
Совр. фото О. В. Кириченко

Поклонный крест, установленный на центральной площади
г. Ставрополя, как главный символ города

политической самостоятельности России. На первом этапе реализации этого возможно не случится, страна будет отстаивать силой оружия свою самостоятельность. Но поскольку, в основе проекта лежит постмодернизм, традиционализм будет жестко и возможно жестоко изгоняться, вытесняться и истребляться самой властью внутри страны, а значит, в России исчезнет *почвенность* и само понятие «народ», исчезнет сама основа для существования национальной самостоятельности. Даже если Россия отстоит в войне свой суверенитет, она вскоре, в результате внутренней борьбы с традиционностью, растворится в глобальном экономическом и финансовом пространстве. Современных либералов не устраивает в этом варианта два пункта: 1. неосталинизм и 2. война России (на первом этапе) за свой суверенитет. Но, тем не менее, есть основания полагать, что именно в этом направлении сегодня неудержимо движется политическая мысль и, увы, — и практика современной правящей российской элиты и поэтому, остановимся на «первообразе» для третьей модели подробнее.

в). Информационные технологии сегодня позволяют отделить зерна от плевел, т. е. таким образом популяризировать прошлое, если говорить о *виртуальном* представлении проекта *народу*, что ни у кого не возникнет возражений по поводу «необходимости порядка», «важности спорта», «особой роли науки», «актуальности оборонного (патриотического) сознания». Если же говорить о содержательной стороне проекта, чисто технической, рабочей его части, то следует заметить, что инициаторы его, конечно, столкнутся с вещами, которые «не для широкого обсуждения», и прежде всего с тем, что сталинский опыт нельзя брать в его «отдельных, приемлемых сегодня деталях», он может быть использован только весь целиком. Когда же станем оценивать этот опыт с точки зрения его эффективности, то обязательно увидим, что вся сталинская система была построена на антинародном, антицерковном фундаменте и не была рассчитана «на века». Эта система работала на поддержание власти большевиков, а не на благо страны и народа. Опыт ленинско-сталинского периода сегодня необходимо осмысливать в другом ключе, не то, что он «дал», а то, что он «взял» у народа и России. Нам необходимо понять: как выйти из той западни, в которую попали тогда народы России и прежде всего русский народ? Важно оценить и то, почему нас опять затягивают в советское пространство, насколько стихийно и рукотворен этот процесс? Обратимся к реалиям построения советской модели общества и страны в целом, ко времени 1920-х — 1940-х годов.

Основные элементы советской мировоззренческой модели ленинско-сталинского периода

Большевистская теоретическая нацеленность на социальное государство с самого начала была скорректирована «жизнью», в результате чего потребности сохранения власти любой ценой заставили большевиков приступить к созданию национального государства. Но социальность продолжала оставаться декларируемой программой, которая на бумаге (в планах и отчетах) была одной, а в действительности была другой. Также национальное государство оказалось легче наложить на кальку прежнего имперского государства, где действовал по-своему «пространственный» принцип деления страны. Но тогда это был территориальный принцип деления, объединяющей духовной силой которого было православие, в советский же период все пространство было разбито на этнические анклав, имеющие свой автономный статус. Этничность стала главным действующим лицом в советской модели, хотя это и не оговорилось вслух и не было зафиксировано в конституции. Национальное государство возникло стихийно, неожиданно для самих большевиков, поскольку национальные (а не социальные) силы стали в период Гражданской войны стали для них реальным «административным ресурсом», который помог отстоять советскую власть на окраинах. Теоретику Ленину в постреволюционный период не один раз приходилось корректировать свою позицию, в то время как практик Сталин, не раз оказывался более правым в своих оценках действительности. Но и сам Сталин, уже после смерти Ленина, не раз попадал в положение «теоретика», и не раз менял свою позицию на прямо противоположную. Гениальность этих коммунистических вождей не шла дальше того, чтобы ради сохранения власти уметь приспособиться к вызовам времени, к конкретным историческим обстоятельствам. Вожди готовы были платить за это какую угодно цену «народоуничтожения» за сохранение своей власти. По причине непродуманности (а точнее непредсказуемости) политики большевиков, в силу того, что новая власть шла «против рожна» — против всех мыслимых и немыслимых отступлений от нравственных и религиозных традиций, привычных для страны, — вся советская эпоха и состояла из небывалых для России потерь народонаселения, из лишений, горя, крови и слез. Подобная хаотичная, лихорадочная политика (как внутренняя, так и внешняя) вела к тому, что власть могла существовать, только опираясь на *насилие* и *обман* (мифы). На мифах, далеко ушедших от

жизни, на мифах, где первообразом был «ложный первообраз» этих вождей, и строилось все здание советского государства и общества.

Ленинский период

При Ленине начал складываться тот базис советской идеологии и практики, который был достроен Сталиным и в таком виде дожил уже до конца советской эпохи. У советской модели было несколько составляющих: большевики опирались на безрелигиозную этничность (народность), которая в дальней перспективе должна была смениться атеистической социальностью (безэтничной по содержанию); революционный «социалистический труд»; советское образование, дающее материалистическое мировоззрение, и — науку, научное атеистическое и материалистическое мышление.

1. Советский патриотизм — явление сложное, неоднородное и разное на разных этапах советской власти. На первом, «ленинском», этапе (1917—1924 гг., даже фактически до 1927 г., года высылки Троцкого из страны) советская власть декларировалась как интернациональная, но в действительности она являлась этнически избирательной, т. к., в соответствии с ленинской национальной политикой, происходило нарочитое умаление прав этнического большинства — русских, чтобы, как думал Ленин, нацменьшинства не почувствовали себя чужими в советском обществе, словно они по-прежнему живут с имперской России, где русские, по мысли вождя, угнетали малые народы. Антирусская направленность национальной политики большевиков проявилась на самом раннем этапе, еще в период революции 1917 г. А.И. Солженицын, тщательно изучивший документы периода Февральской и Октябрьской революций и настроения революционной большевистской элиты этой эпохи, называет их «антирусскими»³. Антирусский настрой верхушки большевиков продолжал сохраняться и после революции. В одной из последних статей 1922 г. Ленин настаивает на том, чтобы русские заняли позицию служения малым народам: *«Поэтому интернационализм со стороны угнетающей или так называемой «великой» нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держимор-*

*да) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически... лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить»*⁴. Ситуация, по мысли вождя плачевная, революционных рабочих немного, и им не справиться с основной массой русского народа, который занимает «шовинистическую позицию» по отношению к малым народам: *«Нет сомнения, что ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в этом море шовинистической великорусской швали, как муха в молоке»*⁵. Ленинская точка зрения сводилась к тому, что у русских, в силу их «великодержавности», ведущего положения в Российской империи, особенно был развит синдром быть «держимордой». Основная мысль вождя такова: *«В каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только „элементов“, а в виде господствующей культуры. Поэтому „национальная культура“ вообще есть культура помещиков, попов, буржуазии»*⁶. И чем меньше «интернациональный», «демократический» процент в национальной культуре, тем национальная культура более реакционна, тем более она требует революционного усмирения. Речь шла, главным образом, о насильственном разрушении многовековой связи русского народа с церковной, православной традицией, потому что здесь находился для большевиков корень русской национальной культуры. Но кроме конфессионального — важнейшего фактора национальной идентичности русских — в качестве врагов революции в русской «национальности» Лениным выделяются социальные — «культура помещиков и буржуазии», т. е. *политическая культура* отношения власти и народа. В отношении всех трех основных врагов (духовенства, помещиков и буржуазии) советской властью были предприняты самые жестокие меры, включая массовый террор. Физическому уничтожению или вытеснению за пределы страны подвергли служилые слои, буржуазию и духовенство⁷. Труднее оказалось

³ Солженицын А. И. Двести лет вместе. М.: Русский путь, 2002. С. 62.

⁴ Ленин В. И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45.

⁵ Там же.

⁶ Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 117–150.

⁷ В идеологических установках советских политологов по поводу «эксплуататорских классов», к которым, по официальным оценкам, принадлежало не менее 15% русского населения предреволюционного времени (т. е. около 22 100 тыс. чел.), звучало

стереть с лица земли духовенство (да и Церковь в целом), борьба с ним продолжалась весь советский период. Быстрее других были уничтожены «помещики» — дворянство — служилое сословие России (чиновничество, военные, землевладельцы), хотя часть из них вошла в советский аппарат в качестве военспецов. «Буржуазию», объявленную после революции врагом советской власти, реабилитировали в период НЭПа, для того, чтобы, экономически поддержать советскую власть (хотя бы прокормить и научить ее торговать «по-европейски»)». Физическое уничтожение русской буржуазии, включая зажиточное крестьянство, проходило в 1930-е годы.

Еще до революции в трудах революционных демократов настойчиво проводилась мысль о России, превращенной «царизмом» в «тюрьму народов». Эта идея после революции вышла на первое место. В созданном с самого начала правления большевиков органе Наркомнац РСФСР первенствовали в прошлом «угнетенные» народы. Возглавлял этот орган грузин И. В. Сталин, его заместителями были нерусские (латыш О. Я. Карклин и еврей Г. И. Бройдо), на чем (чтобы были нерусскими) Сталин сам настоял⁸. С 1917 года большевики-интернационалисты, по сути, занялись созданием принципиально новых административных структур управления, вместо территориальных образований — губерний и т. д. — появились национальные образования — союзные республики и автономии разного уровня.

Позиции Ленина и Сталина по национальному вопросу различались. Ленин смотрел на национальный вопрос абстрактно теоретически. Он считал, что нужно всем «ранее угнетенным народам» (т. е. всем, кроме русского) дать равное право союзного государства в рамках общего союза — конфедерации. Сталин же (с

1918 г.) видел процесс создания национального государства как многоступенчатый и постепенный¹⁰. Сначала одни получают права союзного государства, потом постепенно другие, переходя от разных уровней автономности, повышая свой статус. При этом дробность национального деления должна быть доведена до уровня национального сельсовета, чтобы внутри сплошных этнических массивов могли бы существовать хотя бы небольшие, национальные анклав¹¹.

И Ленин, и Сталин в 1920-е годы были едины в одном: в отношении к русским. Русские выделялись ими как уже «получившие свое» в дореволюционный период, и потому ныне они должны были, умаляя себя, заняться отдачей долгов малым народам. Все 1920-е годы большевики методично разрушали ту великую многонациональную конструкцию, которая естественным образом существовала (как и возникла) в России в течение многих веков. Эта конструкция имела цивилизационную основу, поскольку народы России *за счет православной духовности* были объединены в единое культурно-хозяйственное пространство¹². В то же время, политически (внешне и внутренне) конструкция была стянута имперскими территориальными скрепами. Восточный, православный характер империи указывал на то, что в ее политике доминировал не военный, а церковный интерес. Цивилизационное и имперское соотносились как *форма и содержание* того, чем была Россия в XVIII — начале XX вв. Формой жизнедеятельности страны была цивилизационная деятельность, содержанием же ее была имперская деятельность по «сохранению истин веры»¹³. В российском имперском пространстве защищалась не только православная вера, но и другие традиционные вероисповедания. Причем защищались в той степени активности и в той мере, в какой они сами участвовали в

одно слово — «уничтожение». — Глезерман Г. Е. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР // О советском социалистическом обществе. Сб. ст. под ред. Ф. Константинова, М. Каммара, Г. Глезермана. М.: Политическая литература, 1949. С. 64–128.

⁸ Ленин В. И. Речи на XI съезде РКП(б) // Ленин В. И. Полн. соб. соч. Т. 45.

⁹ Чеботарева В. Г. Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики. 1917—1924. М., 2003. С. 62.

¹⁰ Сталин И. В. Политика советской власти по национальному вопросу в России (10 окт. 1920 г.) // Сталин И. В. О национальном вопросе. Сборник статей. М.: Центполиграф, 2012. С. 84.

¹¹ Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1917—2009. Учебное пособие. М., 2010. С. 170.

¹² Кириченко О. В. Российское цивилизационное пограничье // Традиции и современность. Научный православный журнал. № 10. 2010. С. 34–75.

¹³ Митрополит Иоанн (Снычев) так определяет характер деятельности православной империи: «Империей (от латинского *imperium* — власть) в христианском понимании принято называть государство, почитающее сохранение истин веры своей главной обязанностью; государство, объединяющее в себе различные культуры, народы и племена; спаянные в единый общественный организм вокруг некоторого державного ядра. Таким ядром являлся народ-носитель державной идеи, народ-защитник святынь и страж устоев государственного бытия, блюститель мировоззренческого единства, политической стабильности общества и экономической дееспособности страны». — Иоанн (Снычев), митрополит. Русь соборная. Очерки христианской государственности. СПб.: Царское дело, 1995. С. 91.

цивилизационной деятельности державы. В этом случае путь к появлению радикального ислама, «борющегося с политическим режимом», тогда был напрочь закрыт, поскольку власть тогда не исповедовала атеистическую светскость, провоцирующую сегодня появление экстремистских форм в исламе.

Большевики-ленинцы, разрушая старую форму и содержание самодержавной российской власти, уничтожали сразу две главнейшие, естественные скрепы страны: цивилизационную и имперскую. В качестве ее замены они выдвинули идею *нациестроительства*, трактуя ее, в отличие от ее создателей либералов, по-своему. Известно, что незадолго до революции 1917 г. русские либералы перешли от позиции неприятия идеологии, связанной с национальной идеей, к увлечению ей, за счет чего они открыли для себя своего рода легитимный источник энергии для объединения либеральных сил, ориентирующихся на «национальное спасение России»¹⁴. И хотя не националисты-либералы, а либералы-западники пришли к власти в феврале 1917 г., но именно первые обеспечили во многом эту победу последним. Большевики-интернационалисты, которые до революции 1917 г. были антинационалистами, после прихода к власти стали активнейшим образом реализовывать националистические идеи либеральных идеологов национализма. Таким образом, пригодилась интеллигентская утопическая программа нациестроительства, которая могла быть реализована лишь волевыми и силовыми методами, потому что реальное выполнение ее не зависело от традиционных естественных средств воспитания народа и народов, которые черпались из религии.

Отказ от цивилизационного формата взаимодействия народов в советской России и СССР, предполагал выдвигание на пограничье взаимодействия народов между собой этничность, освобожденную от религиозности. Последнее достигалось за счет отказа от православной имперскости в области политической, и за счет репрессивной деятельности по отношению к Православной Церкви и другим традиционным религиям. Бросая освобожденную от религиозной духовности этничность в пучину бушующего революционного моря в стране, большевики должны были в первую очередь позаботиться об искусственных средствах, как-то нейтрализующих остроту прямого — межэтнического — соприкосновения

разных народов друг с другом. Для этого и понадобилась масштабная «зачистка» русского народа, а потом и ряда других народов, имеющая целью уничтожение у них религиозного компонента. Опыт советского нациестроительства показателен в том смысле, что здесь впервые в мировой практике был поставлен вопрос о создании *чистой*, т. е. очищенной от религиозной и этнической «примеси» гражданской нации. Ставилась задача поглощения свободной от религиозных одежд этничности правовой стихией и полного подчинения и даже растворения ее в правовом поле. Таким образом, исчезнуть должны были и религиозность, а в далекой перспективе — и этничность. Нация «советский народ» должна была стать в будущем гражданской нацией, где у человека был только один идентификатор — правовой статус. Для человека без традиционных корней Родиной должна была считаться революция, а Отечеством — социализм или коммунизм. И хотя идея так и не была до конца реализована, но опыт ее оказался востребованным позже во всем мире.

Большевики были идеальными конструктивистами-практиками. Они не считались с жизненными реалиями, с тем, что им приходится «резать по живому», с тем, что речь идет о реальном, а не абстрактном народе, известном им по теоретическим работам. Они действовали как патологоанатомы в лаборатории, с предельным хладнокровием и циничностью. Их врагом была этничность. Но до той поры пока она могла помочь им в разрушении «старого мира», они готовы были ее терпеть. Эта ленинско-сталинская иезуитская способность приспосабливаться к обстоятельствам стала со временем одной из ярких черт всей большевистской партии и всех ее вождей.

Начнем с того, что на практике Ленину пришлось забыть об интернационализме, потому что все пространство революции занял национальный вопрос. Его надо было решать как один из двух главных вопросов революции: о *советском* характере власти и о *национальной* форме ее существования. Таким образом, советское заменило собой прежнее — имперское начало, а национальное стало на место цивилизационного компонента. Национальное строительство велось в советское время в контексте цивилизационного процесса. При сравнении того и другого, мы можем заметить разницу того, насколько обедненно-примитивно стала подходить советская

¹⁴ *Сергеев С. М.* Русский национализм и империализм начала XX в. // *Нация и империя в русской мысли начала XX века.* М.: СКИМЕНЬ, 2003. С. 17–20.

власть к цивилизационной деятельности, по сравнению с дореволюционным временем. Вся ее цивилизационная деятельность свелась к формированию гражданской одноплоскостной (правовой) идентичности, в то время как дореволюционный опыт был представлен широким спектром культурно-хозяйственной деятельности, основанной на достижениях как российских, так и общеевропейских. Отличия двух моделей огромны. В первом (советском) случае, человеку гарантировалось только субъектное право на существование, которое в реальности, учитывая репрессии в СССР, подневольный труд и т. д., почти не выполнялось. Во втором случае, человеку (и не только русскому, но любому, подчинившемуся закону цивилизационной жизни страны) было гарантировано право свободно жить и трудиться в пределах всего спектра культурного и хозяйственного развития страны.

Но обратимся к конкретике ленинской национальной политики. Этничность малых народов бывшей Российской империи была признана пролетарским вождем во всей полноте, со всеми ее религиозными атрибутами, и поддерживалась она в таком виде до смерти вождя. Негативная оценка русской давала возможность большевикам с самого начала легализовать в глазах всего народа их репрессивную деятельность в отношении Православной Церкви.

Таким образом, процесс большевистского нацистроительства при Ленине начался с установления правового статуса (*de facto*) неравенства большого народа — русского — и малых народов. Русские были поставлены в подчиненное положение. И в это же время началось первичное наступление на их этничность, с целью отделить от нее православную составляющую. В отношении неправославных в 1920-е годы наблюдалась более гибкая и мягкая политика, подразумевающая включение их религиозной составляющей в советскую действительность. Несмотря на общее положение «отделения церкви от государства», мусульманам, в отличие от православных, по личному распоряжению Ленина, было разрешено вести самим записи браков и рождений (опять же в обход «Декрета о гражданском браке, о детях и ведении книг актов состояния» от 18 декабря 1917 г., который упразднял прежнюю, только церковную, регистрацию) 31 июля 1918 г. При всех мусульманских комиссариатах были созданы отделы записи брака. Более того, мусульмане

получили в отдельных регионах (в Туркмении) право оставить у мулл книги регистрации¹⁵. Мусульманам было разрешено паломничество в Мекку¹⁶, были сохранены шариатские суды, существовавшие наряду с народными, советскими. Также в первой половине 1920-х годов шло бурное строительство системы еврейских религиозных школ.

Мы не можем не дать свою оценку большевистскому опыту нацистроительства на территориях проживания малых народов, включая коренизацию государственного аппарата автономий, создание национальной интеллигенции и национальной культуры. Насколько нужна и полезна была эта деятельность по созданию государственной инфраструктуры в каждом из национальных анклавов? Сегодня те, кто защищает советскую эпоху от критики, на первый план выдвигают социальные достижения, пришедшие в жизнь малых народов, благодаря советской власти: школы, вузы, больницы, библиотеки т. д. и оставляют в стороне вопрос о той цене, которую заплатили эти народы за предоставленные блага. Это вопрос далеко не простой, поскольку большевики ничего не делали просто так, из «классово-человеколюбивых соображений». Они воспитывали и обучали не бурят, якутов, коми, а — «советских граждан», стоявших вне привычной им этнической и религиозной традиции. Атеизм и материализм первенствовали в национальных школах и вузах. Преподавание хотя и велось на национальных языках, но изучалась при этом «интернациональная культура», или выхоленная донельзя национальная, в ее отдельных образцах. Целью ленинской, а потом и сталинской национальной политики в отношении малых народов, являлось создание «законопослушного советскому строю гражданина», и не более того. Для этого гражданина и бесплатно лечили и учили, давали ему право ходить на выборы. Но от гражданина требовался «самоотверженный, малооплачиваемый труд», способность и готовность подчиняться любым решением партии, быть верным сыном своей советской Родины. За советские блага цена была самая высокая — стать исторически беспмятными людьми, внерелигиозными, оторванными от родовых и фамильных корней. Советский человек начинал свою историю с чистого листа, и любой представитель малого народа был здесь не исключением. Другое дело, что советской власти не удалось довести до конца задуманное, не уда-

¹⁵ Чеботарева В. Г. Наркомнац РСФСР... С. 323.

¹⁶ Чеботарева В. Г. Национальная политика Российской Федерации 1925—1938. МГУ: МДН, 2008. С. 214.

лось собрать урожай полностью «со своих должников», и люди продолжали, как могли, вопреки идеологическому давлению хранить традиции. Но советская власть старалась привести всех к общему знаменателю и немало преуспела в этом. Сам факт существования автономий (республик, краев, областей) указывает на то, что в области советского нацистроительства для малых народов было сделано очень много. А значит, серьезно были нарушены традиционные основы их этнического бытия, того, что создавалось не одно столетие, и за что каждый народ всегда платит самую высокую цену подвигами и самоотверженностью самых лучших своих представителей. Но все эти бесценные сокровища пришлось очень быстро (за несколько десятилетий) отдать, оплачивая расходы на советскую бесплатную медицину, образование и т.н. культурную советскую самобытность.

Стоит подробнее остановиться на ленинском периоде автономизации и нацистроительства, потому что за эти несколько лет была создана, по сути, вся структура национальных образований, которая до сих пор продолжает определять жизнь России. Малым народам было разрешено создавать автономные этнические объединения, чтобы повысить их политический статус, и тем самым вернуть им будто бы умаленное в царское время чувство собственного достоинства. Таким образом, целью нацистроительства в этот период стало движение к созданию правовых, самостоятельных, политических организмов.

При создании автономий малые народы России наделялись территориями, гораздо большими, чем была земля их реального этнического расселения. По сути, в эти годы происходило разделение на части «единого и неделимого» пространства Русской земли, спаянного в одно целое этнической мощью русского народа. В случае претензий представителей малых народов, высказанных центру (нехватка промышленных и культурных центров) таковые (построенные и населенные русскими) передавались в ведомство автономии. Так, по требованию башкир им была передана промышленность Южного Урала и город Уфа¹⁷. При создании автономной области для народа коми, к ним присоединили земли пермяков, часть Архангельской губ. В другом случае города Грозный и Владикавказ с пригородами, населенные русскими, не сразу, но к началу

1-й пятилетки присоединили к Чечне и Северной Осетии, сделав их столицами соответствующих автономных областей¹⁸. Такой подход был в целом характерен и для других регионов. В эти годы не звучали слова коллективного возражения со стороны русских, так как они не были субъектами участия в разделе земли, они не вошли в юридическое поле размежевания территориальных границ. Русские словно исчезли с карты России. Территориальные споры велись только со стороны малых народов между собой: чуваша спорили с марийцами, пермяки с коми, при этом доходило до того, что звучали требования выселения русских со своей территории. Повсеместно звучало: «Якутия для якутов», «Киргизия для киргизов», «Коми для коми» и т.д. Но при этом все выставляли требование центру обеспечить автономию специалистами (агрономами, землемерами, врачами, педагогами, партработниками), материально-техническими средствами, деньгами. Подразумевалось (хотя и не озвучивалось), что это будут русские специалисты. Но руководящие посты должны были оставаться за представителями малых народов. Сам ВЦИК настаивал на замене руководящих русских кадров национальными¹⁹. Это тем более выглядело «не по-революционному», т.к. в органах власти в автономиях находились хотя и русские, но такие же революционеры, борцы за советскую власть. Но «пролетарский национализм» у малых народов сразу взял верх над интернационализмом. Вот что писал, например, член ойратского ревкома Строев: «Из алтайцев только один я являюсь единственным ответственным работником из алтайской нации. Положительно все заведующие отделами из русской национальности. Есть лица, не имеющие ничего общего с алтайской национальностью, не понимающие и не знакомые с бытом, нравами и языком того населения, которое они обслуживают. Вполне естественно, что такие лица не могут вести полудикую туземную массу к светлому Царству Коммунизма»²⁰. Среди коммунистов находились трезвые головы, которые призывали не поддаваться эйфории национального самоопределения: «У нас нет литературы, литературного языка и своей культуры и говорить о возрождении смешно. Народ (коми) — обрусевшие наполовину крестьяне»²¹. Но такая позиция была редким исключением.

¹⁷ Там же. С. 123.

¹⁸ Барсенков А. С., Вдовин А. И. Указ. соч. С. 170.

¹⁹ Там же. С. 126.

²⁰ Там же. С. 242.

²¹ Там же. С. 177.

Повсеместно национальные автономии создавались не только при свободном привлечении и использовании русских земель, их промышленных потенциалов, но и совершенно без учета количества проживающих здесь русских, благо «титульной нации» стояло выше. При создании Татарской АССР оказалось, что ни татарского пролетариата здесь нет (из 20 189 рабочих русских — 80 %, а татар — 15 %); из 2 646 176 «крестьянского населения», татар 54,2 %, русских — 37,7 %; в Казани русских — 73,9 %, татар — 19,4 %²². Тем не менее, республика создавалась как Татарская, с полным ущемлением прав русских. Как считали татарские чиновники, они имели на это полное моральное право поскольку: «в прошлом, при царско-буржуазном режиме (в республике) проводилась в самой гнусной форме политика русификаторства и колонизаторства»²³. Все русские здесь теперь должны были искупать своим бесправием эту прошлую вину. Национальный натиск был настолько силен, и конечно поддержан центром, что даже «русские коммунисты (в регионе) стали пугливо осторожно относиться к национальному вопросу». Татарские партийные и советские функционеры стали жаловаться центру, что со стороны русских коммунистов мало помощи, они «не вовлекают татарские трудовые массы в партийную, советскую, профсоюзную работу»²⁴.

Во всех обращениях во ВЦИК о создании национальной автономии обязательно указывалась антирусская мотивация: «ненавистное управление из далекого царского центра игнорировало интересы нашей области», «русификаторская эксплуататорская политика царского строя» мешала зырянам развиваться. Марийцы писали о себе, что из-за русификации они были раздроблены и разбросаны по большой территории и теперь их необходимо собрать. В этих обращениях (на основе которых были созданы автономии) допускались мифология и откровенная ложь. Так, например, калмыки жаловались, что из-за русского притеснения численность их все время уменьшается. Это факт решили проверить. Экспертом из центра оказался не только ученый, но и человек, искренне желающий выяснить истину. В результате выяснилось, что калмыки уже с 1771 г. были поставлены в благоприятные условия для

своего существования, каждые 55 лет число их удваивалось, и на данный момент не было причин для беспокойства. Потери, которые случались у калмыков, были вызваны последствиями стычек с другими кочевниками — башкирами и киргизами²⁵.

Антирусский тон, заданный большевиками, и поднятый на щит малыми народами в период автономизации, постепенно приобретал не только законность, но размах и глубину. В дальнейшем трудно было контролировать этот процесс из центра, тем более, что центр и инициировал этот процесс и до поры поддерживал его. Игра на чувствах национального эгоизма не являлась целью национальной политики большевиков, а скорее была тактическим ходом. Так, в 1922 г. в письме к Ленину Сталин писал: «За четыре года Гражданской войны, когда мы ввиду интервенции вынуждены были демонстрировать либерализм Москвы в национальном вопросе, мы сумели воспитать среди коммунистов, помимо своей воли, настоящих и последовательных социал-независимцев, требующих настоящей независимости во всех смыслах и расценивающих вмешательство ЦК РКП(б) как обман и лицемерие со стороны Москвы»²⁶.

Закономерным итогом этого периода «автономизации» стало массовое нарушение прав русского народа: «При оформлении национальных автономий, определении их границ не учитывались, за редким исключением, интересы русского народа. В автономном образовании русским было отказано, исходя из „общегосударственных интересов“ (как считали Ленин и Сталин — О. К.). На русский народ перенесли ответственность за политику династии Романовых. Члены коллегии Наркомнаца во главе со Сталиным этой тенденции не пытались противостоять. Вопрос об исторических судьбах русского народа даже не ставился. Точно также игнорировались интересы других славянских народов»²⁷.

Укрепляя центральный аппарат для проведения все более эффективной национальной политики, большевики в 1924 г. ликвидируют Наркомнац, благодаря которому власти нацрегионов имели широкое представительство в Центре, и взамен него создают более централизованный

²² ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос. Сост. Л. С. Гатагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2005. Кн. 1. 1918—1933. С. 193.

²³ Там же. 193.

²⁴ Там же. 195.

²⁵ Там же. 163.

²⁶ ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос... С. 79.

²⁷ Там же. С. 266.

орган управления. Сталин не преминул заметить, что новый орган будет нужен для репрессивных целей: «это будет хорошая узда для великорусского шовинизма»²⁸. Эту стратегическую для себя задачу советская власть решала двояко: укрепляя репрессивные возможности центрального аппарата и всячески способствуя коренизации административного аппарата в автономиях. Представители же автономий, собираясь в Москве, продолжали обсуждать вопрос, как еще уменьшить власть русских. Например, в ноябре 1926 г. зампреда СНК РСФСР Турар Рыскулов провел т.н. «Частное совещание националов», членов ВЦИК и ЦИК СССР. «Русский вопрос» стал главным на этом совещании. М. Шевле предложил выделить русским в РСФСР отдельную Русскую республику, чтобы Центр (властный центр) перестал ассоциироваться с русскими. Председатель СНК Киргизской АССР Ю. Абдурахманов, с предложением не согласился, считая, что лучше в максимальной степени расширить права автономий. Председатель ЦИК Дагестанской АССР поставил вопрос ребром: «Как остановить наступление „Ваньки“ и контрнаступление „Османа“?» Образ всем понравился. Никого не удивила ни сама по себе грубая форма, рисующая ситуацию, ни тем более общая постановка вопроса, хотя все прекрасно знали, что в действительности шел противоположный процесс. Укрепление Центра вызывало в 1920-е годы недовольство «националов», они не раз обвиняли Москву (во многом нерусскую по позициям и кадрам) в великодержавных позициях. Даже борьба с религией в мусульманских регионах рассматривалась как проявление «великорусского шовинизма».

Характерным для 1920-х годов было допущение *общей оценки (вины)* русского народа, а не просто отдельных его представителей. Потом этот подход, уже в 1930-е и 1940-е годы, не раз применяли и к отдельным, «провинившимся», малым народам. В 1920-е годы русские не раз слышали о себе нелестные общие характеристики, звучавшие с высоких трибун. В 1926 г. заведующий отделом нацменьшинств Отдела агитации пропаганды ЦК ВКП(б) С. М. Диманштейн в докладе на совещании по борьбе с антисемитизмом, напрямую заявил: «*В русских широких массах рабочих и крестьян, особенно в крестьян-*

*стве, имеется без сомнения известное недовольство нашей национальной политикой, им мыслится, что русские должны являться господствующей нацией. Эта мысль живет в сознании русских широких масс. Мы знаем, что в крестьянстве живет мелкобуржуазное антисемитическое настроение, и факт тот, что мы проводим национальную политику, в значительной степени уничтожающую старое господство, каким пользовались русские, в значительной мере порождает недовольство. Это недовольство национальной политикой в значительной мере усиливает антисемитизм и питает его»*²⁹. Интересно в этой связи представить точку зрения русской стороны в том же 1926 г., высказанную на похожем мероприятии — диспуте об антисемитизме, который проводился в стенах Московской консерватории 2 декабря 1926 г. В выступлении профессора Московского университета Ю. В. Ключникова, специалиста по международному праву, прозвучала мысль о том, что «на национальных признаках в советской стране строится весь государственный строй, поэтому с национальным чувством надо считаться». Профессор заявил, что если советская власть объявила правила игры, в соответствии с которыми государство строится на «национальных признаках», значит, ни одна нация не может быть умалена в своем национальном достоинстве, тем более русская. «Законны национальные чувства всякой нации». Ю. В. Ключников сказал это в пику выступавшему до него поэту М. Кольцову, который утверждал, что одно дело ругать русского, а другое дело — еврея. Во втором случае возникает целое явление — антисемитизм. А из первого, кроме частного случая, нет ничего особенного. Профессор на это ответил, что такое время прошло (намек на ленинский период). Очевидно, в стране уже появились какие-то признаки нового (хотя и декларативного) положительного отношения власти к русским. «Сейчас и русского не годится затрагивать»³⁰. Далее оратор следующим образом развивает свою мысль: любое здоровое национальное чувство — это нормально, это хорошо. И русские, как и все народы СССР, имеют право на здоровое национальное чувство. В соответствии с ним они хотят, чтобы о них также заботились, как и о других народах. Но они видят другое, и они повсеместно возмущены

²⁸ Чеботарева В. Г. Наркомнац РСФСР... С. 813.

²⁹ ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос. Сост. Л. С. Гатагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2005. Кн. 1. 1918–1933. С. 425–428.

³⁰ Там же. С. 452.

социальной несправедливостью. Но это не национализм, это проявление «естественного голода и недовольства», здорового национального чувства. Профессор возмущается: как можно на 10-м году существования советской власти вообще серьезно говорить об антисемитизме? Необходимо решать социальные вопросы по справедливости для всех народов страны, тогда здоровое национальное чувство любого народа будет удовлетворено. Но как только проф. Ключников закончил свою речь на него с обвинениями обрушился ведущий Ю. Ларин, как на «врага, одевшего личину», речь профессора была названа «панической, против советской власти».

Проблема нациестроительства тогда не могла быть решена без финансового обеспечения со стороны Центра. «Субвенции — целевые государственные пособия — были в 1920-е годы единственным источником пополнения местных бюджетов». В 1930-е годы дотации Центра в бюджетах автономий и республик были не менее 50 %: в Карельской АССР 65 %, Якутской — 63 % и т. д.³¹ Известны следующие слова Д. Б. Рязанова, директора Института Марксизма-Ленинизма, сказанные им в октябре 1925 г. на сессии ВЦИК XII созыва: «Все республики должны знать, что РСФСР приносит громадные жертвы в пользу СССР, приносит эти громадные жертвы тогда, когда крестьянство РСФСР находится в худшем положении, чем крестьянство остальных членов Союза ССР. И не только крестьянство, это надо подчеркнуть»³². Но эти разумные слова о том, что не надо плевать в колодезь, который тебя поит, не были услышаны. Рязанову тут же возразил инструктор ВЦИК Д. Галли: «Странно слышать, что на горбе русского крестьянства мы несем расходы РСФСР». Возражения Галли сводились к тому, что не надо напоминать об этом, говорить вслух, ведь «это помощь не филантропическая, а чтобы вызвать подъем производительных сил отсталых районов»³³. Этот окрик, нередко был слышен в отношении русских и в ленинские, и в сталинские годы, когда кто-то из русских партийных функционеров пытался воззвать или к равноправию или к справедливости в конкрет-

ной ситуации. Время показало, что вопрос о дотациях «национальным республикам» — это не вопрос ситуации, кадров, ресурсов, а вопрос все же цивилизационный, который не может быть решен отдельным малым народом в одиночку, но лишь внутри единого цивилизационного пространства. Такого пространства советская власть малым народам не представила. В июне 2013 г. в выступлении временно исполняющего главы Дагестана Р. Абдулатипова прозвучало: «Это богатейшая республика, и позор, что мы находимся по основным показателям социально-экономического развития на последних местах. Живя в прекрасном регионе, позор кормиться за счет рязанского мужика! Надо самим зарабатывать и самим потреблять. И помогать стране!»³⁴.

Нельзя не учитывать в связи с финансовым вопросом и того, что центр, отдавая окраинам средства на нациестроительство, сам (народ центральной России) крайне нуждался после Гражданской войны и голодных лет (1922—1923 г.) в средствах. Лишь к 1927 г. детская беспризорность, размах которой был беспрецедентным³⁵, в центральных районах была локализована, все беспризорники определены в детские учреждения. Но и там детям не хватало самого необходимого. Денег в местных бюджетах катастрофически не хватало ни на какие социальные проекты, даже на самые важные³⁶. Но и в этих условиях большевики продолжали финансово поддерживать региональные проекты, связанные с нациестроительством. Экономическое «выравнивание» Центра и окраин началось сразу же после окончания Гражданской войны. Это была долговременная политика, направленная на экономический промышленный подъем в национальных анклавах. Исследовавшие это явление авторы говорят об искусственном характере «подъема». Из Центра вывозились целые предприятия, русская рабочая сила, передавались финансовые средства, «проводилась политика искусственных финансовых и иных льгот за счет обескровливания Центра, прежде всего великорусских районов»³⁷. Коллективизация проводилась в мягком, щадящем режиме³⁸. Политика

³¹ Там же. 69.

³² Чеботарева В. Г. Национальная политика... С. 34.

³³ Там же. С. 35.

³⁴ Комсомольская правда. 10.06. 2013. Л. 7.

³⁵ В 1924 г. к беспризорным относилось 36,9 % детей России и значительная часть их жила вне дома. — Захарова Л. Б. Формирование новой морально-этической парадигмы в российском обществе 1920-х годов. Самара, 2013. С. 166.

³⁶ Там же.

³⁷ Вдовин А. И., Зорин В. Ю., Никонов А. В. Указ. Соч. С. 158.

³⁸ Там же. С. 160.

«высасывания соков» из Центра самым тяжелым образом отражалась на развитии Центральной России и, конечно, во многом повлияла на степень готовности страны к войне с фашизмом. Такая политика, как считают специалисты, оказала негативное влияние на страну в целом: «С точностью подсчитать, насколько в результате такой политики замедлилось развитие большинства регионов — невозможно, однако сам по себе этот факт представляется бесспорным. Отсюда, из 20-х гг., берут истоки трагедии Российского Нечерноземья, Поволжья, неустроенность Сибири. Русского Севера, Дальнего Востока. Активное, плановое, национально-обезличенное перераспределение лишало национальной специфики как те регионы, у которых „брали“, так и те, кому „давали“, а очень часто навязывали»³⁹.

Со второй половины 1920-х годов, после проведения автономизации, начинает меняться и национальная политика в отношении малых народов, советское нациестроительство вступает в свой новый этап — насильственного отъединения религии от этничности и у малых народов. Но опять же наступление на религию здесь велось более мягко и не столь масштабно. Тезисы ВКП(б) 1926 г. «Об антирелигиозной пропаганде среди национальностей СССР» (речь идет о нерусских национальностях) в целом еще дышат толерантностью в отношении веры малых народов. Но большевики уже признают, что соединение этнического и конфессионального начал недопустимо ни для кого: «Перед безбожниками-националами стоит новая задача в антирелигиозной пропаганде: разъяснение различия между понятиями национальности и религии. Духовенство в своей повседневной агитации закрепляет смешение понятий национальности и религии и прилагает все усилия к отождествлению этих понятий. Без учета этого обстоятельства антирелигиозная пропаганда может преломиться в сознании нации как пропаганда против национальности».

Власти ставят задачу внедрять материалистическое мировоззрение, разъяснять людям одинаковую сущность всех религий, уделять место вопросам естествознания. «Шариат, адат (уруфь), завоевавшие значение не менее корана, должны быть подвергнуты критике в равной мере»⁴⁰. С 1922 г. был наложен запрет на существование шариатских судов и мусульманских школ, но

негласно и то и другое продолжало существовать до начала 1930-х годов, пока не развернулась масштабная репрессивная кампания по выявлению «шпионов и диверсантов», в результате было репрессировано большое число мусульманских духовных лиц. Также после 1922 г. началось сворачивание всех традиционных основ еврейского религиозного быта, эти перемены коснулись даже языка. Государственную поддержку получил лишь идиш — «язык еврейских народных масс», программы по ивриту перестали поддерживаться советской властью⁴¹. В ВКП(б) открывается единственная в своем роде еврейская секция, которая курировала процесс перехода евреев на светский образ жизни. Под запрет попадают все националистические сионистские организации евреев.

Ленинскую национальную политику можно охарактеризовать как националистско-интернационалистскую, т. е. националистско-репрессивную по отношению к русскому народу, и интернационалистскую по отношению ко всем народам, в том числе русскому. Интернационалистская политика подразумевала постепенную диэтнизацию, что на первом этапе означала атеизацию всех народов. Для русского народа атеизация сопровождалась еще и узаконенной репрессивной политикой по отношению ко всему народу. Именно, народу, а не какой-то отдельной его части (Церкви, духовенству), как в случае с атеизацией.

2. Вера в «коммунистический труд» — важная составляющая мировоззрения советского человека. Большевики не сразу увидели, что труд, кроме классово-сословной основы имеет еще традиционные корни. А это традиционный этнический, религиозный, нравственный опыт народа. Маховик революции удалось остановить не сразу. Поначалу преобладало строго репрессивное отношение к русскому народу (крестьянству, торгово-промышленной буржуазии), что не позволило даже в годы НЭПа большевикам-ленинцам опереться на русские народные трудовые традиции, из-за чего в ленинский период, на наш взгляд, не произошло принципиального перехода к новому типу советского хозяйствования. В последних своих работах Ленин отчасти стал осознавать эту проблему, когда писал, что задачей НЭПа является «смычка с селом»: «Смычки

³⁹ Там же. С. 164.

⁴⁰ ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос. Сост. Л. С. Гатагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2005. Кн. 1. 1918—1933. С. 387.

⁴¹ Там же. С. 111—112.

с крестьянской экономикой той новой экономики, которую мы пытались создать, у нас не было. Есть ли она теперь? Еще нет. Мы к ней только подходим. Все значение новой экономической политики, которое в нашей прессе еще часто продолжают искать везде, где угодно, но не там, где следует, все значение в этом и только в этом: найти смычку той новой экономики, которую мы с громадными усилиями создаем, с экономикой крестьянской. И в этом наша заслуга. И без этого мы бы не были коммунистами-революционерами»⁴². Но смычки на деле так и не произошло, поскольку продолжала господствовать политика воинствующего атеизма, которая была чуждой крестьянству. Ленин надеялся на то, что свобода в торгово-хозяйственной сфере позволит постепенно решить проблему создания самостоятельной советской экономики, но кроме спекулятивного капитала и мелких форм рыночной торговли такая подконтрольная свобода ничего не несла. Советская власть в эти годы выживала за счет тотальной распродажи за границей золотого запаса, антиквариата, всего того, что находилось в музеях или было «экспроприровано у Церкви и буржуазии». Также немаловажно то, что большие средства уходили из Центра на решение задач нациестроительства у малых народов, на экономические, социальные и культурные нужды их. В деле организации народного труда советская власть при Ленине зашла в тупик, который грозил ей гибелью.

3. Большевики с самого начала самым серьезным образом, с самого начала, отнеслись к образовательной сфере. Для многих почитателей советской эпохи именно здесь находится итог главных достижений советскости, ее самая заветная сторона. Всеобщее народное образование, поголовная грамотность, возможность любому из «кухаркиных детей» получить высшее образование, сделать научную, политическую или художественную карьеру не могли не воздействовать на патриотизм советских людей. Между тем, нельзя забывать, что цена за образование — массовая атеизация школьников — была огромна и ему несоразмерна. Никаких школ не было бы, если бы в них не преподавался атеизм, отрицающий религиозные ценности, и не утверждалось бы новое духовное мировоззрение — научный коммунизм. В жесткие идеологические тиски воинствующего атеизма попала и наука, работавшая и на произ-

водство, и на образование. Развитие науки приобрело, особенно в гуманитарной сфере, односторонний характер. Русская история и культура стали рассматриваться вне религиозного, а до начала 1930-х годов и этнического контекста. Научная сфера привлекала к себе советскую власть по нескольким причинам. Научное мышление должно был заменить собой религиозное мышление и потому каждый школьник должен был «овладеть этим инструментом». Конечно, во многом большевики действовали начетническим, а не творческим образом. Школьникам предлагалось заучивать тот или иной набор доказательств естественного происхождения того или иного явления и на вере в факт их доказанности строить всю общую цепочку. Важно было знать, что «наука это доказала», а те или иные популяризированные сведения учащимся предоставлены. Но нельзя сводить советское «научное мировоззрение» к некому идеологическому условному уровню, который был рассчитан на педагогов и учащихся, поскольку там не требовалось решать фундаментальные доказательные задачи. Несомненно, должен был быть и образцовый научный уровень, откуда идеологи и практики могли бы черпать свои идеи и доказательства «отсутствия Бога». Советская наука, несомненно, стояла перед задачей преодоления препятствий религиозного мировоззрения, чтобы найти реальную замену ему. Это мировоззрение допускало существование неких тайн, некоей разумной мистики, некоего сложнообъяснимого рационализма. К таковым советским феноменам можно отнести мировоззренческие выкладки В.И. Вернадского, связанные с его теорией ноосферы. Для этого ученого наука являлась высшей сферой свободной, творческой мысли и, более того, высшей формой творческой реализации человека в смысле возможности воздействовать на биосферу. Наука, по Вернадскому, превзошла религию, философию, государство, и потому очень скоро станет первенствовать в мире. Он считал, что наука, как созидательница ноосферы — преобразованной биосферы, умной биосферы — может и должна решить все проблемы человечества. Вот почему она заменит и государство, и философию, и религию, которые лишь частично справляются со своими задачами. Наука сможет все сделать «для правильного социального устройства, (дающего) максимум счастья и полное удовлетворение основных материальных потребностей челове-

⁴² Ленин В. И. Речи на XI съезд РКП(б) // Ленин В. И. Полн. Соб. соч. Т. 45.

чества»⁴³. О науке Вернадский говорит как о вере: она продуцирует мораль более высокую, чем религия или государство, она демократична, «в ней несть ни эллина, ни иудея», цитирует он апостола Павла. Если религий и философских систем много, то «наука одна и едина». В науке есть «научная истина» и есть «научный разум», который выходит «за пределы исторического времени» в «вечное»⁴⁴. Таким образом, если говорить о мировоззренческом содержании этих общеполитических постулатов В.И. Вернадского, то они действительно не укладываются в прокрустово ложе обычного советского материализма. И, тем не менее, они принимались и поддерживались советскими идеологами, видевшими, как и Вернадский, в науке альтернативу религии.

Вот почему, если говорить о *духовной составляющей* советской идеологии, то нельзя оставить без внимания авторов (а не только идеологов-практиков), несомненно, оказавших большое (может быть решающее) влияние на создание постулатов советского научного мировоззрения. К таковым авторам, кроме В.И. Вернадского, следует отнести К.Э. Циолковского и так называемых космистов, в том числе их предшественника, умершего в 1903 г., философа Н.Ф. Федорова. Кроме того, со стороны большевиков, как замечают многие, наблюдалось копирование тех или иных известных церковных форм и переделка их на советский лад. С.Г. Кара-Мурза считает это явление характерным для большевиков. «Большевики разрушали церкви как капища „неправильной“ религии, они замещали их другими церквями и другими иконами. Это было страстное столкновение двух религиозных представлений о правде»⁴⁵. Автор оправдывает «благородную борьбу за истину», в которую включились большевики со всей революционной страстью. Это не было «верой в конкретного бога», религиозность представлялась им как «способность человека чувствовать, воспринимать сокровенный, священный смысл событий, отношений»⁴⁶. Не очень понятно, поначалу, откуда, по мысли историка, большевики могли черпать свою религиозность, поскольку «такой человек ощущает священный смысл хлеба и земли, тайный смысл рождения, болез-

ни, смерти. Для него может иметь священный смысл Родина, Армия, даже завод...». Но далее мы находим разгадку: религиозное чувство их формировалось из особого отношения к священным понятиям — «хлебу», «Армии», «Родине», «заводу». Они выращены, собраны, построены «жертвами отцов», и потому «такой человек чувствует долг перед мертвыми и слушает их совет при решении земных дел»⁴⁷. Перед нами типичные выкладки философии Н.Ф. Федорова, хотя С.Г. Кара-Мурза, по какой-то причине, не озвучивает этот мировоззренческий источник. Как последовательный защитник «советской цивилизации» и человек неверующий, историк видит в большевистской религиозности сугубо положительное значение: «большевики не разрушили, а даже укрепили главную основу религии — саму способность одухотворять мир священным смыслом»⁴⁸. Отсюда у С.Г. Кара-Мурзы индустриализация — это типичное «религиозное подвижничество» советского человека.

Конечно, «религиозность» большевиков видна была и невооруженным глазом. Она просматривается в псевдокрестных ходах — демонстрациях, в «красных Пасхах» и «Рождествах», «крестинах», «свадьбах» и «отпеваниях». Народу ее навязывали в виде почитания псевдомощей Ленина, а потом и Сталина. С храмов срывали кресты и на их место вешали звезды и т.д. Но *видимая* религиозность являлась скорее второстепенной формой большевистской религиозности, поскольку она паразитировала на православной, церковной религиозности, отсюда брались привычные народу формы организации внецерковной духовной жизни. Что же касается того, о чем говорит С.Г. Кара-Мурза, то источником этой религиозности было сектанство. Большевики-ленинцы явно были увлечены в определенной мере сектантскими идеями не только Л.Н. Толстого, о чем писал Ленин, но и софиологией Вл. Соловьева, и философией «общего дела» Н.Ф. Федорова. Трудно проследить это по сохранившимся документам, но если анализировать отдельные идеологические проекты большевиков, то эта связь обнаруживается. Следы влияния идей Вл. Соловьева обнаруживаются, например, при анализе советской этической культуры, основы которой закладывались

⁴³ Вернадский В. И. Научная мысль как планетарное явление. М.: Наука, 1991. С. 87.

⁴⁴ Там же. С. 96.

⁴⁵ Кара-Мурза С. Г. Указ. Соч. С. 263.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 264.

в 1920-е годы⁴⁹. Судя по кругу интересов А. А. Богданова — крупного большевистского функционера, близкого к Ленину (а он занимался в числе прочего исследованиями в области геронтологии и гематологии), — теория Н. Ф. Федорова могла ему быть интересна.

Главный вопрос для сектанта Н. Ф. Федорова (1828—1903) — это вопрос о личном и коллективном бессмертии. Он разработал учение о воскрешении человечества «своими силами», без Бога. При этом философ не считал себя атеистом, он ходил в Православную Церковь (не озвучивая до поры своих взглядов), но в своем учении так далеко ушел от церковного понимания воскресения мертвых, что иначе как сектантскими его идеи не назовешь. По мысли Н. Ф. Федорова христианское человечество слишком пассивно вело себя, ожидало от Бога воскресения, хотя само должно было потрудиться ради этого. Сделать шаг к воскрешению мертвых можно лишь в случае особого *психологического единения* всех людей, кропотливой деятельности по восстановлению памяти умерших. Основной площадкой для воскрешения будет уже не храм, а внехрамовое пространство, центром которого станут музеи. Здесь будет проходить «внехрамовая литургия» и совершаться «внехрамовая Пасха». «Престолом этой литургии будет вся земля, как прах умерших, „силы небесные“ — свет, теплота — будут видимо (а не таинственно) служить для обращения праха в тело и кровь умерших»⁵⁰. Соответственно это произойдет тогда, когда люди сумеют подчинить себе природные стихии. Федоров глубоко верит в силу науки (и это оказалось на руку советской власти, которая научное мировоззрение — рациональный метод — странным образом сочетала (а точнее перемешивала) с мистикой веры в некие провозглашенные принципы, космического или же природного разума.

У Федорова была многоступенчатая модель созидания нового общества, и подобный конструктивизм позволил увлечься этими идеями большому числу лиц в России, которые свою образованность не хотели совмещать с верой в Бога. Нам неизвестно, были ли в 1920-е годы приняты серьезные, целенаправленные попытки

со стороны высших представителей советской власти облечь идеи Федорова в «кровь и плоть», но судя по некоторым общим вещам, воплощенным в жизнь, такая работа проводилась. Одна из опорных точек в концепции Федорова — фигура «самодержца». «Идеальный самодержец встает во главе „общего дела“ как патриархальный глава государства, переходящего в отечество»⁵¹. А вот, что пишет сам философ: «Царь вместе с народом будет самодержцем, властителем, управителем слепой силы природы, ее царем, не душ, как Папа, а повелителем материи, внешнего, материального мира и освободителем от закона юридического и экономического»⁵². Федоров уточняет: «самодержавие — это диктатура», «власть отца». Здесь очевидная апелляция к той эпохе человечества, когда не появился еще античный рационализм, и магия определяла форму взаимоотношения человека с природой⁵³. Вождизм, в виде трепетно возвышенного отношения к Ленину вытекал из этого положения. Вождизм в стране советов насаждался грубо и навязчиво. Переименовывались города, улицы, площади, словом, менялась вся топография страны⁵⁴. Соответственно, уничтожалось все, что сопротивлялось этой политике: сословия, которые вырабатывали враждебный большевикам уклад, люди, не желающие видеть бесчинства, памятные знаки чести и славы бывшей культурной традиции. Переход от одного возраста к другому был ритуализирован своего рода инициациями. Испытания «на вышке, в поле, в больнице, на кладбище — до брака и погребения».

Другой вопрос, который разрабатывал Н. Ф. Федоров и который, несомненно, воплотили в жизнь большевики — замена религиозной веры определенным массовым психическим настроением. Философ назвал это обществом «психократии», т. е. обществом психического (а не религиозно-православного) единства. Все наблюдают друг за другом и ведут дневники. Фиксируется не только настоящее, но и ведется постоянная розыскная работа о прошлом. Все становятся историками. Самый мельчайший событийный факт в селе, в городе, на полустанке должен быть записан и включен в общемировую цепь событий. Весь этот

⁴⁹ Захарова Л. Б. Формирование новой морально-этической парадигмы в российском обществе 1920-х годов. Самара: Самарский государственный технический университет, 2013. С. 89.

⁵⁰ Цит. по: Семенова С. Г. Николай Федоров. Творчество жизни. М.: Советский писатель, 1990. С. 242.

⁵¹ Семенова С. Г. Указ. соч. С. 266.

⁵² Там же.

⁵³ Кириченко О. В. Традиция с позиции православного мировоззрения // Традиции и современность. Научный православный журнал. 2007. № 7. С. 39.

⁵⁴ Там же. С. 98.

материал понадобится потом при воскрешении. Весь материальный мир должен быть пронизан человеческой мыслью и чувством. Топография местности должна выглядеть так: храм, ставший научно-исследовательским музеем, рядом с ним кладбище и школа. Вокруг — дома «прихожан». В идейной конструкции сектанта Н.Ф. Федорова было и теоретическое обоснование особой роли женщины в «общем деле». Толкуя образ Святой Троицы на свой лад, он третью ипостась Троицы называет «Дочерью» и отсюда выводит свои заключения⁵⁵.

Сравнивая все указанные выше теоретические наработки с практикой большевиков, мы можем говорить не просто о сходстве, а о попытках, хотя и в большей степени безрезультатных (если говорить о силе их проникновения в народ), воплощения в жизнь федоровских идей. Большевистские квазирелигиозные практики совершенно очевидно тяготеют к не только дохристианской, но даже доантичной, дорационалистической эпохе⁵⁶. Перед нами вариант «антропологического магизма», когда человек рассматривался лишь в качестве носителя символов, соединяющих его с архаичным Космосом. Лишь в ритуальном действии достигалась гармония полноты бытия, тогда «участники священного действия проникали во все уголки единого космоса»⁵⁷. В этой архаичной традиции не знали государственности, здесь процветали магия, шаманизм, действовали вожди и жрецы, господствовала не нравственная, а знаковая информация о человеке (в татуировке, ритуальных масках, раскраске тела). Структурно близкое информационное поле (человек-знак) создавало и советское государство. Людей в архаичном языческом обществе интересовала только статусная информация о другом, которую нужно было получить наглядно и отреагировать на нее мгновенно. Архаику отличала также избыточная психическая уязвимость, поскольку «слияние символического мира с телом делало последнее органом духовности, и чувственно-эмоциональная сфера становилась главной, психика приобретала доминирующее значение». Такая нагрузка на психику приводила к нервным расстройствам, заболеваниям. Эта же причина объясняет появление такой категории людей как шаманы, в большевистском обществе,

действующие в образах комиссаров, политработников и агитаторов.

Без религиозного фундамента нельзя было рассчитывать на долговременное существование советской власти. Атеизм мог быть лишь *формой отрицания* прежней господствующей в России религии — православия. Большевикам нужен был и свой позитивный квазирелигиозный проект, позволяющий действовать в рамках модерна. Выход в глубокую архаику — языческую эпоху традиции, — как нам кажется, позволял им надеяться на создание своего проекта модерна, чтобы избежать опасности постмодернистского варианта. В утверждении власти большевики были вполне серьезны и настроены на долгосрочное воплощение в жизнь этого опыта прошлого.

Влияние идей Н.Ф. Федорова на духовную сторону советской идеологии было колоссальным. Метеорология, ракетостроение, и в целом одушевленное отношение к машине, музеи вместо храмов — все это очевидные и наглядные следы федоровского присутствия в советской действительности. Федорова до революции не просто поддерживали, а боготворили Л.Н. Толстой, В.С. Соловьев, Ф.М. Достоевский. Под его влиянием находились космисты советского периода: о. Павел Флоренский, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский и ряд других. Идеи Федорова активно продвигал в жизнь такой активный организатор советской литературы в первые годы советской власти, как В. Брюсов. Под влиянием федоровских идей находились А. Блок, М. Горький, Б. Пастернак, А. Платонов⁵⁸. Для А.С. Панарина — антисталиниста — связь Вернадского с советской эпохой неочевидна. Философ критикует Сталина за то, что тот *«уподобляет общество и даже сам космос складу рукотворных вещей, устаревающих физически и морально и потому подлежащих выбраковке. Для подобного мышления не существует ничего самоценного — все стоит под знаком функции, ничего уникального, все тиражируется. Такое мышление ценит лишь то, в чем человек и в самом деле уступает машине, ритмичность и безотказность»*⁵⁹. Но тут же обеляет интеллектуальный продукт этой эпохи — космизм В.И. Вернадского, считая, что он вполне чист от «заразы сталинизма». Отсюда,

⁵⁵ С похожей интерпретацией выступал позже другой мистик — Д.Л. Андреев в сочинении «Роза мира».

⁵⁶ Кириченко О.В. Традиция с позиции православного мировоззрения // Традиции и современность. Научный православный журнал. 2007. № 7. С. 14–16.

⁵⁷ Там же. С. 14.

⁵⁸ Семенова С.Г. Указ. соч. С. 346–373.

⁵⁹ Панарин. А.С. Указ. соч. С. 100.

«из Вернадского», А. С. Панарин черпает философскую доктрину для будущей России: «В отношении онтологического статуса (вернуть право живого и повысить его статус) пионерское значение имеют работы В. И. Вернадского и других основоположников русского космизма»⁶⁰.

Сталинский период

1. Продолжение атеистической этнизации советского общества

Что изменилось при Сталине в национальной политике? Если основой ленинской национальной политики было создание сдерживающих противовесов «русскому шовинизму», то при Сталине ставилась задача создания национально однородных образований. Нации (этноты) должны были быть очищены от всего несоциалистического и прежде всего религиозности. В 1930 г. Сталин обозначил эту цель так: «Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране»⁶¹.

Тема перемены курса Сталиным впервые внимательно исследована В. В. Кожинным⁶², который ставил в безусловную заслугу вождю это деяние. По мнению Кожинова, Сталин сознательно возвращался в лоно имперской традиции, потому что понял ошибочность и бесперспективность интернационалистского большевистского пути. Вождь искренне перешел на русофильские позиции, в чем и проявилась его политическая мудрость и дальновидность. Здесь очевидна просталинистская позиция автора. С близких позиций исследует это время О. А. Платонов в своей двухтомной монографии⁶³.

Нам представляется, что на сегодняшний день эту тему наиболее глубоко и всесторонне осмыслил в своих научных трудах А. И. Вдовин. Важной вехой была его монография «Российская нация»: национально-политические проблемы XX века и общенациональная российская идея (М., 1995). Но у Вдовина русский народ все же рассматривается отчасти вне своего стержневого начала — православности. Отсюда автору не видно тех страшных испытаний, по сути (а не по статистике разрушенных и закрытых храмов), которые ударили по русскому народу в

1930-е годы, когда его насильственно отрывали от веры. Также ему не видно, что национальная политика царского самодержавия в отношении русского народа «состоялась» (при том что народ действительно не находился в привилегированном положении тогда), хотя автор утверждает обратное⁶⁴. Это слабое место его концепции, которое не позволяет, в конечном счете, критически объективно оценивать сталинские «достижения». В коллективной монографии А. И. Вдовина, В. Ю. Зорина, А. В. Никонова «Русский народ в национальной политике. XX век» (Кунгур, 2007)⁶⁵ тема мнимого русофильства Сталина рассматривается наиболее обстоятельно и аргументированно. Так, здесь подробно разбираются все перипетии большевистской национальной политики, связанные с проблемой «искупления вины» русским народом перед малыми народами, и дается развернутый анализ всех сторон деятельности власти (экономической, социальной, культурной), имеющей отношение к специфике советского цивилизационного процесса. Авторы впервые с максимальной долей объективности ставят вопрос о цене, которую заплатил русский народ за большевистские эксперименты не только в области национальной политики, но и в целом — в развитии страны. Нельзя не согласиться с их выводами, что даже цивилизационная деятельность, направленная «из Центра» на благо малых народов, была во многом бесполезной, парадной, не затрагивающей подлинного подъема производительных сил этих регионов. Здесь, как и везде, преобладала штурмовщина, шла перекачка ресурсов из одного места в другое, но самое главное — просматривалось очевидное равнодушие, как к судьбе русского народа, так и к судьбам малых народов. Авторы монографии оставляют в стороне вопрос о церковной политике власти, считая, очевидно, что она не связана с национальной политикой, хотя, как мы покажем ниже, это было совсем не так.

В целом указанный подход нашел и официальное признание, поскольку эта точка зрения была закреплена в учебном пособии для студентов истфака МГУ, написанном А. С. Барсенковым и А. И. Вдовиным (3-е изд. М., 2010)⁶⁶. Авторы признают проект Сталина его личным достижением,

⁶⁰ Там же. С. 101.

⁶¹ Сталин И. В. Сочинения. Т. 12. С. 369.

⁶² Кожин В. В. Россия. Век XX. М.: Эксмо, 2011. С. 462–502.

⁶³ Платонов О. А. Терновый венец России. История Русского народа в XX веке. В 2-х томах. М., 1997. Т. 2.

⁶⁴ Вдовин А. И. «Русский вопрос» в истории XX века и на современном этапе // Трибуна русской мысли. 2007. Осень. С. 56.

⁶⁵ Вдовин А. И., Зорин В. Ю., Никонов А. В. Русский народ в национальной политике. XX век. Кунгур, 2007. 2-е изд.

⁶⁶ Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1917—2009. М., 2010. С. 254.

выражением его всегдашних «почвеннических» позиций, в противовес «интернационалистской» (группа Троцкого, Зиновьева, Каменева). В исследовании В.И. Козлова «История трагедии русского народа», Сталин предстает как прагматик, почувствовавший приближение войны с фашистской Германией и начавший задолго до этого события готовить страну к грядущим событиям. Сталин действует, как всевластный тиран, но при этом мудрый политик⁶⁷. Главный апологет советского строя С.Г. Кара-Мурза вообще не касается этой темы в своей знаковой работе⁶⁸. Для него советскость является более высшей ступенью консолидации общества, чем этничность, поэтому «национальный вопрос» ему не интересен. Не найдем мы проработки этого важнейшего для советского периода вопроса и у либерально ориентированных авторов, например, в двухтомнике «История России в XX в.» под ред. А.С. Зубова⁶⁹.

Сталинская советскость отчасти отличалась от ленинской. Главное отличие ее состояло в *декларативно-формальном* снятии «революционного проклятия» с русского народа и объявлении его народом, составившим авангард революции, ее решающую силу. Реабилитировали не какую-то отдельную группу, а именно весь народ. Сделано это было не бескорыстно, не по велению сердца, не из русофильских побуждений нового вождя⁷⁰, а в силу того, что советская власть в экономической сфере во второй половине 1920-х годов зашла в тупик, из которого она могла выбраться, только изменив свою репрессивную политику по отношению к русскому народу. Сталин-интернационалист оказался готов к такому шагу, Троцкий-интернационалист — нет. Уже со второй половины 1920-х годов, Сталин начинает менять ленинский курс и осторожно говорить о праве русского народа на первенство в СССР, по праву первопроходца в революции. К середине 1930-х уже ясно обозначился крен в этой новой политике. Обстоятельно этот процесс раскрыт в указанной коллективной монографии А.И. Вдовина, В.Ю. Зорина, А.В. Никонова⁷¹. Новый курс стал проявляться и в пропаганде, и в школьном обучении, и в замене кадров в государственном аппарате.

В это время Сталин продолжал сохранять нарабатанные приоритеты старой национальной политики. Так в письме первому секретарю казахского крайкома Л.И. Мирзояну от 13 декабря 1933 г. он пишет: «С великорусским шовинизмом ведут борьбу не только местные парторганизации, но, прежде всего, ЦК ВКП(б), в целом»⁷². И в 1923 г. Сталин считал, что у советской власти в области национальных отношений два врага: «великорусский шовинизм» и «местный национализм», и в 1933 г. его отношение к проблеме не изменилось. Встает вопрос: что же понимал Сталин под «великорусским шовинизмом»? Почему, даже провозгласив курс на реабилитацию русского народа, он продолжил говорить о великорусском шовинизме? Ведь речь шла не просто о недостатках чьего-то конкретного воспитания, а о проблеме общего характера, «великорусской», т.е., с точки зрения, Сталина имперской, а значит, все-таки проблеме религиозной. С точки зрения Сталина, подлинный великоросс — человек и верующий, и воспринимающий себя в качестве русского, является для большевиков потенциальным и очевидным врагом — «шовинистом». Но Сталин нашел возможность и бороться с русским шовинизмом, и опираться на русский патриотизм. «Освободиться от русофобии большевики-интернационалисты так просто не могли. Вопреки доктрине им приходилось маскировать свой генетический порок, постепенно выходя на путь уступок русским национальным чувствам, использовать русский национализм для достижения тактических целей, в частности, для того, чтобы умерять чрезмерные притязания националистов иных национальностей»⁷³. Но и тогда, когда Сталин стал проводить «русофильскую» политику, он продолжал поддерживать приоритеты нациестроительства.

Выше мы уже говорили, что даже в ленинский период Сталин во многом определял основы национальной политики. Под его опекой шел процесс нациестроительства. Ленину приходилось с этим мириться. «Во взглядах на первичную форму государственного единства социалистических наций Ленин в сентябре-декабре 1922 г.

⁶⁷ Козлов В. И. История трагедии русского народа. М., 2012. С. 130–133. 3-е изд.

⁶⁸ Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. М.: Эксмо, 2011.

⁶⁹ История России в XX столетии. М., 2011. В 2-х томах. Под. ред. А. С. Зубова.

⁷⁰ Вдовин А. И., Зорин В. Ю., Никонов А. В. Русский народ... Указ. Соч. С. 180.

⁷¹ Там же. С. 71–124.

⁷² ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Сост. Л. С. Гатагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2005. Кн. 1. 1918—1933. С. 725.

⁷³ Вдовин А. И., Зорин В. Ю., Никонов А. В. Русский народ... Указ. Соч. С. 180.

перешел на позицию, близкую к той, которую Сталин занимал в июне 1920 г.»⁷⁴. Сталин считал, что национальная автономизация и коренизация имели и такое важное значение, как ограждение нацменьшинств от воздействия «русского шовинизма». В письме к В.Я. Касаткину, датированному 17 января 1929 г. Сталин пишет: «советские республики вновь попали бы в кабалу к русским, отказавшись от государственного обособления»⁷⁵. По этой причине, в кабалу нацменьшинствам отдавали русских, в тех регионах, где они жили рядом.

Вот почему, русофильство Сталина, не могло не носить декларативный, идеологический характер, так как оно не было подкреплено ни соответствующей реабилитирующей церковной политикой, ни давало подлинно равных прав русским, какие получили от советской власти нацменьшинства, и, кроме того, оно не освободило ни русское крестьянство, ни казачество, ни православное духовенство от очередного широкомасштабного «классового возмездия», которое грянуло в 1930-е годы. Получив право «быть равными», русские должны были снисходительно отнестись к грядущему крайнему ужесточению церковной политики власти, а также освободиться от «эгоистичного» чувства самосохранения народа в период варварски проведенных коллективизации, индустриализации, а затем и жесткой, не щадящей народа организации обороны в период Великой Отечественной войны. На своем посту Сталин оказался достойным приемником Ленина, по умению манипулировать народами и приспособляться к обстоятельствам. В период т.н. русофильства Сталина продолжались масштабированные большевистские атаки на все сохранившиеся крупные социальные группы русских: крестьянство, казачество, духовенство, хотя обстоятельства, казалось бы, не требовали уже применения насилия к ним.

Казачество, как и при Ленине, при Сталине продолжало находиться у советской власти в немилости. В 1921 г. казаки писали в Москву, что постоянные грабежи и насилия над русским населением со стороны чеченцев, ингушей и даже осетин делают жизнь их невозможной. Из 11 станиц было изгнано все русское население (6660 дворов). Это письмо — слезный вопль — обсу-

дили на коллегии Наркомнаца 12 сентября 1921 г. руководители Г.И. Бройдо, О. Карклин и Г.К. Клингер, вместе с представителями ряда автономных республик и приняли решение подтвердить проводимый местными властями курс на «очищение края от русских и казаков»⁷⁶. В середине 1920-х годов, когда на Северном Кавказе проводились плановые землеустроительные работы, велся массовый захват русских земель, а потом произошло узаконивание этого⁷⁷.

В какой-то мере с середины 1920-х годов по отношению к казакам советская власть начала смягчать свою политику. На апрельском 1925 г. Пленуме ЦК ВКП(б) говорилось: «Признать недопустимым игнорирование особенностей казачьего быта и применение насильственных мер по борьбе с остатками казачьих традиций»⁷⁸. Но и тогда казакам было отказано в создании автономии, а прежние массовые захваты казачьих земель проходившее в 1917—1924 годы, и даже насильственное выселение казаков из пограничных с горами станиц, признавалось законным. 22 октября 1932 г. на юг прибыла чрезвычайная комиссия по хлебозаготовкам, возглавляемая членом Политбюро Л.М. Кагановичем. Его сопровождали А.М. Микоян и Г.Г. Ягода. Сразу началось применение «к саботажникам» особых мер: станичников лишали права покупать продукты в магазинах, запрещался ввоз товаров в лавки, а уже в ноябре 1932 г. внутренние войска Красной Армии приступили к выселению 20 000 казаков. В январе 1933 г. было депортировано и отправлено в северные районы страны еще 63,5 тысячи казаков⁷⁹.

Особо ощутимым для русского народа оказался удар, который советская власть в сталинские годы нанесла по крестьянству. Десять лет понадобилось власти, после революции 1917 г., чтобы собраться с силами и начать полномасштабную войну со всем русским крестьянством. Дворянство, казачество, купечество, мещанство, интеллигенция были сокрушены сразу в ходе Гражданской войны. Как отмечают исследователи репрессивной политики И.В. Сталина в отношении советской деревни «по материалам 1928—1929 годов видно, что на смену сводкам о „чрезвычайных хлебозаготовках“ пришли „классовая борьба“, „кулацкий террор“, „антисоветчи-

⁷⁴ Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В., Указ. Соч. С. 82.

⁷⁵ Там же. С. 611.

⁷⁶ Там же. С. 231.

⁷⁷ Там же. С. 179—214.

⁷⁸ Чеботарева В.Г. Национальная политика... С. 238.

⁷⁹ Там же. 245.

на“, „контрреволюция“»⁸⁰. С. Г. Кара-Мурза считает, что в стране в эти годы проходил последний этап Гражданской войны (!), длившейся в целом три десятилетия, и этим оправдывается ее необходимость, во всяком случае, со стороны большевистской власти⁸¹. Действительно, репрессии против русского крестьянства скорее походили на войну против народа, нежели на «экономическую политику». Контроль за проведением коллективизации получила самая эффективная репрессивная машина — ОГПУ, потом НКВД, в то время как в прежние годы контроль за деревней осуществлялся Наркомюстом⁸². Подключилась и армия⁸³. К 1924 году деревня только-только начала отходить от последствий разрухи, вызванной Гражданской войной и страшным голодом 1922—1923 гг. Два года, с 1925 по 1927 г. деревня пребывала в относительном покое, хотя и тогда жесткая политика цен (низких на зерно и высоких на промышленные товары) вызывала недовольство у сельчан. Но уже в 1924 г. в отношении крестьян начала действовать такая репрессивная мера, как лишение избирательных прав. К 1929 г. ее применяли уже массово к значительной части сельского населения⁸⁴. 5 января 1928 г. появляется сталинская директива, в которой вождь требовал от местных организаций добиться решительного перелома в хлебозаготовках «в недельный срок»⁸⁵. Начались аресты и высылки «врагов народа» на Север. С 1929 г. в стране стала создаваться система ГУЛАГа и первыми ее поселенцами стали русские крестьяне⁸⁶. Если в 1929 г. число арестованных и высланных измерялось десятками тысяч (95 908 чел. к 31 декабря) то в 1930 г. пошел счет на сотни тысяч: за 9 месяцев было раскулачено по трем категориям 341 895 чел.⁸⁷ Со сталинским практицизмом и цинизмом была выставлена «норма» врагов народа в де-

ревне — от 3 до 5 %⁸⁸. Руководствовались переписью 1926 г., согласно которой в деревне было 896 тысяч хозяйств предпринимательского типа, с населением 5859 тысяч человек. Это — 3,9 % хозяйств и 5,2 % населения⁸⁹. «В действительности число раскулаченных в отдельных районах достигло 10–12 %»⁹⁰. В течение 1931 г. было выселено 1 243 860 чел., включая 469 470 человек, выселенных во внутренние районы РФ. Всего же за два года — 1930 и 1931 — было выселено 2 437 062 чел.⁹¹ В эти годы выяснилось, что ОГПУ работает не столь эффективно, как хотела бы «партия», поскольку среди работников Политического Управления находились люди, которые не выдерживали морального напряжения, писали письма в ЦК о бесчеловечных условиях жизни высланных крестьян, о страшной детской смертности. Большой резонанс получило письмо ответственного работника органов Е. Г. Евдокимова⁹². Он писал, что переселенцы живут в непригодных для жизни бараках, где на каждого, и взрослого, и ребенка, приходится пол/10 м кв. на разноярусных нарах. Там — земляные полы, вместо крыши — жерди, чуть присыпанные землей. Кроме того — самая негодная пища, вшивость, болезни, сырость и холод. В результате — ГПУ реорганизовали, усилили новыми кадрами, и репрессивная машина заработала с новой силой. Крестьяне, как могли, сопротивлялись: в 1930 г. было 13 754 массовых крестьянских выступления, и еще 3 712 женских выступлений. Но все они были жестоко подавлены, с применением военной силы⁹³. 6 февраля 1930 г. М. М. Пришвин, живший в эти годы в деревне, записал в своем дневнике: «Я, когда думаю о кулаках, о титанической силе их жизненного гения, то большевик представляется мне не больше, чем мой «Мишка» с пружинкой сознания в голове...

⁸⁰ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Документы и материалы. Под ред. А. Береловича, В. Данилова. В 4-х томах. М., 1998—2004. Т. 3. С. 7–8.

⁸¹ Кара-Мурза С. Г. Указ. Соч. С. 423.

⁸² Советская деревня... Т. 2. С. 23.

⁸³ Ивницкий Н. А. Материалы секретного Кремлевского архива Политбюро ЦК КПСС по истории коллективизации // Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии. Материалы конференции, посвященной 50-летию Победы. Вологда, 1995. С. 344.

⁸⁴ Мазур Л. Н. Социальный облик крестьян-лишенцев: анализ источников // Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии. Материалы конференции, посвященной 50-летию Победы. Вологда, 1995. С. 328.

⁸⁵ Советская деревня... Т. 2. С. 20.

⁸⁶ Там же. С. 23.

⁸⁷ Там же. Т. 3. С. 28.

⁸⁸ Там же. Т. 1. С. 16.

⁸⁹ Там же. Т. 3. С. 29.

⁹⁰ Барсенков А. С., Вдовин А. И. Указ. Соч. С. 225.

⁹¹ Советская деревня... Т. 3. С. 41.

⁹² Там же. Т. 3. С. 301.

⁹³ Там же. Т. 1. С. 17.

Все они (кулаки — О.К.) даровитые люди и единственные организаторы прежнего производства, которыми до сих пор, через 12 лет, мы живем в значительной степени. Все эти люди, достигая своего, не знали счета рабочим часам своего дня. И так работают все организаторы производства в стране. Ныне работают все по часам, а без часов, не помня живота своего, не за страх, а за совесть, только очень немногие»⁹⁴. Приведем два характерных воспоминания самих «кулаков» об их жизни в ссылке. «Папа год сидел в одиночке. А нас (жена и семеро детей) сначала вывезли за сорок километров от Сталинграда, а в 31 году привезли в Оскарровку на 5-й поселок, где была ровная степь. Пятьдесят тысяч человек было в этом поселке. Кругом милиция на лошадях охраняла, чтобы не убежали. А куда побежишь? Речка там Ишим. Оттуда брали пить и там стирали. Бурьянчик собирали, варили и кушали. В степи мы вырыли яму, как погребок, кое-чем накрыли, и там мы жили. Так жили все в первый год. Один колодец был на весь 5-й поселок, глубиной метров двадцать пять — он до сего времени стоит. День — ночь стояли за водой. Мама пошлет с ведерочком, пойдешь, чтобы только детям больным принести воды. Туалетов не было, ров был такой метров на тридцать выкопанный, общий для всех. И вот люди стали умирать — повальная дизентерия. Каждый вечер ездила подвода, на нее покойников кидают, как чурбаки, и в ямы отвозят. Так было, что целыми семьями умирали... Ели сухой паек, готовить там негде было. Чечевицу привезут, и мы жевали ее. Самой трудной была эта зима». К концу зимы в живых остался только один ребенок — автор воспоминаний⁹⁵. Свидетельство другого ссыльного — священника о. Иоанна Тимакова — не менее трагично: «Нас привезли из Самарской губернии в степь, на место будущего поселка Новая Тихоновка в середине 1931 года. Я был молод, со мной была жена и маленький ребенок. Мы выкопали ямку в метр глубиной, попончиками крышу закрыли и мешок с багажом в головах. Наш младенец прожил в этой яме месяц и умер. А зимой, когда нас перевели в недостроенные бараки,

у нас другой младенец родился. Первую зиму свирепствовал тиф. Было очень холодно, на пайке жить было очень трудно, народ ослаб. В 31-м, в 32-м году погибли все дети и старики, и к 33 году осталась одна молодежь, редко где старика увидишь. А потом и молодые стали умирать. В Тихоновке у нас по двести человек в день умирало. Три бригады копали могилы (два метра ширины, пять метров длины). Зашивали человека в попонку грязную и в яму бросали. Зимой могилы копать не успевали. Покойников складывали в кучи, величиной с дом, по пятьсот-семьсот человек в каждой куче лежало друг на друге как дрова. Второй наш ребенок тоже умер. А мы с женой выжили благодаря тому, что продали ее пальто на лисьем меху, что ей еще от матери досталось, купили овса, толкли его, ели и чуть живенькие остались»⁹⁶. В каждом из сохранившихся воспоминаний (а их можно привести немало) звучит не просто нота осуждения «злодеяниям Сталина», но нечто большее, потому что совершенно очевидно, что сталинская — большевистская — машина попирала не просто «врагов социализма», а уничтожала народ, истребляла самым жестоким образом детей и стариков, глумилась над их беззащитностью, человеческим достоинством.

В 1932 г. южные регионы России охватил страшный голод, унесший несколько миллионов (до 2 млн.) жизни крестьян⁹⁷. Сталин назвал этот голод наказанием крестьянству за саботаж⁹⁸. Деревню продолжали держать в ежовых рукавицах при Сталине вплоть до войны. В 1937 г. вышел известный закон «Об антисоветских элементах» — закон о деревне. В законе говорилось, что враги, сосланные на поселение (сколько их выжило, до сих пор нет сведений!) продолжают воздействовать на советскую деревню. Они возвращаются после ссылки или убегают, селятся в деревнях и начинают вести подрывную и диверсионную деятельность. Для контроля над деревней по районам утверждались искомые «тройки», действующие без суда и следствия и, как правило, с расстрельными приговорами. Также утверждалась новая разрядка для репрессий: по 1-й категории (расстрел) — 72 950 чел. по второй (8 лет тюрьмы) — 186 500 чел. Задание партии

⁹⁴ Пришвин М. М. Дневники. М.: Правда, 1990. С. 165.

⁹⁵ Карагандинский старец преподобный Севастиан. М.: Паломникъ, 1998. Сост. В. Королева. С. 106–107.

⁹⁶ Там же. С. 114–115.

⁹⁷ Барсенков. А. С., Вдовин А. И. Указ. соч. С. 227.

⁹⁸ Советская деревня... Т. 1. С. 20.

было перевыполнено в несколько раз: в 3 раза по второй категории и в 5 раз по 1-й⁹⁹. Конечно, существуют цифры, указывающие на рост товарного хлеба в 1930-е годы, на то, что механизация решила многие проблемы советской власти, связанные с дефицитом денег, т.к. большая часть колхозного зерна уходила на продажу за границу¹⁰⁰. Но разве какими-либо деньгами или машинами можно измерить ту разруху, которую устроили Сталин и его помощники в деревне?! Удар советской власти по русской православной деревне, по крестьянству был настолько сокрушительным, что деревня просто перестала существовать в ее традиционном для России смысле. В качестве самых общих выводов (даже не отдельных мнений историков) звучат сегодня слова о том, что «коллективизация и раскулачивание подорвали производительные силы деревни» и привели к «раскрестьяниванию», «разрушению многовекового уклада деревенской жизни, традиций и опыта сельского мира»¹⁰¹.

В 1930-е годы сталинская репрессивная машина также активно и беспощадно действовала и в отношении православного духовенства и Церкви. Большевики ставили перед собой задачу не только физического уничтожения непокорных им русских сил в стране, но и разрушения русского народа изнутри, через расщепление традиционного — *этнорелигиозного* русского сознания — не мыслившего себя вне православия. Русская Православная Церковь и православное духовенство в сталинские «русофильские» 1930-е годы испытали на себе всю силу атеистической ненависти: веру преследовали, епископат и духовенство расстреливали и ссылали. Сталин, по сути, поставил перед русским народом дилемму: или ты с советской властью, или ты с Церковью. Наступили не менее страшные (а в чем-то и более страшные), чем при Ленине годы репрессий, направленные на устрашение и жестокое наказание неподчинившихся, на уничтожение духовной памяти народа. В ленинский период среди рядовых большевиков, особенно на периферии, еще сильны были симпатии к Церкви и вере, и это одна из причин, на наш взгляд,

временного приостановления красновардейской атаки на Церковь. Зафиксировано немало случаев в первые послереволюционные годы доброжелательного отношения рабочих, среди которых было немало недавних крестьян, к Церкви и духовенству. Известен яркий факт, когда московские рабочие с завода «Богатырь» (после революции «Красный Богатырь») сумели в 1933 г. отстоять рядом стоящий храм Преображения Господня в Богородском от закрытия¹⁰². Или другой факт, когда руководителя ЧК в 1918 г. в г. Борисоглебске Тамбовской губ. «тов. Толстокоров» (русского) публично отпели в Сретенском храме и похоронили не только по-светски (советски), но и церковно. Красноармейцы и горожане шли не только с транспарантами, но и с иконами и хоругвями¹⁰³. Немало в эти годы было случаев отказа простых русских солдат расстреливать священников, из-за чего большевикам приходилось посылать команды латышей или китайцев, идейных рабочих-интернационалистов¹⁰⁴. Большевики опасались, что жестокость, с которой чинились расправы над «контрреволюционерами», «революционный народ» может не выдержать. Об этом пишет Ленин в известной своей записке «по поводу событий в Шуе» 19 марта 1922 г.: «длительного применения жестокости народные массы не вынесут». И далее звучат хрестоматийные точные большевистские фразы вождя революции: «Мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий»¹⁰⁵. То есть речь идет о красном терроре как революционном возмездии. «Сражение», — пишет Ленин, хотя духовенство не брало в руки оружие и не собиралось сопротивляться.

Предреволюционное состояние Русской Православной Церкви выглядело следующим образом: в ней было 78 тыс. храмов и часовен, 120 тыс. священников, дьяконов и псаломщиков, 130 архиереев, 1253 монастыря и скита, 95 тысяч монашествующих и послушников¹⁰⁶. В «ленинский период» началось массовое закрытие церк-

⁹⁹ Там же. Т. 1. С. 21.

¹⁰⁰ Барсенков А. С., Вдовин А. И. Указ. соч. С. 227.

¹⁰¹ Там же. С. 226, 230.

¹⁰² Храм Преображения Господня в Богородском. История и современность. М., 2007. С. 65.

¹⁰³ ГАТО. Ф.

¹⁰⁴ Цыпин, Владислав, прот. История Русской Церкви. 1917—1997. М.: изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. С. 59.

¹⁰⁵ Там же. С. 75.

¹⁰⁶ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье. Общество любителей церковной истории, 2000. С. 67.

Похороны начальника ЧК в г. Борисоглебске. 1918 г.

вей и монастырей. К 1921 г. у Церкви отобрали 722 монастыря¹⁰⁷, остальные были превращены до времени в хозяйственно-трудовые артели. К 1927 г. 117 епископов находилось в различных местах заключения¹⁰⁸. В тоже время на начало 1930 г. паству опекало 163 архиерея¹⁰⁹. Чтобы сохранить епископат, проводились дополнительные хиротонии, в том числе тайные. На начало 1928 г. на территории РСФСР действовало 28 560 приходов, а, значит, около 50 тыс. церквей и часовен было закрыто за «ленинский период». Церковь была ограблена и подвергнута невероятному насилию и бесчестию во время компании по изъятию ценностей, святых мощей, сжиганию и поруганию икон. Динамика закрытия церквей

в «сталинский период» то нарастала, то падала: за 1928 г. закрыли 354 церкви, а в 1929 — 1119¹¹⁰. Закрытия продолжались, и к 1933 г. сложилось положение, когда в регионах, прежде насыщенных церковной инфраструктурой, осталось по 1-2 храма (в Самаре, Тамбове). В Москве действовало 87 храмов¹¹¹. За первую половину 1930-х годов Церковь потеряла около 10 000 храмов¹¹². 1937 год показал, что церковнослужители в полной мере вошли в число т.н. «идеологических и политических врагов» советской власти. В 1937 г. закрыли 8 тыс. церквей, ликвидировали 70 епархий и викариатств, расстреляли около 60 архиереев, 80 тыс. священников расстреляли¹¹³. К 1939 г. ситуация для Церкви выглядела

¹⁰⁷ Шкаровский М. В. 2000. С. 77.

¹⁰⁸ Цыпин В., прот. История Русской Церкви. 1917—1997. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. С. 157.

¹⁰⁹ Цыпин В., прот. Указ соч. С. 193.

¹¹⁰ Цыпин В., прот. Указ соч. С. 188.

¹¹¹ Цыпин В., прот. Указ соч. С. 197.

¹¹² Цыпин В., прот. Указ соч. С. 210.

¹¹³ Шкаровский М. В. 2000. С. 93.

ужасающей: «как организационная структура она была практически разгромлена»¹¹⁴. В 1939 г. на территории РСФСР действовало не более 100 храмов¹¹⁵, хотя формально незакрытыми считались 8302 церкви, епархий не было, на свободе осталось 4 епископа, в том числе патриарший местоблюститель — блаженнейший митрополит Сергей. Таким образом, за время «русофильского» сталинского десятилетия в 1930-е годы было закрыто все, что не успели ликвидировать в ленинское время, подвергнуты жесточайшим репрессиям и епископат и духовенство. До 1943 г. (!) Сталин выдерживал эту линию, направленную на тотальное подавление русской церковности в стране, и только когда Великая Отечественная война уже достигла своего апогея, он предпринял несколько популистских шагов в угоду Церкви и православным. Но и после 1943 г. его церковная политика принципиально не изменилась, поскольку Церковь лишь в крохотном объеме, *по сравнению с прежними — дореволюционными — возможностями*, могла окормлять русский народ. Сотни тысяч священников продолжали пребывать в заключении, репрессии против них продолжались, не ушли в прошлое аресты и расстрелы¹¹⁶.

Русофильство Сталина было не только дозированным, но и крайне прагматичным. Возьмем, к примеру, вопрос о возвращении к обязательности обучения в национальных школах русскому языку. С 1934 г. начинается возвращение русской графики в общесоветское пространство. Это возвращение проходило в чисто сталинской манере, и началось оно с возложения вины на неких чиновников-вредителей за допущенные прежде ошибки, вследствие проводимой с 1930 по 1934 год политики замены русской графики латинской. В постановлении Оргбюро ЦК ВКП(б) от 9 июля 1935 г. говорилось о «левацком загибе» т. Луначарского, который и инициировал процесс латинизации русской письменности. Тогда под эту программу была подведена и соответствующая идеологическая база. Русский алфавит был объявлен «идеологически чуждой для соци-

алистического строительства формой графики», «пережитком классово-графической XVIII—XIX в. русских феодалов, помещиков и буржуазии, графики самодержавного гнета, миссионерской пропаганды, великорусского национал-шовинизма и насильственной русификации»¹¹⁷. Эту ошибку использовали и подхватили в национальных республиках антисоветские буржуазные националисты и попытались использовать ее «в целях отрыва трудящихся этих республик и областей от общей семьи народов Союза ССР». Виною всему «грубые извращения национальной политики ВКП(б) и притупление политической бдительности со стороны руководящих работников ВЦКНА — тт. Торкмасова и Диманштейна».

Русский вместо латинского алфавита стал нужен Сталину, потому что ясно обозначилась угроза войны с фашистской Германией, а советская армия продолжала существовать в виде отдельных национальных разноязычных войсковых частей. Вслед за выступлением Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) 12 октября 1937 г.¹¹⁸, где вождь связал воедино единую сильную армию и русский язык, в национальные школы быстро стал возвращаться русский язык. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О национальных частях и формированиях РККА» подвело черту в существовании национальной пестроты в вооруженных силах СССР. Также тайным приказом началась переброска национальных воинских частей в европейскую часть СССР, а вместо них, по инициативе Сталина, поставили русские части¹¹⁹. Но как только началась Великая Отечественная война, лавирования большевиков в области национальной политики опять продолжились, национальные части опять появились в Красной Армии¹²⁰.

В сводках о национальных вопросах конца 1930-х годов много любопытного. Здесь мы можем увидеть воочию, как далеко зашла в СССР дерусификация не только в отдельных республиках, но и даже в отдельных местах мало-мальски компактного проживания нерусского населения в РСФСР. Оказывается, многие национальные

¹¹⁴ Шкаровский М. В., 2000. С. 98.

¹¹⁵ Цыпин В., *прот.* Указ соч. С. 254.

¹¹⁶ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М.: Крутицкое патриаршее подворье. Общество любителей церковной истории, 2000. С. 204, 207–216; «О, Премилосердный... буди с нами неотступно...». Воспоминания верующих Истинно-Православной (Катакомбной) Церкви. Конец 1920-х — начало 1970-х годов. М.: Братонез, 2008. Сост. И. И. Осипова. С. 29.

¹¹⁷ Там же. С. 192.

¹¹⁸ Там же. 298–299.

¹¹⁹ Там же. С. 296.

¹²⁰ Там же. С. 660–662.

районы в стране были созданы искусственно, на волне антирусской политики в 1920-е годы. Не говоря уже о крупных объединениях — республиках и автономиях, такая преступная несправедливость допускалась и в локальных национальных объединениях. Например, Полярный район Мурманской округи в Ленинградской обл. официально считался «финским национальным районом», хотя из 7 290 чел., его населяющих, финнов было только 1528 чел., остальные — русские. Тем не менее, в школах района русский язык был изъят из преподавания, преподавался только финский¹²¹. О нарушениях прав русского населения начинают говорить отовсюду, где были созданы национальные анклав, в ущерб живущему здесь русскому большинству¹²². От себя заметим, что все так бы и осталось, если бы к этому времени соседняя Финляндия или Эстония не стали бы профашистскими, и над СССР не нависла бы угроза войны. В свете новой политики национальные районы ликвидировали на Украине, Дальнем Востоке, Алтае, Краснодарском крае, Казахстане, Крыме, Оренбуржье, Ленинградской и Архангельской областях¹²³. Так лишь исторические обстоятельства позволили русским приобрести в этих русских районах равный статус с национальными меньшинствами. По привычке, из отдельных мест национальных республик продолжали идти в центр доклады о «русском шовинизме»¹²⁴, но их становилось все меньше, что, очевидно, объяснялось жесткими ответами на них. Появилось и нечто новое в письмах партийных функционеров из республик и национальных районов в центр. Бывший председатель ЦИК Карельской АССР оправдывается и пытается доказать, что он препятствовал в свое время «финизации карел»: «Я был ярким сторонником русского языка. Мне указывали, что я русификатор и ничего не понимаю в национальном вопросе. В эти годы я видел, что национализм (антирусский национализм — *О.К.*) проявляется и культивируется не только по языку, но и в других отраслях. Местнические интересы выдвигались на первый план, противопоставлялись интересам общесоюзным, общегосударственным»¹²⁵.

После постановления «о национальных школах» по всей стране были реорганизованы финские, эстонские, латышские, немецкие, английские, греческие, еврейские школы и превращены в типовые советские школы¹²⁶. В национальных республиках русский язык в школах был объявлен обязательным, как и национальный. На русском языке начинают выходить там партийные и молодежные периодические издания. Преобразования коснулись и среднеспециальных, и высших национальных учебных заведений¹²⁷. Таким образом, часть национальных меньшинств (особенно немцы, поляки, латыши, эстонцы, финны) незадолго до войны были заподозрены в тайном коллаборационизме, и в это же время русские в этих местах были формально уравнены в своих правах и стали «обычной советской нацией».

В войну Сталиным было много сказано громких слов о русском народе. Эти слова, конечно, вселяли в людей надежду, укрепляли дух, но война и показала, что народ воевал не за советскую власть, не за Сталина, а за свою историческую Россию. С этим вождю пришлось на время смириться. И это, может быть, была самая большая победа русского православного в своей массе народа не только над фашизмом, но и над большевизмом!

Как только закончилась война и исчезла потребность защищать русских, живущих в национальных регионах, из Центра, регионы стали возвращаться к ситуации первой половины 1920-х годов, когда русские были «должниками», а, по сути, людьми второго сорта в национальных автономиях. Уже в конце июня 1945 г. русский редактор газеты «Казахская правда» К. Нефедов, пишет секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову горькое письмо не только о продолжающейся дискриминации русских в республике, но о пренебрежении к русским героям войны. Одним было отношение к казахским ветеранам и другим — к русским. Москва, как и в 1920-е годы продолжала подержала поддерживать и коренизацию аппарата управления республик, и первенство национального над русским в республика¹²⁸.

Если кратко подытожить результаты сталинского этапа проведения национальной полити-

¹²¹ Там же. С. 313.

¹²² Там же. С. 371, 374.

¹²³ Там же. С. 314.

¹²⁴ Там же. С. 231, 320.

¹²⁵ Там же. С. 279.

¹²⁶ Там же. С. 311.

¹²⁷ Там же. С. 395–396.

¹²⁸ Там же. С. 963.

ки, то мы должны оценить результаты передачи русскому народу полномочий ведущего в деле интернационализации. Масштабы революционных преобразований в 1930-е годы — проведение индустриализации, коллективизации, культурной революции, преобразование армии и системы военно-политического контроля внутри страны — требовали участия огромного числа людей. Это главная причина, на наш взгляд, которая заставила Сталина сменить «ведущего» в деле интернационализации населения СССР. Русский народ, в той его части, которая стала сознательно строить социализм, стал этим ведущим в 1930 и 1940-е годы. При этом, как мы показали выше, сам русский народ в эти годы подвергся тяжелейшим испытаниям, когда партия доверила ему самому внутри себя избавиться от врагов социализма — кулаков, духовенства, церковномыслящих людей, всех недовольных советской властью. Репрессии, которые проводились в 1930-е годы целиком на совести коммунистических вождей и прежде всего Сталина, но иезуитская политика советской власти втянула в этот процесс самих же русских и во многом их силами и провела эти репрессии. При этом русский народ почти до начала 1940-х годов продолжал в реальности нести бремя послушания интересам малых народов в национальных автономиях. Когда же наступал момент, требующий коррекции поведения какого-то из малых народов, туда бросались русские силы на усмирение или проведение депортаций. Советская власть с одной стороны доверяла русским помогать малым народам в промышленности, образовании, науке и т. д., с другой стороны постоянно подчеркивала, что сила, которая в любую минуту может обрушиться на непокорных. *Помогала* малым народам советская власть, а *наказывали* их за прегрешения представители русского народа. Такова была суть сталинской национальной политики.

2. Обожествление личности вождя

Вопрос о власти был, по сути, главным для Сталина (как и Ленина), поскольку ради власти совершалась революция, велась беспощадная межпартийная и межличностная борьба, создавалась мощная, сокрушающая умы государственная идеология. Власть православного монарха в России традиционно опиралась на Божественную силу: благословение Божие, дары Святого Духа, помощь Церкви и народа церковного. Монарха с народом связывали не только правовые узы

(долг, присяга), но и религиозно-нравственные и даже религиозно-патерналистские отношения. Большевистские вожди видели, что священные узы, связывающие народ и власть, являются самыми крепкими, отсюда их стремление к установлению *личностной связи* с массами, а не просто создания системы политической власти, установление режима. Находящийся в эмиграции прот. Василий Зеньковский оценивал появление вождизма как следствие отказа от «большой свободы», т. е. проблему чисто церковную и даже аскетическую. Большой свободой прот. Василий называл внутреннюю, духовную свободу, за которую каждому православному христианину приходится лично серьезно бороться. Такая свобода связана с переживанием ответственности и потому «ответственны мы лишь в том объеме, в каком мы свободны»¹²⁹. Вожди и появляются тогда, когда люди в массе своей готовы отдать «невыносимое бремя» большой свободы тому, кто готов защитить их свободу. Но и вожди не были пассивной стороной; они предпринимали огромные усилия для создания иллюзии ненужности большой свободы. Революционеры, безусловно, воспользовались определенным духовным кризисом, который охватил русское общество в начале XX в. и им оставалось лишь создавать иллюзорную сферу «подлинной свободы», отличной от «большой».

Вера в Сталина как вождя революции создавалась рукотворно, характер ее образования был чисто информационный. Обожествленный сталинский период образ Ленина во многом повлиял и на формирование в советском сознании «священного» образа Сталина. Миф о Ленине во многом помог и самому Сталину стать мифом при жизни. Последнему было выгодно делать из Ленина революционного «святого» потому, что, действуя в этом направлении, Сталин мог сколь угодно долго и умело расставлять необходимые акценты, включать в эту деятельность весь наличный пропагандистский арсенал. Кроме того, Сталин мог формировать «под себя» полноценный концепт «народной власти», чего в свое время был лишен Ленин, и потому полнота его власти ограничивалась тогда лишь понятием «революционная власть». Ленин жил в «интернациональном пространстве» и имел «интернациональную» поддержку. Сталин же, выйдя на простор поддержки этничности (во всяком случае, декларируя свое намерение и получая определенные симпатии в армейской, молодежной, рабо-

¹²⁹ Зеньковский Василий, прот. Наша эпоха // Русское Возрождение. 1990. № 52. С. 23.

чей среде), мог рассчитывать на расположение этнического большинства в СССР. Но поскольку этнический электорат Сталина должен был быть очищен от религиозности, он (электорат) не мог уже сам в себе продуцировать «священное чувство» почитания главы государства, как это, скажем, было в период Российской империи. Любовь народа к царю тогда имела внутренний характер, она естественно исходила из сердца крестьянина. Крестьянин видел в царе помазанника Божия, лицо, Богом поставленное для хранения Церкви, веры и управления страной и народом. Сталинская советская власть, отсекая от души русского крестьянина-колхозника веру в Бога, тем самым уничтожала естественный характер формирования «священного чувства», а значит, должна была чем-то его заменить. И такая работа со стороны государства и лично Сталина не просто проводилась, она была поставлена во главу угла всей идеологической пропагандистской работы.

Трудно сказать то насколько велик был монолит «народной веры» в личность Сталина — образцового правителя, — но совершенно очевидно, что он существовал лишь в некоторой части народа, как нам кажется, не очень значительной. Эта конструкция «веры» была очень хрупкой и зависимой от внешних политических успехов. Она могла складываться лишь на короткое время, не была единой на всем пространстве страны, по разному проявлялась в городе и в деревне. Тон «благоговейного почитания», как нам кажется, задавал не народ, а образованная, чисто интеллигентская среда. При этом пропаганда активно внедряла эту идею в жизнь.

Все начиналось с веры в сам строй, в коммунизм и социализм. Историк В. А. Бердинских считает, что основой «советской пропагандистской машины» была «вера в социализм»¹³⁰. По мысли такого тонкого аналитика и, вместе с тем, свидетеля сталинской эпохи, каким был епископ Варнава (Беляев), живший в Киеве на покое, именно «социализм» характеризует советскость. В социализме большевики обозначают путь, противоположный Христову пути — путь сатанинский¹³¹. Отсюда псевдорелигиозность коммунистов, проявлявшаяся в самых разных сферах. Владыка пишет о советском мировоззрении, как прообразе мировоззрения людей, которые будут жить в преддверии Страшного Суда:

*«Погружение в плотскую животную жизнь, сплошное довольство, веселье, удовлетворение всех телесных потребностей. Но полная нищета духа, отсутствие веры. Теперь (1953 г.) это также есть, но еще много верующих. Зверь, что сейчас замечается лишь в отдельных лицах, тогда будет массовым явлением. Человечество окончательно изживет себя при внешнем блеске и благополучии. И это зверство проявится и скажется в деяниях антихриста. Плохое это счастье. Незавидное для разумного человека и для христианина»*¹³². В этом контексте Сталин для верующих в него людей выступал не просто правовым гарантом конституции, он был гарантом социализма. Он — живой непререкаемый авторитет и очевидное свидетельство того, что социализм, как эпоха общего счастья, обязательно наступит. Это «божественная прерогатива» вождя, быть гарантом некоего сверхважного будущего исторического события позволяла ему самому быть источником «советской веры», главным генератором ее духовной энергии. Вождь дает духовный (энергетический) импульс народу, после чего в последнем появляется необыкновенное желание трудиться и совершать трудовые и военные подвиги. Крестьянин уже не мог, как при царе, постоянно и свободно иметь у себя на сердце образ правителя как гаранта Божественной справедливости на земле (не по отношению к конкретному человеку, а по отношению к народу, вере, Церкви), но он виделся идеологам своего рода пассивной машиной по приему импульсов, идущих сверху. Пока импульсы шли, он должен был, по замыслу, быть счастливым, если они прекращались, он должен был ощущать себя выпавшим из счастливой семьи советского народа.

Итак, вождь становился источником традиции, ее энергией и человеком особым, изливающим на подданных этот свет. За что он и пользовался в какой-то (думается, в целом незначительной) части граждан искренней любовью и почитанием. С его ведома создавались, укреплялись и защищались очаги советской традиции, становясь «достоинством народа», частью священного понятия «Родины». Вождь наделял строящий народ оптимизмом, зажигал искрой соревновательности, вселял уверенность, веселье и радость в сердца людей. Словом, он был настоящим «софийным существом», о котором мечтали

¹³⁰ Бердинских В. А. Указ соч. С. 284.

¹³¹ «Дядя Коля против...» Записные книжки епископа Варнавы (Беляева) 1950—1960. Н.-Новгород, 2010. С. 348.

¹³² Варнава (Беляев), еп. Указ соч. С. 366.

Вл. Соловьев, А. Блок, С. Булгаков и погибший в ленинских лагерях о. Павел Флоренский. Здесь явно оживала неоплатоническая идея эманаций, и неслучайно в эту традицию сегодня с таких восторгом влились современные космисты и евразийцы.

Опросы людей советского времени, позволяют получить и конкретную информацию о том, что сами люди думали о вожде. Воспользуемся богатым полевым материалом, собранным В.А. Бердинских в советское время. *«Раньше Сталин для всего народа был просто Богом. Помню, пришли мы как-то с матерью в сельсовет. В красном углу висел портрет Сталина, мать перекрестилась и меня заставила поклониться. Все жили в страхе, все боялись, но и уважали Сталина. Мы не могли себе представить как жить без Сталина»* (А.И. Гребенева, 1917 г.р.)¹³³. *«Сталин был для нас Бог и царь. Когда он умер, мы всей деревней ревели по нему. Мы даже думали, благодаря Сталину. А и сейчас у меня нет на него зла. Нас он не обидел»*. (В.В. Рогожникова, 1920 г.р.)¹³⁴. *«Сталин для нас был вождь и учитель, всезнающий человек, в общем, был Богом. Так нас учили в школе, так писала пресса, так учила партия до самой его смерти, так думал народ. Считалось, что благодаря мудрости Сталина наш народ выиграл и такую войну. Как плакали люди, когда умер Сталин! Ну, думали, конец света. Прекратится советская власть, загубят нас другие! Разве кто знал все его творения? Что внушали народу, то он и думал, куда поворачивали, туда и шел»*. (Л.Г. Стремоусова, 1919 г.р.)¹³⁵. *«Относились к Сталину прекрасно: как в кино где покажут — так весь зал вставал и аплодировал. Верили ему очень и любили. Знали, что Сталин все правильно делает, и верили, что „враги народа“ есть и их ненавидели»* (В.В. Ерок, 1922 г.р.)¹³⁶. *«Сталин — самый дорогой человек. И сейчас так думаю. В 1930-е годы мы жили лучше, чем сейчас, свободные мы были, не боялись, хулиганов не было, это уж потом, после войны, хуже, да хуже... Счас сложнее жить»*. (1921 г.р.). Но среди опрошенных В.А. Бердинских сельчанах такая же доля и тех, кто занимал по отношению

к Сталину противоположную позицию. В целом же, ни те, ни другие ответы сельчан не могут сегодня, на наш взгляд, объективно ответить на вопрос: «как народ относился к Сталину?», потому что количеством опрошенных здесь ничего не добьешься, да и не собрать такое количество информации, которое было бы репрезентативным. Такая информация лишь позволяет говорить о том, что *были* люди, которые относились к Сталину «некритично», с восторгом и благоговением, но были и другие. Более объективными, на наш взгляд, могут считаться аналитические материалы, интерпретирующие артефакты об этой эпохе с точки зрения «абсолютной истины». Как отмечают исследователи, изучавшие письма крестьян власти в сталинский период, динамика настроений говорит о все возрастающем год от года недоверии к власти. «Районный и местный уровень власти выступал в крестьянском сознании в роли непосредственного угнетателя, деспотического правителя, которому „нельзя правды говорить в глаза“, а то „замучают на самых худых работах и заморят с голоду“»¹³⁷. Неудивительно то, что кто-то верил и почитал Сталина, ведь на это работала мощнейшая идеологическая машина, труднее объяснить, почему оставались неверующие ему, свободные от пропаганды люди, знающие ему цену. И это были не диссиденты в городах, а обычный народ, который помнил «прежнюю деревню» и мог сравнивать прошлую и нынешнюю жизнь во всех ее качествах.

3. Отношение к труду при Сталине

Идея обожествленного труда созидалась усилиями Сталина, хотя он и пользовался трудами Ленина, и в первую очередь, его статьей «Как организовать соревнование» (газета «Правда, 1929 г.). Однако, превратить соревнование в невиданный по силе механизм «советской конкуренции» смог только он. *Восторженное воодушевление* двигало теми советскими людьми, которые поверили в Сталина и стали соревноваться друг с другом, в надежде выиграть (личное, бригадное, групповое, колхозное) первенство, быть отмеченными «тов. Сталиным». Такой труд был похож на спорт, когда целью соревнующихся является слава победителя. За счет спортивности и достигалось *восторженное воодушевление*, то коллективное психологическое состояние, которое

¹³³ Бердинских В.А. Указ. соч. С. 387.

¹³⁴ Там же. С. 388.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Димони Т.М. Письма в органы власти как источник для изучения социально-политических воззрений северного крестьянства в период конца 1930-х — 1950-х годов (по материалам Вологодской области).

помогало двигать горы во времена индустриализации. Особое психическое состояние восторженного оптимизма помещалось в строгие рамки социалистической соревновательности (эквивалент буржуазной конкуренции), и механизм в производственной сфере стал работать, как часы. Складывалась своего рода «мистика труда», когда передовик производства настолько сливался с инструментом и материалом, который необходимо было покорить (добыть, обработать и т.д.), что начинал предчувствовать поведение покоряемой материи¹³⁸. При том, что эта фантастическая работа проводилась при недостаточном уровне питания. С.Г. Кара-Мурза называет такой труд *подвижническим*, хотя здесь налицо очевидная форма духовной одержимости. Епископ Варнава (Беляев) в своем дневнике, характеризующем советскую повседневность 1950-1960-х годов, много говорит об этой характерной черте советского человека. Он комментирует стихи, помещенные в «Правде» в январе 1953 г.: («*В три смены, от зари до зари трудись, наш год непочатый... и тебе дано быть сталинским солдатом*») как «оптимизм каторжника»¹³⁹. Имел место и реально каторжный труд, поскольку лагеря, с их даровым трудом и миллионами заключенных, являлись неременной частью советской сталинской системы. Советские люди были поставлены в каторжные условия труда и быта, близкие к тем, в которых в свое время находились протестанты Запада, для которых коммерческий успех в бизнесе являлся показателем их спасения в вечности. Епископ Варнава (Беляев) отмечает: советская власть придумала альтернативу буржуазной конкуренции: имя «этой безумной пружины — соревнование»¹⁴⁰. Люди соревнуются, мотивируя свою бешеную активность словами: «Чтоб меня уважали, чтобы сам Иосиф Виссарионович узнал о Нюше Власовой». Через фильмы, газеты, книги, агитацию тиражировалась эта мысль для каждого советского человека «об уважении» и о том, чтобы «сам Иосиф Виссарионович узнал». Владыка пишет, что к современной советской женщине-труженице уже не подходят горькие слова Н.А. Некрасова о тяжелой доле женщины на Руси, потому ее доля — хуже¹⁴¹. В публицистике, отмечает он, торжествует восторженность. «Это

восторженность новообращенных (уже через 35 лет!). Сектанты, прозелиты». Восторженность создавали рукотворно. По мановению «палочки» культурорганизатора «звонят песни, поют о Родине, о дружбе, о любви, о радости мирного созидательного труда»¹⁴². Людям не дают ни минуты покоя, они должны быть все время заняты: трудиться или учиться, «чтоб воспитание шло в духе коммунизма». Газеты активно проповедуют оптимизм, поскольку пессимизм — это буржуазное явление. Оптимизм тонко связывают с будущим, светлым и прекрасным. Нельзя сказать, что чувства, которые люди испытывали, были неискренними, и песни пелись неискренне, и радость от побед была неискренней. На это сегодня обращают внимание многие защитники Сталина. Но надо отдавать себе отчет в том, что та же самая звенящая музыка, из цехов, где свободно соревновались люди, перемешалась за колючую проволоку и там обрушивалась на заключенных, которые воспринимали ее уже по-другому. Хотя именно там, в лагерях, и выявлялось истинное предназначение «советской музыки», учить человека быть оптимистом в самых трудных обстоятельствах.

Каторжный советский труд имел свою нравственную цену, даже при том, что многими он совершался осознанно и дружно, «по-советски». И хотя люди трудились не покладая рук, в этот золотой век советского государства, они так досыта и не наелись хлеба, не говоря о чем-либо другом. Об этом не стоит забывать, потому что с 1924 г. по 1953 г. прошло тридцать лет. Хлебные карточки появились с лета 1928 г., а с февраля 1929 г. стали всесоюзными. Карточная система существовала до 1936 г.¹⁴³, но и потом положение с обеспечением не сильно изменилось. Голод, сразу после коллективизации унесший несколько миллионов душ¹⁴⁴, не особенно беспокоил Сталина, судя по тому, как относилась советская власть к деревне. Приведем несколько воспоминаний колхозников о том времени. Т.С. Олейникова вспоминает послевоенное время в с. Пирогово Воронежской обл. «*Вообще-то все, от мала до велика, работали в колхозе. Все выращенное колхоз отправлял государству. Увозя в районный центр как обязательную госпоставку, и колхозникам практически*

¹³⁸ Бердинских В. А. Указ. соч. С. 388.

¹³⁹ «Дядя Коля против...» С. 363.

¹⁴⁰ Там же. С. 164.

¹⁴¹ Там же. С. 295.

¹⁴² Там же. С. 33.

¹⁴³ Барсенков А. С., Вдовин А. И. Указ. соч. С. 207.

¹⁴⁴ Там же. С. 227.

ничего не оставалось. От работы в колхозе никто не уклонялся — в противном случае угрожали судом. Налагались обязательные госпоставки и на каждую крестьянскую семью — яйцами, мясом, молоком, независимо от того, могла ли семья ее выполнить или нет. Кроме этого, был и обязательный денежный налог. Чтобы выполнить обязательную поставку яйцами, держали несколько кур (и их зимой нечем было кормить), собранные яйца сдавали бесплатно в сельпо для государства, сами эти яйца ели только на Пасху. Чтобы сдать госпоставку на мясо, держали несколько овец и затем, позже, с этой целью стали разводить кроликов. В зачет госпоставки молока можно было сдавать мясо. Поскольку денег ни у кого не было, то за обязательный денежный налог сдавали те же яйца и мясо — за это засчитывались копеечные суммы. За неуплату судили. Осенью, когда резали овец, были как бы праздники: себе оставались головы, ноги, кишки и желудок (их не принимали). Из шкур шили верхнюю одежду, «одежду всем шили из домотканного полотна. Для этого на своих огородах выращивали лен и коноплю». Обувь шили сами. Больница на весь округ была одна, в ней находился только один фельдшер. Лекарств не было. Уехать из деревни в город было нельзя, паспорта не выдавались, единственная возможность была у тех, кто соглашался поехать на стройку, подписав договор. Но это был еще более каторжный труд. Далее автор пишет: «С топливом у нас всегда были проблемы. Лесов у нас практически не было (не считая двух совсем небольших лесов, но собирать там хворост, а тем более что-то рубить, не разрешалось). В колхозе делили убранный подсолнечный поле, и люди выламывали засохшие стволы подсолнухов и возили их домой. Но подсолнухов также было мало, да к тому же они быстро перегорали, почти не давая тепла. Солому из-под зерновых и ботву от кукурузы с убранных колхозных полей увозили на фермы — на корм и подстилку скоту». Еще людям отдавали коровий навоз, который они превращали в высушенные кирпичи («лепили гной»), которым и топили зимой печи. Несколько послевоенных лет были неурожайными, поэтому народ собирал траву, кору с деревьев, желуди. «Все были очень голодными, но суетности и торопливости за едой

мне не запомнилось». Огсрод — единственный кормилец крестьянской семьи состоял из 48 соток. После уборки с колхозного поля зерна, там оставались колоски. Колхозникам запрещалось собирать их для себя. На поле приходили школьники вместе с учительницей и собирали их для государства. Обьездчики внимательно смотрели, чтобы никто не брал зерен себе в карман. Немало людей попадало под суд: «И сколько таких невинных людей пострадало в то время! И в результате те, кто растил хлеб и кормил страну, сами умирали от голода»¹⁴⁵. Автор сравнивает сталинские и ветхозаветные времена (книга «Руфь»), когда Руфь ходила по полю Вооза и собирала колоски, и подытоживает: «Только вот ветхозаветные Моисеевы законы были более гуманны, чем наши советские. Моисеев закон предписывал не подбирать с убранный поля оставшиеся колоски, но оставлять их и часть несжатого поля в пользу бедняков. По нашим же советским законам, за это гоняли, били, калечили».

Картина страшная, и нельзя отмахнуться и сказать, что вождь мог и не знать о колосках, об обирании колхозников, от него могли скрывать. Но если апологеты вождя настаивают на его мудрости и зоркости, организационной гениальности и чрезвычайной информированности, то и эти масштабные (характерные для всего послевоенного крестьянства) вещи не могли пройти мимо него. Безусловно, обо всем этом он знал. Нередко перед самими современниками вставал вопрос: «Куда шли изъятые у крестьян мясо, молоко, яйца, зерно, фрукты и овощи?». Даже те, кто писал Сталину или его помощникам письма с мольбой о помощи, считали, что во всем виноваты «враги народа». Люди искренне думали, что их хлеб, масло, сахар помогают власти строить социализм, и лишь кто-то в корыстных целях пользуется этим народным добром. Например, в письме рабочих тульской артели «Наша техника», отправленном в ЦК ВКП(б), руководство области, которое «не печется о людях труда», названо «жирными свиньями», которых «нельзя даже сравнивать с руководителями николаевской России»¹⁴⁶. В подборке писем рабочих 1939—1940 годов, адресованных Сталину, Молотову, верховным органам власти, нередко звучит этот упрек: «Как раньше ни угнетали рабочего и крестьянина, но хлеб он имел», «То, что раньше давали свиньям, дают нам»,

¹⁴⁵ Олейникова Т. С. Путь православной женщины. От первых пятилеток до наших дней. М.: Благо, 2004. С. 5–25.

¹⁴⁶ Цит. по: Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. М., 2011. С. 484.

«царская Россия была не очень развитой, да зато мануфактуры было сколько хочешь, а очереди даже не знали». «Где девался хлеб? Кажется, и собрали мы 6 млрд. пудов зерна. Посчитаешь, по 35 с лишним на каждого человека. Войны затяжной не было, а хлеба уже два месяца как нет» (Гомельская обл.). Рабочий обращается к Сталину: «Рабочий с 14-летнего возраста, с производственным стажем 17 лет, с небольшой семьей в три человека, с зарплатой 500-600 руб. в месяц, не пьяница, не картежник — не может при свободной торговле в течение четырех лет купить хотя бы метр ситца или шерстяного материала?» (г. Горький) Жительница Нижнего Тагила молит вождя: «тяжело смотреть на голодного ребенка. Готовить не из чего. Все магазины пустые, за исключением в небольшом количестве селедка, изредка если появится колбаса, то в драку. Иосиф Виссарионович, от многих матерей приходится слышать. Что ребят хотят губить. Я тоже уже думаю об этом. Затоплю печку, закрою трубу, пусть уснут и не встанут». «Вошь одолевает, запаришвили все. Друг у друга занимаем грязную мыльную пену. Сахара мы не видим с первого мая прошлого года, никакой крупы, ни муки ничего нет. Нет ничего страшнее голода для человека. Этот смертельный страх потрясает сознание, лишает рассудка...» (Сталинград). О том же вопль к Молотову жителя Казани: «Сильное истощение детей дошкольников и школьников, которые не имеют ни сладкого, ни жиров. Какие же они „будущие строители коммунизма“. Где забота об их здоровье?».¹⁴⁷

Тяжелейшие проблемы с продовольствием сопровождали практически всю сталинскую эпоху, но перебои с продовольствием продолжали существовать и в 1939, и в 1940-х годах, потом начались военные лишения, следом за ними — тяжелые годы послевоенного восстановления, в общем, ситуация до смерти Сталина так и не изменилась. Епископ Варнава (Беляев), проживая в Киеве, с начала 1950-х вел дневник, фиксирующий советскую повседневность, в котором не раз отмечал это: «Пшеницы сейчас собирают около восьми миллиардов тонн в год. А мы хлеба досыта едим? В столице Украины на 35 году революции хлеб можно достать только по утрам

в большой очереди, не больше двух кило в одни руки. Куда же он девается? Очевидно, за границу на поднятие социалистической всемирной революции под прикрытием лозунга „Мир во всем мире“»¹⁴⁸. В другом месте: «Сейчас в Киеве пропало мясо во всех видах, всех сортов, в колбасных изделиях, в консервах. Нет нигде круп, ни грамма сливочного, топленого масла».

Нельзя не удивляться, что на дворе 1940 г., а люди не боятся писать Сталину и Молотову такие письма. Но писали как раз те, кто стал уже «советским человеком», беззаветно верившим вождю и партии, не сомневающимся в генеральной линии партии, бесхитростные и naive в своей вере, идеологический оплот сталинского режима. Про них можно сказать, что жизнь их проходила на «советских рельсах». «Правильному пониманию мною жизни, на рельсы которой я еще только становлюсь», писал житель Гомельской обл. Б.И. Морозов. Власть вполне осознавала объективность существования этого советского патриотизма. Тот же Б.И. Морозов, как советский патриот, много и часто рассказывает неграмотным соседям «о международном положении нашей страны, о войне в Абиссинии, Испании, Китае и Хасане и пр.» Учит даже свою маму, которая хорошо помнит прежнюю жизнь и часто ссылается на нее. Но с ней спорить трудно, потому что сын с верой говорит, что «мануфактуры» скоро появятся, хлеб будет в изобилии, рыба также, но никаких изменений не происходит: «началась уже третья пятилетка, а мои предсказания не оправдались»¹⁴⁹. Авторы писем, как «советские люди», пытаются сами, «по-идейному», объяснить причину развала в сфере обеспечения населения продовольствием. На первом месте, среди препятствий нормальному ходу вещей в жизни «служащего человека», по их рассуждениям, стоят крестьяне-колхозники: «колхозники, которые часто складывают купленное в сундуки, как валюту», «допустимо ли, чтобы при социалистической системе государства на рынке орудовали частники?»; «почему молчат, что в колхозах не желают работать, бегут в город, посевы остались не убранными в 1939 г., не вся земля засеивается в 1940 г.?»; «Колхозное крестьянство наравне с рабочим классом и трудовой интеллигенцией пользуется покупкой всех товаров по государственной стоимости из кооперации, а хлеб на рынке продают

¹⁴⁷ Указ. соч. С. 475–487.

¹⁴⁸ Там же. С. 261.

¹⁴⁹ Кара-Мурза С. Г. Указ. Соч. С. 476–477.

по дорогой цене»¹⁵⁰. Но есть и социально неопределенный вид врага советской власти: «спекулянты», «торгующие элементы», «нечестные труженики», «враги народа», «нехорошие люди».

Приводя в своей книге эти документы, историк С. Г. Кара-Мурза, как апологет советскости, хотел показать то, как стойко держались советские люди, каких народных жертв стоило создание первоклассной промышленности и науки в предвоенные годы. Но стоило ли превращение труда, по сути, в цель жизни, как и страдания, которые испытывали люди на сталинских стройках; стоили ли загубленные души тех итогов, которые, в конце концов, не позволили стране избежать войны, не позволили в войну сохранить миллионы жизней? В результате приходилось людьми, а не машинами, закрывать эти бреши. Эксперимент, начатый в 1917 г. «буржуазной» и «пролетарской» революциями, продолженный Гражданской войной и репрессиями, не мог принести доброго плода. Прервав *органичное* развитие дореволюционного российского общества и государства, большевики ничего другого не умели, как только превращать на коммунистических стройках обычных людей «в стахановцев», которые скоро изнашивались и умирали. Большевицкий труд имел иную мотивацию, отличную от прежней, традиционной. Это была штурмовщина ради процветания советского государства, советской власти. За этим трудом не было ни христианского отношения к природе (в том числе к земле), ни свободного, христиански мотивированного отношения к собственности, богатству, достатку, возможности распоряжения плодами своего труда. За этим трудом вообще не было человека, потому он был абсолютно не свободен ни в чем. К тому же это был труд на износ, труд, который не мог не быть длительным.

Оправдано ли существование такого труда появлением космических ракет и совершенной военной техники, на что обращают внимание современные сталинисты? Оправдано, но лишь в рамках советской логики вещей. Строй защищал себя, но «по-советски», и это не значит, что имперская Россия Ломоносова, Менделеева и Лобачевского не сумела бы сделать тоже самое (побеждать), но не доводя народ до степени крайнего истощения.

Появление религиозно (или ложно религиозного) мотивированного труда в протестантской

Европе, а потом и США поставило проблему труда из привычной — хозяйственной — плоскости в политическую плоскость. Отсюда, на наш взгляд, и идут попытки оправдать труд наличием «ракет», и, разумеется, личным спасением. Запад активно подталкивал имперскую, православную Россию к смене мотивации по отношению к труду, но при монархической власти, при ее традиционном укладе, Россия никогда бы добровольно не перешла к западному варианту. Революция 1917 г. в России решила кардинально эту проблему: протестантски мотивированное отношение к труду было утверждено в советской России в его новой радикальной форме — не личностного, индивидуального, а коллективного труда.

Советский труд не мог стать перспективно долговременным. Как и западный, он был цикличным, от рывка к рывку, от отдыха (т. н. кризиса) до следующего рывка. Соответственно такой труд имел совершенно иную цель, нежели народное благо. К особенностям советского труда следует отнести, пожалуй, одну нехарактерную для западного общества вещь: при господстве навязанного прозападного, радикально-протестантского труда, в советской России сохранялись лакуны традиционно православно-го отношения к труду. В значительной степени благодаря традиционному православному отношению к труду в годы Великой Отечественной войны промышленность и сельское хозяйство могли эффективно действовать. Во многом, на основе этой мотивации выростала космическая промышленность, оборонное производство, были сделаны все лучшие достижения науки, техники и культуры. Успехи советского времени — это в немалой степени — успехи сохранившихся островков православия, веры, традиции, духа православной, а не советской русскости. Зачем было бы главному конструктору С. П. Королеву держать на своем столе «Добротолубие»¹⁵¹, а первому космонавту Ю. А. Гагарину ездить на прием к старице Макарии в д. Темкино¹⁵², если оба они, с советской точки зрения, были людьми абсолютно состоявшимися, т. е. самодостаточными?! Все это говорит о том, что у того и у другого за советской атеистической видимостью находилась неубитая православная русская традиция. Следы этой великой духовной культуры постоянно видны там, где совершались самые громкие и фундаментальные советские победы. Эта «погрешность»

¹⁵⁰ Кара-Мурза С. Г. Указ. Соч. С. 476–484.

¹⁵¹ Три встречи. Сост. А. Трофимов М.: Православный Паломник, 1997. С. 85.

¹⁵² Дурасов Г. П. Богом данная. Жизнеописание блаженной старицы схимонахини Макарии. М., 1997. Изд. 3-е. С. 34–35.

допустимости православия в советской жизни, особенно в период войны, слишком велика, чтобы ее не замечать, и она возникла не по приказу Сталина, а жила вопреки его приказам.

3. Жизнь в страхе

Советский социум строился как замкнутый, сам себя контролирующий мир. Советскость и была тем необходимым инструментом, который отвечал за самоконтроль. «Советского человека» отличало постоянное желание учить (воспитывать) «неграмотных», контролировать отступников и людей подозрительных. «Самое худое наследство большевизма, — писал В.П. Астафьев, — это вот желание всех чему-то учить, указать правильный путь, совершенно при этом забывая, что указующий и воспитывающий невольно себя ставит выше всех, принимает позу пророка и вешуна»¹⁵³. Этим занимались не только люди, находящиеся на государственной службе, идеологи, но и самые простые, готовые «по велению совести» нести советскую истину в народ. Механизм созидания типового советского человека включал в себя все ступени идеологического воздействия: от государственной пропаганды, до добровольной работы активистов из числа общественности. Но, поскольку модель при Сталине только выстраивалась, и в обществе существовали не только «советские люди» — верящие в Сталина, готовые проявлять бдительность, — власть создала разветвленный аппарат наблюдения и репрессий, чтобы иметь возможность контролировать все общество. Именно эти структуры создавали ту атмосферу Страх, которая пронизывала общество. Здесь также можно говорить о редукции страха Божия, характерного для религиозной среды. Современники тех лет вспоминают так об этом: «Раньше, конечно, Сталин для каждого человека — это как отец родной. С таким уважением, трепетом относились и некоторые вместо иконы вешали, боготворили. И боялись: за 5 минут судили, 30-е годы — это смутное время было. От родителей помню, боялись уже слово сказать, боялись где-то собираться, ничего лишнего не говорили. В 30-е годы перед самой войной хватили на ходу» (З.И. Чарушина, 1928 г.р.)¹⁵⁴. «А при совет-

ской власти все под страхом жили», — сообщал об этом времени крестьянин Кировской (Вятской) обл. В.И. Перминов (1908 г.р.)¹⁵⁵. «А раньше и слово-то лишнее боялись болтнуть. Болтнешь не то, и уведут тебя Бог знает куда» (А.С. Юферев, 1917 г.р.)¹⁵⁶. Комсомольский активист 1930-х годов вспоминает: «А в страхе-то уж это, особенно с 1936 года, все время в страхе. У отца и то сухари насушены были. За все боялись, за все... при Сталине весело жилось. Слезами умывались. Миллионы ведь убивали. Из тюрьмы чуть живые ведь приезжали» (П.П. Малых, 1917 г.р.)¹⁵⁷. Бывшая школьницей в 1930-е годы Т.У. Касаткина (1923 г.р.) рассказала, какими изощренными были способы контроля над людьми, даже в школе: «1930-е годы в нашей стране были характерны всеобщей подозрительностью. Слова „Ленин“ и „Сталин“ нельзя было писать с переносом, вся переписка просматривалась»¹⁵⁸.

Насколько был распространен Страх во всем обществе, трудно говорить в точности, потому что воспоминания людей дают разную картину. Но однозначно, что он существовал даже в целиком лояльной и как будто однородной советской среде, в которой люди страстно учились, воодушевленно трудились и как будто бы были «своими». Но это было не так. В воспоминаниях Марии Сергеевны Трофимовой (Подмосковье) о 1930-х годах, учившейся тогда в институте, на факультете птицеводства, на фоне оптимизма молодости, надежды на будущее звучат и сдержанные ноты, указывающие на этот страх: «Питание было скудное. Те, кто не получали помощь от родных, жили голодно, но по молодости всё терпели, и было весело. Жили мы одной семьей. В комнатах, аудиториях было холодно: все мы мерзли, и одежда была неважная. У нас была огромная тяга к знаниям, было много энтузиазма, надежд на новую, счастливую жизнь. Конечно, эпоха накладывала свой отпечаток. Нередко любимые наши профессора исчезали, и тогда изымались из библиотеки, написанные ими учебники и пособия, после чего мы шепотом сообщали друг другу, что они оказались „врагами народа“... Но все же студенческие годы мы вспоминаем как счастливое время, жили мы весело и

¹⁵³ Астафьев В. П. «Нет мне ответа...»: эпистолярный дневник. М.: ЭКСМО, 2012. С. 670.

¹⁵⁴ Бердинских В. А. Крестьянская цивилизация в России. М.: Аграф, 2001. С. 414.

¹⁵⁵ Там же. С. 417.

¹⁵⁶ Там же. С. 416.

¹⁵⁷ Там же. С. 407.

¹⁵⁸ Там же. С. 403.

дружно»¹⁵⁹. В эту сплоченную советскую среду попадали разные люди, и если они до поры принимали условия существования ее, то не могли не чувствовать «оптимизма» и «воодушевления», не могли не проникаться дружбой и весельем, здесь существующим. Но если советская среда видела хотя бы формальные признаки «классового врага», то такому человеку приходилось несладко. Особенно жестко идеологической нетерпимостью отличалась детская среда, в силу наиболее активной работы с ней советских пропагандистов. В воспоминаниях прот. Михаила Труханова о начале 1930-х годов есть эпизод о его пребывании в пролетарской школе¹⁶⁰. Уже подростком он попадает в 8 класс советской школы и сразу, как сын священника, встречается с общей отчужденностью. При знакомстве мальчика с классом ни одно звено не захотело его брать к себе: «Нет, попа нам не надо», — отвечали все. Далее ему пришлось испытать и силу пролетарских кулаков и насмешек. «Стал я избегать школьников, досаждавших мне оскорблениями и побоями... Приучился приходиться в школу спозаранку — раньше всех, а по окончании занятий, чтобы избежать неприятностей, старался бегом преодолевать пространство школьного двора... Одиночки никогда на меня не набрасывались, а когда шалуны в кучке — почти всегда устраивалась на меня облава». Дружить удавалось лишь с верующими ребятами из старших классов. «Думается, что только по молитвам моих родителей вокруг меня стала создаваться атмосфера какой-то тишины». Со временем учителя и одноклассники стали отличать подростка за его умение глубоко и оригинально мыслить, за обширные знания.

4. Атеизация советской женщины

При Сталине дальнейшее развитие получила атеизация женщины, что означало освобождение ее от всех традиционных уз. В первые советские годы проводились труднообъяснимые сегодня революционные демонстрации под лозунгом «Долой стыд!», женщины резко укорачивают длину юбок, доводя ее до колен и чуть выше. Современник тех событий философ А. Ф. Лосев посчитал это эпохальным, революционным

событием¹⁶¹. В недавно вышедшей монографии самарской исследовательницы Л. Б. Захаровой детально проанализирована вся динамика перемен в этой области в 1920-е годы. Автор считает, что можно говорить «о беспрецедентной деградации», о «нравственной разрухе» в стране на фоне «масштабного роста социально-негативных явлений — проституции, разводов, аборт, подкидывания младенцев и беспризорности»¹⁶². Исследовательница показывает, что «нравственная разруха» не была лишь естественным следствием политической и общественной анархии послереволюционных лет и Гражданской войны, но это была рукотворная разруха, потому что большевики долгое время (до 1929 г.) на деле поощряли проституцию, сквозь пальцы смотрели на «свободную пролетарскую любовь», легализовали аборты, упразднили церковный брак и т. д. Автор считает, что «в 1920-е годы новой политической властью намеренно выхолащивались все прежние нравственные семейные и коллективные ценности, взамен же искусственно прививались нормы коммунистической, пролетарской морали, никак не вписывающиеся в систему общечеловеческих — вне политического и идеологического контекста — ценностей»¹⁶³. Исследователи этой эпохи обращают внимание на то, что «ленинские декреты по разрушению православной семьи изданы даже раньше, чем декрет об отделении церкви от государства. И намного раньше, чем законодательные акты по национализации крупной и средней промышленности, по коллективизации и тому подобным социалистическим преобразованиям»¹⁶⁴. Закон о признании государством только гражданской формы брака, сразу подставил под удар сам институт брака в стране. Вместо венчания и совершения таинства, в норму вошла «клятва супругов». При регистрации супруги клялись (и соответственно, если клятву не сдерживали, то попадали под проклятие) «следовать по пути коммунизма», «выступать против церкви и старых традиций», «учить детей бороться за мировую социалистическую революцию» и только после этого их «во имя нашего руководителя, товарища Владимира Ильича Ленина» объявляли «красный брак

¹⁵⁹ Любовь воплощенная. Портрет русской женщины. Мария Сергеевна Трофимова. Жизнь. Время. Судьба. М.: Димитриос, 2007. С. 126–131.

¹⁶⁰ Труханов, Михаил, прот. Воспоминания: первые сорок лет моей жизни. Минск.: Лучи Софии, 2008. С. 42–43.

¹⁶¹ «Последняя глава»: Письма А. Ф. Лосева к М. В. Юдиной. Публ. А. А. Тахо-Годи // Москва. 1993. № 8.

¹⁶² Захарова Л. Б. Указ. соч. С. 151.

¹⁶³ Там же. 154.

¹⁶⁴ Лавров В. Ленинская политика по уничтожению православной русской семьи. Доклад в Государственной Думе на круглом столе «Роль большевиков и их лидеров в разрушении семьи и брака» // Радонеж. № 5. 2013. Л. 3.

заключенным»¹⁶⁵. Вполне очевидна богоборческая направленность этой присяги на верность советскому строю. Клятва именем Ленина должна была подчеркнуть ее «священный» характер.

Советская эпоха вовлекла женщину в рутину тяжелейшего физического труда, заставила ее пойти на производство, чтобы наравне с мужчиной участвовать в «обожествленном» советском труде. Семейная женщина не щадила себя. При Ленине, с его одобрения, 18 ноября 1920 г. впервые в мире появился закон, легализующий аборт. Сталин только в 1936 г. его отменил, но уже в 1955 г., при Хрущеве, этот закон опять был принят и действует до сих пор. Ни один другой закон советской власти не выражал более ясно отношение советской власти к русской женщине. Оплата труда в 1930-е годы была таковой, что мужчина в одиночку уже не мог, как в старое время прокормить свою семью, и женщина вынуждена была отдавать ребенка в ясли и детский сад через месяц после родов, когда заканчивался оплачиваемый отпуск по беременности и родам.

Женщины наводнили тюрьмы и лагеря в связи с широкомасштабными репрессиями. Жены отвечали за мужей, поэтому, если забирали мужа, то та же судьба ожидала и его жену. О жизни эти невинных женщин в тюрьмах и лагерях вместе с уголовниками, под рукой безжалостных надсмотрщиков сегодня много известно. У А.И. Солженицына в «Архипелаге ГУЛАГе» посвящена этому большая глава, самая страшная из всей книги¹⁶⁶. Сохранилось немало воспоминаний духовных лиц, монахинь о годах, проведенных в тюрьмах и лагерях¹⁶⁷, и можно сказать, что советская власть, как никакая другая, щедро отблагодарила за всё, что отдала ей русская женщина. Невольно вспоминается отрывок из письма В.П. Астафьева одному из корреспондентов. Он пишет, что, живя на Урале, узнал подробности существования здесь нескольких укромных, тщательно спрятанных властью лагерей. *«Особенно страшны были женские штрафные участки, на одном из них (на одном ли?) вохровцы соревновались. Кто настоящей нагайкой — это к*

*бичу кожаному привязана гайка — просечет женщину до костей сквозь бушлат или телогрейку; здесь же, предварительно привязав к дереву и распорками раздвинув ноги, садили женщин на муравейник, вставив им во влагалище берестяные трубочки; здесь же ставили под вышки часовых людей на съедение гнусу, чтобы они громче кричали, чтоб слышно было всем работающим в лесу...»*¹⁶⁸.

Женщина обрела при советской власти свободу, но эта свобода была советской, атеистической и материалистической. Женщина, несомненно, использовалась властью как определенного рода сила.

Если мы обратимся к истории формирования образа «Родины» в советский период, то опять же столкнемся с женской темой. «Отечеством» в дореволюционной России обозначалась вся территория России, это было эквивалентом старинного обозначения общей территории русских — Русская земля, «место владения отцов». Родиной же обозначалась земля, где человек родился и вырос. Этническое чувство существовало в рамках этой протяженности от Родины (места рождения народа) до Отечества (места владения народа)¹⁶⁹. Этническое чувство православных русских сталинская власть жестко переориентировала на новый этнический стандарт, где на место мужского «Отечества» была поставлена женская «Родина»¹⁷⁰. Отсюда основной долг солдата — защита «советской Родины», матери, дочери, сестры. Защищалось место рождения народа, вне каких-либо исторических, культурных и духовных характеристик. «Отечеством» же являлся сам Сталин — «отец народов». В традиционной России солдат защищал Отечество — Русскую землю, как святыню, место владения, данное Богом, и свою малую родину. Разница, заметим, существенная.

5. Ложь как основа советской идеологии

Советскость насаждалась самыми разными средствами пропаганды, в основу которых была положена ложь. На лжи, которая должна была

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. М., 2007. Т. III–IV. Гл. 8.

¹⁶⁷ «Я испытал себя в горниле страдания». Схимонахиня Антония (Анастасия Яковлевна Кавешникова). Жизнеописание. Наставления. Письма. Воспоминания. М.: Бост-К, 2003; Сестры. Очерк жизни сестер-подвижниц Анисии, Матроны и Агафии, подвизавшихся и почивших в селе Ялтуново Шацкого района Рязанской епархии. М., 2001; С крестом и Евангелием. Книга об удивительном монастыре и его старцах. Задонский Рождества-Богородицкий мужской монастырь, 2011.

¹⁶⁸ Астафьев В. П. «Нет мне ответа...» эпистолярный дневник. М.: ЭКСМО, 20012. С. 809.

¹⁶⁹ Кириченко О. В. Указ. Соч. С. 7.

¹⁷⁰ Кириченко О. В. Русская земля, Отечество, Святая Русь, Родина как обозначения этнического пространства русских // Традиции и современность. Научный православный журнал. 2012. № 12. С. 3–53.

служить «благому делу», стояло, в первую очередь, здание официальной пропаганды. Епископ Варнава, свидетель тех лет, сталкивался с этим качеством советского строя постоянно. Он писал, что когда удавалось проверить газетные репортажи о достижениях, то выяснялось, что там одна ложь. Например, судя по газетам, Сталинград называли восстановленным уже в 1950 г., а в реальности в городе к этому времени восстановили только два дома. Когда туда поехала близкая знакомая келейницы владыки Варнавы, то увидела, что люди живут в землянках, продуктов мало и они страшно дорогие. Рассказчица этой истории говорит келейнице владыки, что и до войны кругом жизнь была не лучше: «У нас задолго до войны было какое-то поветрие, что люди ездили из одного угла в другой по СССР, ища лучшего места от тяжелой, невыносимой жизни»¹⁷¹. Ложь позволяла жить в информационном вакууме, в то время как многие об этом и не подозревали, считая, что имеют всю необходимую для советского человека информацию. Ложь укрывала от свободных людей лагеря с заключенными, мир реальных трудностей и невзгод, так, словно это были трудности данного места и данного времени. Не имея достоверной информации о положении в стране, но получая лишь победные репортажи, оптимистичные прогнозы, люди невольно заражались «общим оптимизмом». Газеты, песни, кино тиражировали «общее», «советское», «типичное», тем самым искусственно нивелируя картину сплошных трудностей, строев и неурядиц.

6. Жестокость и бездушность

Также советским явлением, зародившимся еще в ленинский период, была превосходящая все нравственные границы жестокость. Революционная, военная жестокость первых лет советской власти перешла потом и в мирную жизнь. Нередки были случаи зверств и садизма, и главная причина этого, на наш взгляд, в существовании двух неравноценных групп людей в советском обществе: «полноценных советских людей», отвечающих всем критериям советскости, и «неполноценных советских людей», нуждающихся в перевоспитании и во внимании. Обозначим это явление советскости как *комплекс классовой ненависти*. Санкционированный

государством, отрыв детей от отцов («дети за отца не отвечают») приводил к абсолютной свободе от традиции (церковно-нравственной), от общественной нормы, что порождало небывалое в истории насилие над совестью (в целом и в частности) у активных проводников идей коммунизма, и как ответ на это насилие — колоссальный внутренний бунт, который выливался в слепую «революционную» ярость, невиданные жестокость и садизм по отношению к революционным врагам¹⁷². Враг уничтожался с той силой, с какой терзала людей задавленная тотальным насилием совесть. Особенно изощренным убийствам и садистским издевательствам подвергались представители духовного сословия.

Бесправие и беззащитность в чем-то несоветских людей (а таких было абсолютное большинство) порождало чувство надменности у «истинно советских», порождая цинизм и жестокость. Владыка Варнава (Беляев) внимательно изучил эту изнанку, а точнее, обыденность советской действительности начала 1950-х годов. Для советских людей сталинского периода вообще был характерен поиск внутреннего врага, и нередко таким врагом становился самый крайний — крестьянин-колхозник.

Классовая ненависть наблюдалась не только в обществе, но и проявлялась по-своему в семье и в школе: «Кругом родители жалуются, что их ребята не хотят учиться. Еле-еле с большим трудом дотягивают до седьмого класса». За детьми нет того строгого присмотра, который существовал в гимназиях в старое время. «„Нынешние гимназисты“ — это уличная банда, с которой сладу нет»¹⁷³. «Система виновата и портит все сверху донизу». В детдомах, где никто государству не мешает воспитывать «по-советски», дети «как звери», ругаются, дерутся, не слушаются¹⁷⁴. Автор приводит примеры жестоких семейных расправ, за которые государство наказывало весьма гуманно. За крайне жестокое убийство своей семьи (жены и двух детей) военный в чине полковника получил 7 лет тюрьмы. В то же время как «за разговор» давали не меньше десяти. «Отняли религию, и люди обратились в зверей», — говорит владыка. Он отмечает, что садизм и нравственная распущенность имели место особенно в среде фабричной молодежи. Молодые люди приходили в женские

¹⁷¹ Там же. С. 297.

¹⁷² *Дамаскин (Орловский), игум.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 1–7. Тверь, 1992—2003; *Жевахов Н. Д.*, князь Воспоминания в 2-х томах. М., 1993. Т. 2; *Урусова В. Н.*, кн. Материнский плач Святой Руси. М., 2007.

¹⁷³ Там же. С. 287.

¹⁷⁴ Там же. С. 163.

общежития и оставались на ночь, все в одной комнате, вступая в половые связи рядом друг с другом, не стесняясь. Утром женская фабричная молодежь, со следами ночных жестокостей на лицах, отправлялась на работу¹⁷⁵.

Безусловно, на ситуацию влияла и широкая распространенность лагерей, огромное число заключенных, в результате чего происходило тесное соприкосновение людей из свободного мира и мира уголовного. Уголовный жаргон, мир уголовной «культуры», особая жестокость, присущая этой сфере, пришли в повседневную жизнь советского человека, постепенно, в послевоенное время. Предвоенная и военная армии еще не знала дедовщины, но когда фронтовое поколение в армии стало сменять поколение горожан невоинвавших, в армии стал утверждаться новый стиль общения между солдатами, близкий к стилю уголовного сообщества.

Несомненно, необходимо сказать еще об одной причине распространения жестокости. Война прошла не бесследно, особенно для тех солдат, кто не имел веры, дававшей возможность человеку пройти путь «духовной реабилитации» через внутреннее покаяние и молитву к Богу. Груз нравственной ответственности за убийство, хотя бы и на войне, отстаивая правое дело, всё же оказывал давление на душу человека, ожесточал сердце. Не однажды в полевых опросах приходилось слышать от детей солдат, прошедших войну о глубоких переменах, происшедших с их отцами за военные годы. Особенно на это обращали внимание сельские жители. «Отец вернулся с войны другим, стал грубым, нередко матерился, сильно выпивал, мама совсем измучилась с ним. Однажды она даже взмолилась Богу: „Господи, забери или его или меня, не могу больше с ним жить“. И отец умер»¹⁷⁶. В другом случае дочь рассказывает похожую историю о полной перемене человека, вернувшегося с войны, о его грубости, пьянстве. Матери много пришлось перенести в этот период их совместной жизни¹⁷⁷.

Масштабы жестокости, которые породила советская система, были, конечно, огромны, и самое страшное то, что жестокие люди не растворялись, не поглощались обществом, но социально группировались, оказывая негативное влияние на государство и общество. Особенно страдали от жестокости семья, школа и армия. Жестокость

просто переродила армию, до такой степени, что люди в 1990-е годы стали бояться отдавать в армию своих детей. Беспредел дедовщины приобрел тогда чудовищный размах.

Обратной стороной жестокости было также весьма распространенное явление — *бездушие (равнодушие)*. На основе советского *сталинского бездушия* (а отсюда оно тиражировалось и дальше) были проведены и коллективизация, и индустриализация, велась Отечественная война, в которой советский (в массе своей русский) народ понес неисчислимые потери (несопоставимые с немецкими — 27 млн. и 10 млн.)¹⁷⁸. На этом стоит «народная правда» писателя-фронтовика В.П. Астафьева, который свой последний роман «Прокляты и убиты» посвятил этой стороне попечения советской «народной власти» о солдате, который ее защищал. За эту позицию писатель был отлучен от лагеря русских патриотов, и переведен патриотическим общественным мнением в лагерь «переродившейся либеральной интеллигенции». Но художественное слово этого честного русского православного патриота и солдата было подтверждено всей его жизнью.

7. Секуляризованная этничность

Сталинский советский строй, несомненно, имел черты этнической специфики, которая образовывалась от того, что этничность в ее советской форме допустимости могла существовать здесь только вне религиозной традиции. Конечно, она продолжала существовать и в рамках религиозной традиции, но, находясь под жесткой опекой советской власти. Основная же масса советских людей рассматривалась как внерелигиозная народная сила. Такой подход к этничности объясняет причину революционности самих революционеров. Их радикальный бунт против государственной власти, против нравственных норм и религиозных установлений вырос из их воинствующей атеистичности, когда их личная этничность, не защищенная и не умягченная религиозностью и религиозной нравственностью, проявлялась грубо, революционно, болезненно не только для самого революционера, но и для общества. Сталин принадлежал к людям с *секуляризированной этничностью*. Она сыграла свою роковую роль в его судьбе революционера, и потом она же повлияла на многие крупные реше-

¹⁷⁵ Варнава (Беляев), епископ. Указ. соч.

¹⁷⁶ С. Большие Ясырки. Воронежская обл. Экспедиция ИЭА РАН 1997 г. Архив автора.

¹⁷⁷ Монахиня Сергия (Чернышева). Г. Борисоглебск Воронежская обл. Экспедиция ИЭА РАН 2000. Архив автора.

¹⁷⁸ По расчетам демографа В.И. Козлова в Великую Отечественную войну погибло около 40 млн. советских людей. — Козлов В.И. Указ. соч. С. - ?????????

ния Сталина-руководителя страны. Этничность, лишенная духовных одежд, радикализировалась, те или положительные этнические нравственные особенности, становились отрицательными: в результате кавказская горячность, категоричность, чувствительность к личной и родовой чести превращались в деспотичность, мнительность, мстительность и т.д. Сталин, как этнический грузин, нес в себе мир даже не грузинского, а регионально — кавказского структурированного мира, с его специфическими чертами жестко корпоративного общества, склонного к авторитарности и деспотии. И конечно, вождь воплощал, как мог, в жизнь свой этнический стереотип. Иные поступки властителя Сталина ничем другим нельзя объяснить, как только его этническим («горским») происхождением. В русской государственной традиции никогда до Сталина целые народы не подвергались столь радикальному репрессивному воздействию. Здесь, несомненно, сказались присущая представителю небольшого народа привычка, выработанная веками, видеть в соседнем народе «врага», который может тебя поглотить. Этот *неимперский взгляд* целиком присущ был И.В. Сталину. Да и в целом большевистская национальная политика, начиная с периода Ленина, на наш взгляд, *была не имперской*, несмотря на внешний размах государства СССР. В основе империи лежит религиозное начало, духовный фактор, объединяющий это специфическое территориальное объединение разных народов. Советскость же имела в себе лишь суррогат религиозности и только в этом смысле можно признать, что Советский Союз был суррогатом империи, псевдоимперией, и потому видеть сегодня в этом государственном объединении образец для подражания и воспроизведения, не имеет смысла.

Выводы: Чем же, по сути, являлась модель ленинского и сталинского советского общества, что это за явление, в философском смысле? На этот вопрос можно ответить, лишь поняв, кто и с какой целью разрушал изнутри Российскую империю, ставя «благую задачу» — создать более справедливое общество; кто организовал и возглавил революцию, кто сконструировал советское общество. Такой общей силой на всем протяжении XVIII — начала XX вв. была

*атеистически и материалистически настроенная интеллигенция*¹⁷⁹. Она была разной: разнородной, разноэтничной, неодинаковой по революционному характеру (от либеральной до радикальной). Чем, принципиально, отличается либеральный интеллигент В.И. Вернадский от В.И. Ленина, если и у того и у другого был одинаковый взгляд на религию, народность и отечество? Под словами Вернадского, написанными в 1888 г., подписался бы и Ленин: «Я не могу быть исключительно великорусским деятелем, как не могу быть исключительно малорусским — я считаю вредным для образованного интеллигента основывать свою деятельность **исключительно** (подчеркнуто автором. — О.К.) на почве одной народности, какая бы она не была; особенно скверна господствующая народность»¹⁸⁰.

С *социальной точки зрения*, интеллигенция была тем сословием, которое в имперский период не захотело стать самостоятельным, отдельным сословием, со своим правовым статусом и т.д.¹⁸¹ Чтобы не служить России. Интеллигенция предпочитала оставаться внутри каждого легитимного сословия и оттуда действовать, в то же время, осознавая себя как одно целое и действуя как одно целое. С *точки зрения политической*, это была сила, политически активная, стремящаяся к власти, потому что целью существования интеллигенции являлось создание *идеальных* условий для жизни народа, которые можно было достичь лишь политическими средствами. Как бы интеллигенция далеко ни стояла, в ранний свой период, от возможности действовать политически, но, трудясь в художественной, научной, общественной сферах, она всё время двигалась к одной цели. Благие намерения ее сводились к народолюбию, революционность же разжигали атеизм и материализм, как альтернативные официальным — церковным и государственным мировоззренческим — механизмы построения царства справедливости на земле.

Русская интеллигенция, трудившаяся, как она полагала, для блага русского народа, на каком-то этапе в 1880-е годы, вдруг обнаружила (после неудачного «хождения в народ»), что *русский народ* совсем не ждет от нее никаких жертв и с настороженностью, и даже неприязнью, относится к ее политической и прочей активности.

¹⁷⁹ Нам привычно понимать под интеллигентом некий духовно-нравственный образец образованного и морально чуткого, почти совершенного человека («нецерковного святого»), но здесь речь идет о секулярной личности, для которой образованность становилась почвой для богоборчества и самостоятельного пути достижения совершенства.

¹⁸⁰ Вернадский В. И. Письма Н. Е. Вернадской. М.: Наука, 1988. С. 161.

¹⁸¹ Кириченко О. В. Русское дворянство и интеллигенция: противостояние двух социальных сил в XVIII — начале XIX вв. // Традиции и современность. Научный православный журнал. 2002. № 2. С. 3–28.

С этого времени внутри русской интеллигенции начинается интеллектуальное брожение, ее охватывает своего рода безумие, она на короткое время просто теряет контроль над собой. Тогда и появляется терроризм, как форма выражения это безумия. Но уже скоро работа мысли заставила интеллигенцию разделиться, по меньшей мере, на три враждующие между собой части. Самая бунтующая, радикальная и численно большая часть — разночинная — по социальному и пестрая по национальному составу, избирает путь инационального (нерусского) народолюбия, отдавая предпочтение идеального служения благу малых народов России. В этой среде и появляется известная концепция «Россия — тюрьма народов». Ядро этой группы составляли радикальные революционеры-террористы, люди готовые на вооруженную борьбу и восстание. Особенность их была в том, что они отошли от пути *социального служения*, отдав предпочтение *национальному*.

Другая группа интеллигенции продолжила старый путь социального служения народу, и потому ее народолюбие по-прежнему существовало в рамках социального служения благу русского народа и России. Это была так называемая либерально-буржуазная интеллигенция, которая и пришла к власти в феврале 1917 г. Буржуазия, дворянство, высшее чиновничество и научная академическая среда — вот ее социальная база.

Но среди интеллигенции в эти годы совершенно неожиданно для всех появилась и третья сила, склонная к религиозной духовности, мистицизму, а в какой-то своей части и к православной церковности. Последние, по сути, переставали уже быть интеллигенцией, перестав быть секулярной группой, поэтому правильнее будет называть их образованными верующими представителями конкретного сословия (дворянства, купечества, мещанства, крестьянства). Внутри этой небольшой группы не было духовного единства, не было однородности и взаимопонимания. И надо сказать, что и по характеру служения религиозные интеллигенты были разными. Одни предпочитали держаться пути социального служения, другие были склонны к национальному служению. В какой-то степени для интеллигентов-материалистов и атеистов из первой, радикальной, группы важно было поддерживать связь с религиозными интеллигентами, национально ориентированными, и использовать их потенциал для своих целей.

Для всего сообщества интеллигенции, независимо от его революционной активности, был характерен один пункт, объединяющий их всех

в одно целое. Этот пункт можно обозначить как стремление к социальному или национальному идеалу без помощи Бога. У нас есть большое подозрение, что это вообще специфическое качество интеллигента, как такового. Тип нравственного эгоиста, который оправдывает свой отход от Бога служением ближним, а точнее — народу, как совокупной личности. Избрание народа в качестве социального объекта внимания тоже соответствует идеальности служения. В интеллигенте просматривается альтернативный церковному путь служения ближнему и в целом альтернативный традиционному путь жизни. Интеллигент до поры не богоборчествует, пока у него есть иллюзия, что своими силами он может достичь и поддерживать в норме нравственный кодекс поведения.

Итак, и «февралисты», и «октябристы» в 1917 г. были интеллигентами, образование и культура которых были направлены на утверждение «подлинно демократических» начал с целью утверждения в стране социального или национального равенства. В октябре 1917 г. к власти пришла радикально революционная интеллигенция, стремящаяся реализовать социально-национальную программу. Причина того, что либеральная интеллигенция не удержала власть, заключается, на наш взгляд, в том, что ей противостояли консервативные силы. В течение нескольких месяцев продолжалось двоевластие, когда на одних весах, но на разных чашах находились два проекта: социальный (для русского народа) и национальный (для национальных меньшинств). Один проект поддерживали либеральные, другой консервативно радикальные силы. Большевики сумели обманым путем создать иллюзию у русского народа, что их проект имеет социальную направленность. Далее, действуя обманом и подлогами, манипулируя насущными интересами русского народа, они развязали Гражданскую войну и уже тогда показали, что в своем стремлении к идеальному обществу, к благу для народа, они готовы физически «стесывать» все несоответствующее их представлению идеального. Втянув русский народ в Гражданскую войну, большевики, по сути, и выиграли Октябрьскую революцию и по-настоящему захватили власть, потому что только в условиях социального хаоса сразу смогла начаться реализация их социально-национального проекта. При этом, война была удобным поводом для того чтобы начать обирать и использовать для своих целей русских крестьян и, в тоже время, отложить на неопределенное время реальный социальный проект.

На первом, ленинском этапе, существования советской власти, до реализации реального социального проекта дело так и не дошло, но началось полномасштабное внедрение национального проекта. Нет смысла говорить о случайности того, что СССР стало национальным государством, скорее это был закономерный итог всех предыдущих десятилетий борьбы революционных сил. Реализуя национальный проект, большевики отказали русскому народу в праве участвовать в нем на равных с остальными народами, как бы давая понять, что у русских будет своя революционная награда — решение социального проекта. Интеллигентский характер власти большевиков предполагал, что к идеальному обществу они будут пробиваться материальными путями, не жалея ни средств, ни жизней, ни прошлой истории России. Отсюда — вся страшная логика обязательности репрессий для большевиков. Путь советского государства, альтернативный церковному и традиционно-государственному, не предполагал духовно-религиозного воспитания человека и патриотизма, вырастающего на христианской и социальной основе. Большевики во главу угла ставили радикальный выбор для человека: или ты с нами, или мы тебя уничтожаем. Если ты с нами, то твоя жизнь, здоровье, семья — все в наших руках. Патриотизм они строили на национально-интернациональной основе.

Когда власть перешла к Сталину, он постепенно в некоторой степени изменил ленинскую модель советского общества. Во-первых, он сузил «революцию для мира» до «революции для России, для СССР», что сразу же ограничило национальную базу «угнетенных народов». Далее, со второй половины 1920-х годов, в число «угнетенных» народов, он стал вводить и русский народ, тем самым решая сразу две проблемы. Русские получали равный национальный статус со всеми остальными народами СССР, и вместе с тем, снималась с повестки дня задача реализации социального проекта. Точнее, эта задача реализовывалась теперь в рамках национального проекта, как дело братской помощи малым народам и укрепление национальной безопасности всей страны. Социальная задача была подчинена национальной.

Перемалывая русский народ в этнически безрелигиозный советский тип, Сталин не смог добиться своей революционной цели. Этничность большого числа русских продолжала сопрягаться с верой, с православием, с церковностью, о чем свидетельствовали масштабы репрессий и цена, заплаченная русским народом за победу в Великой Отечественной войне. Но русскому

народу в этот период был нанесен самый страшный урон за всю его историю.

Если оценивать в целом, то сталинский тип модернизации общества ни в коем случае нельзя считать продолжением имперского проекта XVIII — начала XX вв., поскольку он был прямо противоположен ему. Несмотря на большевистские заверения в его народности, несмотря на технические и военные достижения, он являлся антинародным, антироссийским, антитрадиционным, и потому не может считаться успешным и образцовым для нас. Сталинизм и ленинизм неотделимы от эгоизма, безбожия, насилия над человеком, верой, народом. Их почвенность — служение этничности — также, при ближайшем рассмотрении, оказывается мнимой, потому что там, где господствует эгоизм и безбожие, там постоянно попираются основы и этнического бытия любого народа, на что указывают многочисленные примеры, в том числе приводимые выше. Да и сами большевики — и Ленин, и Сталин — полагали, что со временем этничность (национальность) уйдет и будет заменена однородной советскостью.

Советское общество, созданное в своей основе Лениным и Сталиным — революционными интеллигентами — было обществом, созданным ради интеллигенции, и само являлось интеллигентским обществом. Независимо от того, сколько классов закончил человек в школе и какое он получил образование, но если этот человек получал при этом атеистическую и материалистическую прививку, и если она усваивалась, а не отторгалась, то вместе с этим усваивалось то великое богоборческое высокомерие, которое отличало любого интеллигента от образованного, но верующего человека. Интеллигент в своей самоубийственной простоте считал, что если этот мир Бог не смог сделать идеальным и справедливым, то он — интеллигент — сможет, и пусть ему придется заплатить какую угодно цену, он своего добьется. Более образованный интеллигент становился поводырем для менее образованных интеллигентов. Но для тех и других была характерна все та же фанатичная вера в торжество материализма и бравада своим безбожием. Жизнь превращалась для интеллигента одновременно в лукуллов пир и пир во время чумы, он превозносил гедонизм во всех его проявлениях, как единственную истинную философию-мировоззрение и кичился своим бесстрашием умереть в любую минуту без всяких реверансов в сторону Церкви или веры. В этой двуполюсности заключался «символ веры» любого интеллигента, образованного и необразованного.

Именно интеллигента (интеллигента-чиновника, интеллигента-ученого, интеллигента-колхозника, интеллигента-рабочего, интеллигента-служащего и т. д.), как особую, очищенную от всех «примесей» религиозной и этнической традиции личность, и можно было использовать при создании гражданской нации, называемой «советский народ». Советское нациестроительство работало на создание такого человека, лишённого почвы и корней, хотя и обладающего большими или меньшими познаниями в естественной или гуманитарной областях. К счастью, оно не сумело решить тогда поставленной задачи.

Вот почему, переходя к характеристике воззрений современных сталинистов, причисляющих себя к лагерю русских патриотов, нам хотелось бы прежде обратить внимание на этот глубинный смысл наследия, которое нам оставил Сталин.

Лагерь современных сталинистов

1. Космисты и евразийцы

Кто же эти люди — современные сталинисты, которые сегодня крайне активно тянут нашу страну назад в страшное сталинское прошлое? Как и в начале советской эпохи, свою роковую роль сегодня играют писатели-космисты и философы-евразийцы. Они главные конструкторы этого страшного ремейка. Космисты декларируют свою симпатию к православию, как духовной культуре, но не принимают церковности, которая понимается ими как чисто внешняя функция управления верующими со стороны церковных чиновников. А значит им интеллектуалам это ни к чему. Православие симпатично им как сила, годная для борьбы с антироссийским глобализмом. Поэтому с такой же симпатией они относятся к мусульманской духовности, поскольку видят в ней такую же основу для антиглобалистской борьбы. Личный их катехизис, если касаться личности А. Проханова — главного идеолога современных космистов, — сводится к сектантским идеям Николая Федорова, дореволюционного мыслителя, дружившего с Вл. Соловьёвым и Л. Толстым.

Другой силой, близкой космистам, является современное русское евразийство, к наиболее ярким представителям которого относится философ и геополитик А.Г. Дугин. Мировоззрение евразийцев эклектично, здесь есть место и православию (как самобытной культурной основе русских), но сердцевину его все же составляет пантеизм в его неплатонической форме¹⁸². И космисты,

и евразийцы горячо отстаивают приоритеты русского народа, говорят о его мессианском характере, много пишут о его современных проблемах, чем привлекают к себе многих равнодушных к современной судьбе русских. Для евразийца Дугина неоспорима историческая и провиденциальная связующая роль русских между Западом и Востоком. И космисты, и евразийцы активно участвуют в политике, в качестве протестных сил, отстаивая свою антилиберальную позицию. Итак, русская (но не православная!) консервативная мысль в лице сначала космистов и евразийцев в течение последних двадцати постсоветских лет наиболее заметно защищает в медиапространстве интересы русского народа и, вместе с тем, тщательно готовит общественность к *романтическому взгляду* на сталинскую эпоху.

Космисты и евразийцы считают либералов главным своим врагом. По их мнению, именно либералы-февралисты разрушили российскую монархию, и они же разрушили СССР в 1991 году. Ленин удержал российскую государственность от распада, а Сталин ее укрепил и преумножил. Ленин и Сталин видятся космистам и евразийцам консерваторами, а значит, союзниками. Но консерватизм космистов и евразийцев, как нам видится, не выдерживает критики. Консерватизм их достаточно условный. Как *консерваторы* они борются за *русскость*, в силу чего их поддерживает сегодня значительная часть русских патриотов, духовное мировоззрение которых отличается эклектичностью. Русскость, т.е. этничность, является для них определяющим качеством, религиозная же духовность — это «плавающая», необязательная характеристика. Она может быть привязана как к православию, так и к иному — «традиционному» для России мировоззрению: язычеству, христианскому сектантству, исламу, буддизму, иудаизму. Хотя с последними космистым и евразийцы ведут себя осторожно, т.к. этничность здесь напрямую связана с религиозностью, но, тем не менее, консерватизм и здесь их привлекает. Как либералы космисты и евразийцы — это люди, оставившие свою родную религиозную традицию и признающие право всех российских религий принимать равное участие в воспитании всех граждан. Нам привычно считать либералами тех, кто свободно смотрит на отход от собственной (в которой они родились и воспитывались) этнической традиции и культуры. Но здесь другое — узко религиозный либерализм. Именно в силу узости либерального

¹⁸² Зибницкий Э. Нео-евразийство и вера отцов // Православие. RU / Интернет-журнал, 29 декабря 2001 г.

спектра, либерализм консерваторов космистов и евразийцев не просматривается невооруженным глазом. Но если присмотреться и проанализировать, то он сразу обнаружится. Даже в личных связях. Тесные симпатии и связи А. Проханова и Э. Лимонова — левого радикала, не мешают последнему находиться в союзниках с самыми известными либералами — Б. Немцовым, Г. Каспаровым, — против которых космисты и евразийцы ведут войну. Оказывается, союзы возможны с кем угодно, лишь бы против конкретного, в конкретной ситуации, противника.

Для космистов и евразийцев образ Сталина есть образ реального Сталина. Неизвестно, однако, как А. Проханов предполагает совершать воскрешение, но ясно одно — космисты хотят возвращения *реального* Сталина. Для этого Сталин должен быть святым, по образу православных святых, которые как живые присутствуют в нашей жизни. Вот как описывается А. А. Прохановым образ Сталина в одном из последних номеров газеты «Завтра»¹⁸³: «Сталин — суперреалист. Человек, который блестяще знал и понимал реальность в ее динамике, в движении». Это гений мысли, гений памяти, человек, способный к метафизическому мышлению, т. е. к прозорливости. Он победил всех политических соперников своего времени, как в России, так и во вне: «это гиперреалист, каких на земле не было, и не скоро появятся». Далее идет речь о явлении этого провозглашенного космистами святого народу: «Сталин сегодня явился нам как миф. Миф, в котором спасется сегодня русское племя, русский человек, русский народ. Сегодняшний Сталин — это монастырь, в котором сберегается русский народ, где он духом сопротивления лечит свои раны, где он опять пропитывается духом сопротивления, победы. Монастырь, куда он сносит свои святыни, скрижали, реликвии». «Важен не исторический Сталин, а мифологический, который соответствует русским представлениям о вожде, государстве, о лидере, о победителе, спасителе». Но и это не все. «Будет еще Сталин завтрашнего дня. Там он опять изменит свое назначение, свою форму, свою роль». «Люди будущей России поймут, что Сталин сделал для сбережения русской цивилизации столько, сколько, может, никто не сделал, что Сталин — это чудотворец победы и неизбежно появятся доски, на которых дивный живописец начертает его лик, окруженный сияющим золотом».

Как видно из этой страстной апологетики вождя антинародной большевистской партии, автором движет чисто *сектантское* желание помочь Сталину-мифу получить статус «величайшего святого», чуть ли не покровителя России. Если Сталин — миф, то этот миф можно наполнить «энергиями» народной любви к вождю (как это было при жизни), и эти энергии, сконцентрированные в одном месте-образе, будут сиять и согревать как духовное солнце сам народ, который отдал мифу-Сталину свою любовь и почитание.

Глава евразийцев А. Г. Дугин особо не останавливается на личности Сталина, для него интересен в целом советский проект, как реализованная модель евразийского государства. В качестве главной задачи он видит восстановление Российской империи и СССР на принципиально новых основаниях. Новый Евразийский Союз будет являть собой пример добровольной специфической модели интеграции по типу Евросоюза¹⁸⁴. Философ так позиционирует современное евразийство: «Евразийство — это политическая философия, которая не может быть однозначно квалифицирована ни как правая, православно-монархическая, ни как левая коммунистическая, социалистическая, ни тем более как либеральная». Итак, это никакая, по политической ориентации, философия, что уже весьма странно. Но, все же, как замечает автор, евразийство в области социальной политики тяготеет к левым социалистам. Причем не атеистам, а религиозным социалистам: православным или исламистам. А поскольку главным коньком евразийцев является этническое поле, то в этой области их постулат звучит так: «Евразийство — это идеология, утверждающая право всех этносов развивать и отстаивать свою культуру без какого-либо умаления их культурных прав и идентичности»¹⁸⁵. Из этого следует, что ни в Российской империи, ни в Советском Союзе, эта проблема, по мысли А. Дугина, не была решена. Евразийцы готовы создать новую конструкцию взаимоотношений народов России. У руководителя евразийцев свой взгляд на русскость. Для него «русский» — это социальное понятие, а не этническое. Социальное, значит, статусное, т. е. особая общественная роль в системе народов России. Русский рассматривается в качестве представителя цивилизации. «Речь идет о русских в широком смысле, русских как социо-

¹⁸³ Проханов А. А. Святомученик Иосиф // Завтра. Январь. 2013. № 4 (1001). С. 1.

¹⁸⁴ Дугин А. Евразийство и постмодерн // Завтра. Октябрь. 2011. № 42 (935). С. 4.

¹⁸⁵ Там же.

логическом историческом понятии, как исторической общности»¹⁸⁶.

Совсем недавно стартовой площадкой для формирования новой концепции национальной идеи стал Изборский клуб. Возглавил его А. Проханов. Учредительное заседание этой общественной организации прошло в Изборске 8 сентября 2013 г. Кроме выступлений отдельных участников клуба, было одобрено резюме, краткая программа, характеризующая направление его деятельности¹⁸⁷. Оговаривается, что появление программы вызвано «смертельной угрозой, исходящей из либеральных центров: как внутри российского общества, так и за его пределами». Авторы отмечают информационный характер опасности: «Эта либеральная „машина“ построена с помощью антропологов и историков, социальных психологов и знатоков „теории хаоса“, экономистов и мастеров информационных войн». Деятельность либералов направлена на дробление фундаментальных принципов, на которых строится евразийское союзное государство; также — на подавление глубинных кодов народного сознания, помогающих народу одерживать победы и продлевать его существование в истории; на разрушение Православной Церкви, препятствует оборонному и военному строительству, сеет раздор среди российских конфессий; не позволяет преодолеть раскол исторических русских эпох; продлевает русскую смуту, деминирует российского лидера и институты власти». В документе говорится о четырех империях, существовавших на Руси (Киевско-Новгородская, Московское царство, Романовская империя, Советская империя) и о необходимости перехода к пятой империи. Вот ее краткая характеристика: «Грядущая евразийская империя будет империей особого типа, без колоний и метрополий, где все народы станут имперскообразующими, будут нести свою долю ответственности за сбережение и развитие империи». Теперь, что касается духовного наполнения этой системы: «Православие и ислам, проповедующие божественную справедливость, станут основой евразийской идеологии, сделают Евразийский Союз привлекательным для всех входящих в него народов». Самое главное на ближайшее время — это преодоление разрыва между «белой» (романовской) и «красной» (советской) империями. Обе империи разрушили

либералы. Поскольку русское оружие защищает не только города, территории, но весь религиозный и культурный уклад — оно священно. «Восстановление оборонно-промышленного комплекса есть не только технологическая задача, но и религиозная миссия». Сейчас речь идет о рывке в развитии, для чего нужен мобилизационный проект, позволяющий сконцентрировать все ресурсы нации для сбережения суверенитета и сохранения народа». Во главу угла новой идеологии, нового национального проекта должно стать «Учение о Русской Победе».

Автором этого программного документа, судя по всему, является писатель и главный редактор газеты «Завтра» А. А. Проханов, т. е. космисты выступают ведущей, организующей силой этого проекта. Но в числе членов клуба, как следует из выступлений участников, оказались и антисталинисты. Во всяком случае, к таковым можно отнести Н. А. Нарочницкую, автора книги «За что и с кем мы воевали» (М., 2005), которая так пишет о вожде: «Он (Сталин) имел собственные планы мировой гегемонии. Это отнюдь не сулило ничего хорошего русскому народу, который и для него был лишь инструментом — типично для демонов революции»¹⁸⁸. В своем выступлении в Изборске Н. А. Нарочницкая обозначила в качестве главной проблемы «угрозу раздробленности, угроза распада страны, которая является в первую очередь проблемой русского народа»¹⁸⁹. В целом же спектр выступлений участников клуба достаточно однороден, сталинизм как тема нигде не присутствует, даже у космистов и евразийцев, речь идет о конкретном направлении действия в современной России. Сегодня «Изборский клуб» действует как противоядие либеральному «Валдайскому клубу», собираясь гораздо чаще последнего, территориально меняя дискуссионные площадки и собирая, в отличие от либералов, более широкий спектр специалистов разного профиля. В работе Клуба принимают участие не только патриотически либеральные силы, к каковым мы относим единомышленников А. Проханова, но и православные консерваторы, такие как архимандрит Тихон (Шевкунов) и Н. А. Нарочницкая. У данного объединения, безусловно, есть возможность стать объединительным и координирующим интеллектуальным центром для всех русских патриотических сил,

¹⁸⁶ Дугин А. «Дать русский ответ на вызов Запада...» // Завтра. Ноябрь. 2012. № 47 (992). С. 3.

¹⁸⁷ Изборский клуб // Завтра. Сентябрь. № 37(982). С. 1.

¹⁸⁸ Нарочницкая Н. А. За что и с кем мы воевали. М., 2005. С. 65.

¹⁸⁹ Философия Победы // Завтра. 2012. № 37. С. 3.

но пока в нем слишком сильны и серьезны позиции космоистов и евразийцев, слишком неопределенно выглядит общая платформа и слишком велика опасность превращения этого общественного объединения в кузницу псевдоимперских идей, реанимирующих советскую эпоху в какой-то ее ипостаси.

2. Православные сталинисты

Свое пристрастие к Сталину сегодня выражает и часть русских православных патриотов. Сегодня они компактно представлены в интернете на Русской народной линии, где есть и отдельный форум, и тема эта одна из основных. Первое, что бросается в глаза: у каждого православного апологета Сталина — свой исторический «Сталин». В одном случае — это гений политики, в другом — нравственно безупречный «Марк Аврелий», великий книголюб и мыслитель, полководец и т.д. Авторы отстаивают каждый свою правду об историческом Сталине. И всех их волнует: будет ли исторический Сталин претворен в символический образ, основополагающий для современной России. В общем-то Сталин, как миф, как творец народной империи, сегодня главный защитник России и русских от либерализма. Это — главное у православных сталинистов.

В этой группе защитников Сталина нет серьезных историков, полемика с противниками сталинизма ведется на публицистическом, нередко эмоциональном уровне, с обращением к фактам, которые должны объяснить причины Победы СССР в Великой Отечественной войне и отразить вершины наших достижений в области промышленной и научно-технической. Цена Победы и цена достижений авторов не интересуют. Звучат обиды: «Но почему мы, православные христиане, жестоко осуждаем человека, крещенного в Православной вере, которого никогда не видели, с которым в одно время не жили, о котором слышаны только из источников явно антирусских, антиправославных и тенденциозных?» Аргументы в пользу Сталина, у автора стандартные для православного сталиниста: *«А ведь заключительная часть жизни раба Божьего Иосифа вполне отвечала требованиям самодержца Всероссийского: устранение от власти вплоть до физического уничтожения предательской „ленинской гвардии“ революционеров, добившейся пора-*

*жения нашей Родины в Первой мировой войне и залившей кровью Россию в развязанной ими же войне Гражданской; восстановление расчлененной и „обрубленной“ территории Российской Империи и присоединение древнерусских Галичины и Закарпатья; коллективизация сельского хозяйства и за 10 лет создание, практически из ничего, практически на пустом месте мощнейшей современной промышленности; подготовка новой народной интеллигенции и офицерского корпуса взамен изгнанных или уничтоженных большевиками во время Гражданской войны; создание могучей Рабоче-Крестьянской Красной Армии, разгромившей НАТО того времени — объединенную Гитлером Европу, а после и Японию; возврат к вековым русским традициям и в армии, и в литературе, и в искусстве, и в образовании; вывод Советского Союза из политической изоляции и вхождение в мировое сообщество в качестве одного из его руководителей; возобновление Патриаршества на Руси и прекращение гонений на Церковь»*¹⁹⁰.

Такие суждения построены на контрасте ленинского и сталинского периодов, на сознательном или неосознанном отрицании самого активного участия Сталина в ленинском периоде, в революции и Гражданской войне. В перечне достижений Сталина, автор также абстрагируется от конкретики индустриализации и коллективизации. Не в курсе Е. Алтухов, очевидно, и того, насколько серьезным и глубоким было «возвращение к вековым русским традициям». Всё и вся оправдывают «победы Сталина»: в войне, в коллективизации, индустриализации, в мировой политике. Рисуется благодатная картина о «спасителе Отечества», без каких-либо критических замечаний по поводу этих побед.

К. Душенов в статье о Сталине-мифе¹⁹¹, тем не менее, почти ничего не говорит о содержании мифа, но приводит некоторые редкие данные об историческом Сталине, чтобы показать, что это был оригинально думающий, умный человек. Сама постановка вопроса о Сталине осуществляется автором жестко и провокационно. Сталин — тиран, деспот, язычник, но он строитель государства, какого еще не было на земле. Этим Россия была поднята на небывалую высоту. «Сталин — помазанник Божий», хоть и без церковного таинства помазания. Поражает чере-

¹⁹⁰ Алтухов Е. Христианское отношение к И. В. Сталину — кратчайший путь к нашей грядущей Победе // РНЛ. 17.08.2012.

¹⁹¹ Душенов К. Почему русские любят Сталина, и Сталина ли они любят на самом деле? // Русская народная линия. 17.11.12.

да парадоксальных утверждений: «Сталин был деспот, да, но он был ближе к Богу». «Сталин с внешней стороны атеист, но на самом деле он верующий человек». И К. Душенов, как православный патриот, склоняется перед величием «Сталина-избранника Божия». Автор забывает сказать там, где уместно это сделать, что ценою этого избранничества было опустошение русского народа, расхищение и умаление Божьей Церкви и надругательство над православной верой и верующими в стране. В другом, правда, месте К. Душенов пишет, что революция была карой за грехи русского народа, но Сталин в самый тяжелый момент спасает государство и строит империю более великую, чем была. В пафосной форме автор провозглашает еще одну антиномию: «Утвердивший свою власть на гекатомбах русских трупов, бестрепетно заливший русской кровью остолбеневшую от ужаса Европу... и... и... И спасший русское сердце от вражьего плена, вернувший ему жажду всемирного служения, возвративший Кремлю его мессианскую волю и стать». И главный вывод: Сталин, как миф, учит русских, как надо бороться и как надо побеждать. Вот зачем сегодня нужен России Сталин. Этот миф отделит в России зерна от плевел, отделит овец от козлий в православном мире России, словом, везде наведет порядок. Нужно поставить в Кремле памятник Сталину и всем русским проникаться его волей к победе, его умением работать, его способностью побеждать. При этом, автор не боится говорить, что Сталин не испытывал любви к русскому народу, он лишь использовал его, когда это было нужно. И все равно православный автор кланяется ему. В этой публикации поражает напор, пафос, уверенность, что Сталина-миф можно отделить от исторического Сталина, уверенность, что добро и зло могут сосуществовать. Однако, как православного человека, К. Душенова не может не мучить проблема «двух Сталинов», доброго и злого. Но, риск, как считает он, оправдан, другого пути у России — нет.

В целом же, оценивая позицию данного автора, следует заметить, что он стремится поэтическими, а не аналитическими средствами решать поставленные исторические проблемы. Такой подход характерен и для других православных сталинистов, в большей или меньшей степени.

Вал интереса к Сталину-мифу действительно растет. Интересно отметить, в этой связи, один важный отклик на «современный сталинский

призыв» еще одного постоянного автора РНЛ проф. МГУ В. Расторгуева, позиционирующего себя антисталинистом. «Воистину так: культ личности Сталина — не наше прошлое, а наше недалекое будущее. В ближайшие годы мы или наши дети будут свидетелями грандиозного переворота в массовом сознании — просталинского переворота»¹⁹².

Священник Александр Шумский — другой активный просталинский публицист в интернете, отталкивается от той мысли, что при Сталине был порядок и, благодаря ему, была создана великая держава СССР, была выиграна война, и Россия получила возможность быть независимой от Запада. Сегодня для России Сталин — это символ империи, этот опыт сегодня крайне важен для России, которая скатывается к либерализму, теряя свою самостоятельность. У этого автора нет ложной мистики в понимании образа Сталина, он понимает эту личность как православный священник, но существует какой-то необъяснимый и нигде неоговариваемый пиитет перед Сталиным-личностью, человеком, духовной величиной. Во-первых, почему-то автор считает, что от Элтона Джона страну сегодня может спасти только Сталин¹⁹³, а не Александр III, или Николай I. По каким-то неведомым читателю причинам все лавры борца против либерализма о. Александр считает вправе передавать только Сталину. Причина этого, как нам кажется, в том, что никто из российских императоров не смог создать нечто такое «технически совершенное», работающее как одна большая машина, какое создал Сталин. Здесь было не до «либеральной дури» в голове, здесь надо было работать и повышать обороноспособность страны. Сталин выступает не только как идеальный правитель-антилиберал, но и создатель идеальной антилиберальной системы, имя которой «советская машина». В такую систему, по логике рассуждений о. Александра, ни один «Элтон Джон» не проникнет.

Православных сталинистов Сталин завораживает своими почти сверхъестественными организаторскими способностями — возможностями превращать человека в робота, машину и опять возвращать его к жизни. Но, как пишет об этом А.С. Панарин, превращение общества в Машину было совсем не безобидным, но проходило в обстановке «массового геноцида эндогенной направленности... Геноцид такого масштаба — продукт мышления, прошедшего

¹⁹² Расторгуев В. О болевых точках нашей территории и нашей истории // РНЛ. 23.02.13.

¹⁹³ Шумский А. свящ. Иосиф Сталин или Элтон Джон // РНЛ. 30.12.2010.

техницистскую выучку, поставившего машину выше человека и выше прав самой жизни»¹⁹⁴. Сталинский тоталитаризм, считает этот выдающийся мыслитель, «пора описать как подавление прав самой жизни на Земле, как воплощение индустриального танатоса»¹⁹⁵. Но Россия, превратившаяся усилиями Сталина в большую фабрику смерти, о. Александра Шумского не смущает, для него важен результат — Победа в войне, глобалистское присутствие России в мире, технический прогресс, знаменем которого был выход в космос. Что «великое государство получилось», не отрицает и Панарин, но замечает, что «его экспансия питалась демоническими энергиями». Выше мы уже говорили о черной энергетике сталинизма, использовании искусственно созданного психического и псевдодуховного воодушевления, которое легло в основу экономического чуда. Православному священнику должно быть понятно, о чем идет речь в этом случае.

Священнику Александру совсем не хочется заниматься историческим Сталиным, он считает, что достаточно нам сегодня только Сталина-мифа, и поэтому, если и говорить об истории того времени, то в утвердительной форме. Он считает, ссылаясь на слова Сталина, что тот не причастен к убийству царя и его семьи, также, что при Сталине Церковь не особенно пострадала: «Отношение к Церкви у того же Сталина очень сильно со временем поменялось. Оно стало меняться ещё перед войной, а тем более во время и после нее. Все люди, знающие историю, говорят об этом»¹⁹⁶. В этих словах, очень легковесных для священника по отношению к Церкви (как-то «менялось», «все люди, знающие историю, говорят об этом»), звучит пренебрежительное отношение к «конкретике» событий. Никакие доводы против Сталина уже не важны, они априори — либеральны. Все решено автором заранее, кто прав, а кто виноват.

По о. Александру, Сталин в своем качестве идеального борца с либерализмом сегодня особенно нужен России для ее будущего: «Вопрос об отношении к Сталину и к советскому периоду сегодня центральный, это не сугубо научно-исторический вопрос, это вопрос жизни и смерти. От того, как мы его сегодня решим,

зависит, возродим ли мы Российскую Империю или нет. А без Империи у нас нет будущего»¹⁹⁷. Что же готов нам дать Сталин-символ? По мысли о. Александра, он может нам помочь выстроить «православную империю русского народа». Но таковой Российская империя никогда не была, ни в романовское время, ни тем более при Сталине. Империя вообще не связана с этнической доминантой какого-то народа. Империя, как справедливо считал митр. Иоанн (Снычев), явление в первую очередь конфессиональное, а не этническое¹⁹⁸. Русский вопрос, в том виде, как его понимает о. Александр, никогда не может быть решен в рамках существования империи. Даже если она будет православной, как раньше, при династии Романовых.

Позиция о. Владимира Василика — другого автора, «мягкого» сталиниста, сводится к признанию Сталина одновременно злодеем и святым, Диоклетианом и Константином¹⁹⁹. В немногих статье на эту тему присутствует все та же, что и у предыдущих двух авторов, позиция доказательств методом «поэтической образности». Апорию о. Владимира впору разгадывать логикам и философам, но что эта позиция может объяснить по существу вопроса? Что автор не хотел бы говорить о Сталине плохо, хотя и были страшные гонения на Церковь (это, славу Богу, автор не отрицает, но добавляет: «но здесь какая-то тайна»), но была и великая Победа и много других индустриальных и социальных достижений. Но автор не может и возвеличивать Сталина. За собой о. Владимир оставляет право оставаться сталинистом только потому, что была «какая-то тайна» в области негативных фактов о Сталине, и эта тайна еще не раскрыта. В общем, остается лишь надеяться и верить.

Православные сталинисты согласны с тем, что Сталин сознательно сменил «ленинско-троцкистский» курс на новый. Вообще среди этой группы сталинистов больше примеров осторожного неоднозначного отношения к Сталину, но выделяются не отрицательные факторы, а положительные. Так С. Михеев пишет: «У меня самого достаточно сложное к нему отношение. Я думаю, что Сталин как историческая фигура не может оцениваться в манихейской черно-белой

¹⁹⁴ Панарин А. С. Реванш истории. М.: Русский мир, 2005. С. 100.

¹⁹⁵ Там же. С. 99.

¹⁹⁶ Шумский А. свящ. Сталин — это имперский символ // РНЛ. 03.03.2010.

¹⁹⁷ Там же.

¹⁹⁸ Иоанн (Снычев), митр. Самодержавие Духа. СПб,

¹⁹⁹ Василек В., диакон. Считать, что советский период — это «черная дыра», значит роптать на Промысл Божий // РНЛ. 15.01.2013.

Из журналов сталинской эпохи.
Репродукция, обнаруженная нами в сельском доме (в сенях, на стене).
Фото 2013 г.

гамме: или давайте его на иконы помещать, или он — тиран, бестия и исчадие ада. Ни в ту, ни в другую рамку он не влезает. Но для либералов он, в первую очередь, ненавистен даже не репрессиями, а как человек, который в свое время положил конец интернационалистской вакханалии в России 1920-х гг. Сталин фактически уничтожил все ядро революционеров-интернационалистов, состоявшее преимущественно из евреев и представителей других нацменьшинств, для которых разрушение традиционной России было чуть ли не главной целью революционного движения». «Во-вторых, — продолжил С. Михеев, — для либералов Сталин — это человек, который смог воссоздать институты жесткой государственной власти в России и возродить ее традиционные формы существования. Да, это было в очень искаженном виде и происходило очень болезненно. Просто в какой-то момент Сталин четко понял, что дальнейшее существование страны в парадигме ленинско-троцкистской мировой революции — это тупиковый путь. Как

от нее отказаться — это был большой вопрос и проблема. Но война подтолкнула его к тому, чтобы вернуться к реабилитации многих традиционных форм существования исторической России»²⁰⁰.

Православные сталинисты ведут полемику с космистами по вопросу о недопустимой степени восхваления Сталина и всей «красной империи». С их точки зрения, только два временных отрезка из советской эпохи могут быть оправданы: время Сталина и Брежнева. Они против названия Сталина святым, и считают, что вокруг А. Проханова складывается своего рода секта. На эту тему не раз высказывался на РНЛ священник Александр Шумский²⁰¹. Отец Александр говорит, что достаточно признания «гениальности», не надо делать из вождя святого. Отсутствие должной меры в оценке Сталина приводит к страшной ошибке: «Ваше мировоззрение, — обращается священник к А. Проханову, — при ближайшем рассмотрении является разновидностью нового религиозного сознания, соединяющего Христа и

²⁰⁰ Михеев С. Целят в Сталина, а попадают в Россию // РНЛ. 10.05.2012.

²⁰¹ Шумский А., священник. Странная империя Александра Проханова // РНЛ. 05.03.2011; Он же. Жрец красного постмодерна // РНЛ. 28.04.2012; Он же. Не превращайте газету «Завтра» в секту! // РНЛ. 29.07.2011.

антихриста»²⁰². Священник Александр совершенно искренне считает, что абсолютное большинство русских православных христиан с симпатией относятся к Сталину, и А. Проханов своим сектантским подходом вредит общерусскому делу. Между тем, сектантство главного редактора газеты «Завтра» не так далеко ушло от «православного» отношения к Сталину о. Александра и его сторонников. А. Проханов рисует конкретную картину новой красной Пятой империи, которая именно такова и должна быть, если брать за основу фигуру Сталина во всей его реальности. В создании образа Сталина-мифа писатель Проханов выступает как предельный реалист, а не фантаст. Священник Александр же наивно думает, что Проханов один из виновников искажения подлинной фигуры Сталина, и потому задача русского патриотического (имперского) движения состоит не в корректировании образа Сталина, а в оставлении его подлинного исторического облика перед лицом и либералов, и патриотов-сектантов, подобных А. Проханову. Православный священник о. Александр Шумский готов все простить Сталину — и невиданные гонения на Церковь, и штурмовщину и насилие над народом — только за то, что вождь сумел создать сильную Россию. А сильная Россия — автоматически уже может считаться антилиберальной, православной, русской Россией. Этот логический ход православного автора-сталиниста и служит объяснением всему. Но исторические факты, как мы показали выше, говорят о другом: сильной Россия становилась только, когда народу давали хотя бы кратковременную свободу потрудиться или повоевать за страну ради исторической России, во славу Божию.

Вывод: Всех, без исключения сталинистов следует охарактеризовать как *консервативных постмодернистов*. Их консервативность лишь видимая форма духовно позитивного содержания. Но за этой формой стоит, увы, деструктивное — постмодернистское — содержание. Православных и неправославных русских сталинистов сегодня объединяет одно образ Сталина, его способность вести борьбу с либерализмом. Идеализация Сталина условная и безусловная должна указывать на то, что обеление этой исторической личности идет с интеллигентских позиций. Православные сталинисты готовы на время быть неправославными, лишь бы помочь России. Такая позиция особенно ясно просматривается у К. Душенова. Все православные

сталинисты склонны к антиномичной характеристике Сталина: злодей-гений, антицерковный-святой, помазанник-деспот и т.д. Такая позиция имеет определенное оправдание в Евангелии, там, где апостол Павел говорит о том, что готов пожертвовать многим ради спасения своих единокровных. Но та ли это позиция присутствует в данном случае? Не прячется ли за этим пресловутая интеллигентность, в ее псевдонародолюбии? Сталинисты готовы на время борьбы с либерализмом отказаться от православности. Их временный союз со Сталиным и сталинизмом и является такой временной формой отхода от православия. Но так ли безвыходна ситуация, чтобы жертвовать верой, ради «братства», ради исполнения большей из всех заповедей?

Разве это не странно, что русские консервативные патриотические силы объединены вокруг фигуры, которая однозначно является для русского народа не созидательной, а разрушительной? Сталинисты-патриоты, объединившись, как бы узурпировали право большинства русских патриотических сил действовать в интересах традиционной, православной России. Опять любимый советской властью диктат меньшинства над большинством определяет путь развития страны, подталкивая власть воспользоваться «национальным проектом», разорвав полностью отношения с либералами.

Опять, как и при Ленине-Сталине в качестве главного врага представлены либералы. И это не случайно. Видеть в либералах главного врага — это значит, или не понимать главного, или сознательно обманывать народ, считая его неспособным понимать подлинный смысл происходящего. За маской либерала, который никогда самостоятельно не действует и не правит, всегда стоит та или иная консервативная сила. И даже если сталинисты под либералами понимают «этно-либералов», они все-таки определяют их как либералов, как сторонников свободы-вседозволенности.

Но что меняется от того, что мы начнем в качестве главного соперника видеть равного себе консерватора, а не постоянно ускользающего от противостояния либерала? Изменится многое. Тогда обнаружится, что современного русского патриотического актива (в лице сталинистов) слишком мало, чтобы действовать против всей совокупности консервативных антирусских, антиправославных сил. Речь идет, разумеется, об общественном дискуссионном, а не силовом

²⁰² Он же. Не превращайте газету «Завтра» в секту! // РНЛ. 29.07.2011.

противостоянии. Тогда и окажется, что абсолютное большинство русских патриотических общественных сил, которые сегодня разрознены, являются огромной силой, не сравнимой ни с какими клубами, партиями и движениями. Это общество целиком, русская часть России в целом, русский народ. Именно ему сегодня отказано (в том числе патриотами-сталинистами) право бороться «за правду», за православную, русскую правду. Ведь ни за что другое и смысла нет серьезно бороться. Сталинисты предлагают борьбу с либералами силами спецслужб, армии, жесткой идеологии, но не предлагают «народную борьбу». Такую борьбу большевизм смог допустить лишь в период Гражданской войны, когда были натравлены брат на брата, отец на сына, народ на народ, и в годы Великой Отечественной войны. Но и тогда борьба велась под жестким присмотром спецслужб, при очевидном безразличии к числу убитых военных и мирных жителей. Навязанный образ «либерального врага» настолько сузил поле деятельности для русских патриотических сил, что превратил его и маленькую элитную группу участников телевизионных ток шоу, завсегда-ев «от лица патриотов» на встречах президента со страной, и вот теперь и членов патриотического клуба, созданного по принципу обычного Английского клуба — в пространстве, скорее, для игры в гольф, нежели выстраивания единого русского патриотического фронта. «Изборский клуб» — интеллигентское сообщество — постоянно проводит выездные заседания в разных регионах страны, но от этого он не перестает быть «клубом», а деятельность его — клубной. В этой связи в современном русском патриотическом движении нет структурированной в масштабах всей России силы, действующей разумно, естественно и едино.

Очевидной слабостью сталинистов-патриотов в целом является их широкая идейная платформа. Хотя они признают православие ядром своей идеологии, но при этом видят в качестве союзников и советских атеистов, и язычников славян. Они отказываются соглашаться с тем, что русскость, синонимичная православности, выковывалась в жесточайшей борьбе с язычеством, в жертвенном противостоянии богоборческому советскому атеизму. Русские, конечно, ни в коем случае не должны забывать о своих славянских корнях (но эти корни совсем не в язычестве), и свято и молитвенно помнить время великих народных испытаний в XX в. Но синтезировать православие со славянским язычеством и советскостью — это значит не понимать что такое православие. Сила русского народа (позволяющая ему быть «всемирно

отзывчивым», по выражению Ф. М. Достоевского) заключается именно в сохранении ценой великих страданий и мучений чистоты православия, отстаивания его как догматических истин, так и нравственных основ. «Советский опыт» пожителен только в одном смысле — духовном, но ведь сталинистом интересует не этот опыт, а материальные достижения советского периода. Между тем как в основе материальных успехов этого времени лежал псевдодуховный, мифологический фактор. Многие люди, погружаясь в эту мифологию, были дезориентированы как общей ложной целью — коммунизмом, так и во многом обмануты и оболщены методами и идеологией достижения «высокой цели».

Лагерь антисталинистов

Мы не будем касаться здесь большой группы либеральных антисталинистов, хотя именно они задают тон в борьбе со сталинистами, провоцируя их на дискуссию, на политическую и общественную активность. Причина нашего невнимания к либеральным антисталинистам в их, на наш взгляд, полной неконструктивности, творческой бесплодности. Их позиция состоит лишь в критике и провоцировании сталинистов на активность. К тому же большая часть их выражает очевидное негативное отношение к православию. Между как среди антисталинистов существует вполне конструктивное, консервативное, православное «большинство», но которое до сегодняшнего дня не собрано в одну, целенаправленно действующую, общественно-политическую силу. Причина этого, может быть, именно в том, что почти все общественно и политически активные интеллектуальные силы, сегодня находятся в лагере сталинистов. Лагерь «большинства», поэтому просто некому возглавить. И это сегодня главный вопрос для русского общественно-патриотического движения.

1. Русские православные антисталинисты

Как только произошло развенчание «культы личности» Сталина в 1956 г., сразу открылась полоса *легального антисталинизма*. Но, поскольку советское государство само взяло на себя миссию критики сталинизма, оно само и выбирало, каким быть антисталинизму. Хрущевский антисталинизм сводился к представлению образа Сталина — «виновника за репрессии», причем речь шла в первую очередь о пострадавших от рук вождя партийных и военных кадрах. В этом русле и можно было критически трудиться историкам и литераторам. Попытки шире посмотреть на преступления сталинского режима всячески

пресекались. Вместе с либерально-партийной критикой сталинизма должна была уйти в прошлое и сталинская национальная политика, в том числе по отношению к русскому народу, которую Сталин проводил в предвоенные и военные годы. Эти годы хрущевской «оттепели» характерны ростом русского самосознания в среде городской интеллигенции. Появляется много тайных общественно-политических организаций русской патриотической молодежи, которая не могла смириться со сворачиванием тех немногих достижений, которые имелись в сталинское время. В то же время, появляются зачатки литературы вполне (поначалу) отстраненной от какой-либо политики, в которой изучается быт русской деревни, с ее традиционным укладом и мировоззрением крестьянина. Представители этого народного русофильского направления в литературе, получили название писателей-«деревенщиков». У этого направления, взявшего художественно и мировоззренчески отстаивать то, что полезного накопилось в русском самосознании за последние десятилетия, была скромная цель — размышлять о разрушенном и разрушаемом народном укладе. Антисталинизм не являлся здесь орудием возмездия, материалом для суда над тираном, жизнь русского народа рассматривалась как органически целое: *единение земли, мира и власти*, точно это одна река, на пути которой есть чернозем и песок, но есть и камни, и пороги: она же все течет и течет, пока живы питающие ее ключи. Деревенщики появились на Вологодчине, а потом, по каким-то удивительным законам, привязанным к исторической колонизации новгородцами (и вологжанами) Урала и Сибири, распространились на восток до Иркутска и Красноярска. Были они в других регионах советской России, но там не поднялись они до уровня В.П. Астафьева, Н.А. Рубцова, В.И. Белова, Ф. Абрамова, В.Г. Распутина, А. Яшина, Е. Носова, Б. Можая. Появилось даже такое самобытное явление, как «городские деревенщики» — писатели, поэты, пишущие о деревне и корнями связанные с ней, но переехавшие в столицу. Такими были В.М. Шукшин, Ю. Казаков, В. Солоухин. Сюда же следует отнести писателя А.И. Солженицына, для которого деревенская тема стала основой, буквально платформой для самого решительного и открытого антисталинизма. В этой открытости критики Сталина писатель был близок представителям либерального лагеря. Сталин у него — тиран, восточный деспот, двуличный, хитрый и коварный человек, разрушивший основы ленинской системы. Позже писатель откажется и от ленинизма и станет критиком всего совет-

ского строя. Занимает свою антисталинистскую нишу и такой выдающийся советский поэт, как А.Т. Твардовский. Он впервые распространяет понятие вины Сталина на репрессии против крестьянства. В поэме «По праву памяти» (1966—1969), опубликованной за рубежом, на Западе, он ставит вопрос о том, что расстрелы и ссылки были не самым страшным средством уничтожения крестьянства. Более ужасен был закон Сталина о врагах народа и родственниках врагов, которые в полной мере несли ответственность за родство. Этот закон толкал людей на предательство, заставлял отречься от самых близких, менять фамилии, открыто проклинать отца, мать, брата или сестру. Твардовский сам прошел «чистку» этим революционным законом, когда ему пришлось отречься от репрессированного родного брата. В 1935 г. Сталин произносит: «Сын за отца не ответчик», — и фраза становится безусловным законом, который еще более углубил раскол «отцов и детей». Вождь, которого, в народе уже называли «отец», разрешил не тяготиться родственными связями, автоматически продолжать считаться советским человеком, если отец стал врагом народа. Отец народа оказывал сыновьям огромное доверие. За отречение от всего и вся «сыну» можно было получить сталинское отцовство отныне автоматически. Вот как пишет об этом Твардовский.

А мы, кичась неверьем в Бога,
 Во имя собственных святых
 Той жертвы требовали строго:
 Отринь отца и мать отринь.
 Забудь, откуда вышел родом,
 И осознай, не прекословь:
 В ущерб любви к отцу народов —
 Любая прочая любовь...
 Ясна задача, дело свято, —
 С тем — к высшей цели — прямым.
 Предай в пути родного брата
 И друга лучшего тайком.
 И душу чувствами людскими
 Не отягчай, себя шадя.
 И лжесвидетельствуй во имя,
 И зверствуй именем вождя.
 Любой судьбине благодарен,
 Тверди одно, как он велик,
 Хотя б ты крымский был татарин,
 Ингуш или друг степей калмык.
 Рукоплещи всем приговорам,
 Каких постигнуть не дано.
 Оклевети народ, с которым
 В изгнанье брошен заодно.
 И в душном скопище исходов —

Нет, не библейских, наших дней —
Превозноси отца народов:
Он сверх всего.

В целом же можно сказать, что в 1960-годы православный русский антисталинизм или, другими словами, патриотизм, не обрел легальные сферы, не стал культуuroобразующим для своего времени. Когда политическая деятельность тайных патриотических организаций усилиями органов безопасности была сведена на нет, единственным ручейком осталась проза деревенщиков. Имя В.П. Астафьева выделяется из их числа критическим антисоветским настроением, но не политизированным и не диссидентским, а народным, болевым, за которым стояла вся тяжелая жизнь писателя. Если посмотреть астафьевскую публицистику, а также его эпистолярное наследие, год за годом, то можно увидеть, как нарастала эта волна неприятия по отношению к лжи, которую продуцировал советский строй и его вожди. Ложь — самое главное зло того времени, по Астафьеву. Именно от нее были все остальные беды: равнодушие к судьбам народа и судьбе отдельного человека, равнодушие к природе, жестокость, огромные потери в войне и в коммунистических стройках. Конечно, непросто, а порой и невозможно, согласиться с крайне категоричными оценками писателя, особенно последних лет его жизни. Горько читать строки о невозможности русского народа выбраться из той пропасти, в которую он попал. С некоторыми выводами в отношении русского народа, как бы они не звучали «объективно», согласиться нельзя, как нельзя принять пронизанные усталостью слова Астафьева о том, что сегодня он бы отказался идти воевать против фашистской Германии. Но понять писателя, пережившего тяготу лет советской власти и попавшего из огня да в полымя постсовесткого времени, тоже можно. Во всяком случае, как русский православный писатель, Астафьев наиболее честен во взгляде на советскую эпоху.

Для Астафьева разговор о русском народе был тесно связан с оценкой власти, при которой народ жил. В письме от 5 июля 1959 г. впервые

звучит у Астафьева понятие «Русь»²⁰³. Это обозначение России, станет основным в публицистике Астафьева. «Выбрал я старинную Вологду, где есть друзья и еще пахнет Русью, близкой моему сердцу»²⁰⁴ (1969 г.). «Русь кругом исконная и добрая»²⁰⁵. В середине 1960-х у Астафьева впервые появляется образ русской деревни, искалеченной советской властью: «Меня иногда охватывает тоска по глухим бунинским временам, так бы и забрался в тихую русскую деревню, встал к сохе. Вернулся б к земле, к неразграбленной и незамордованной» (1966 г.)²⁰⁶. Заметим, что в эти годы писатель, при всей его искренности, оценивает происходящее отчасти идеализировано. Он положительно оценивает «бунинскую деревню», хотя речь, наверняка, идет только «об идеальной природе» Бунина, а не о людях, которых тот описывал.

Астафьев по-своему оценивает притихшую русскую деревню. «Слушаю петухов, на народишко гляжу»²⁰⁷. «Уж больно все в деревне оставилось, застыло, оравнодушело. И никакие постановления ничего поделывать не могут»²⁰⁸. Но в эти годы писатель еще не находит глубоких следов нравственного распада в сельской среде: «Нравов все-таки почти не коснулось время. Так, маленько, краешком если сопоставить изменения и разруху в природе с людьми деревенскими, то можно подумать, что везде и всюду еще стоят дремучие леса и реки все чисты» (1967 г.)²⁰⁹. Тогда же впервые появляется тема советского официоза, лицемерия: «Все жмут на героизацию, в открытую, с трибун съезда, проповедуя мужество». «Общество наше погружается все глубже в тяжкий обывательский сытый сон и равнодушие, до убогих ли тут?». «Экая тепленькая, удобненькая всем демагогия! Экая рассудительная война (о позиции К. Симонова. — О.К.) Экая литература! Задача которой — забыть, что счет нашей Победы — десять к одному не в нашу пользу (это официально!), да миллионы, десятки миллионов калек и умерших сразу от ран, болезней, голода»²¹⁰ (1973 г.).

В начале 1970-х Астафьев пишет письмо Ю. Бондареву, после прочтения его романа «Берег». Здесь писатель соединяет в одно два понятия

²⁰³ Астафьев В.П. «Нет мне ответа...»: эпистолярный дневник. М.: Эксмо, 2012. С. 35.

²⁰⁴ Там же. С. 164.

²⁰⁵ Там же. С. 178.

²⁰⁶ Там же. С. 92.

²⁰⁷ Там же. С. 100.

²⁰⁸ Там же. С. 104.

²⁰⁹ Там же. С. 117.

²¹⁰ Там же. С. 214.

«советский» и «русский»: *«Ты по-настоящему возвеличил советского человека, того самого, за которого пролито море крови, кто оплакан и обмыт океаном горьких и тяжелых слез, в том числе и наших, и которого оболванили, унизили, низвели до потешного ничтожества бездарные писаки, кино, театры, газеты, радио, теле, все — под видом прославления приложили к нему руку на шумном и бездумном базаре нашей пропаганды и до того его устряпали, что уж неловко делается, когда скажут: „советский человек“ — это вроде как обормот, это какой-то болван, выкрикивающий лозунги, идущий напролом. Изуродовали сами себя. Много сил, ума и здоровья надо, чтобы выпрямить горб, выпрямить позвоночник и убрать эту вечную идиотскую улыбку с так называемого нашего парня, который смеется „как дети“, даже среди упорной борьбы и труда»²¹¹.*

Трагические нотки в письмах Астафьева появляются в 1977 г., на последнем этапе брежневского правления: «Особенно русский человек нуждается в поддержке. Которого вроде бы и с весов сбросили и приговорили к вымиранию как пьяницу и дистрофика»²¹² (1977 г.). И уже в 1980 г. мы видим того Астафьева, берущего свою наивысшую ноту, которую ему придется нести до самой кончины: *«Одного хочу — не дожить до следующей войны. Мне не перенести ее будет, ибо знаю, что ждет наших детей, внуков и русский народ, точнее, остатки его, уже раздробленные, полуассимилированные, деморализованные. Кто-то дышит нашему народу в затылок, подгоняет его, подталкивает к скорейшему концу»²¹³* (1980 г.). Это еще не время распада 1990-х годов, на дворе — крепкая союзная власть, но народ, уже не подстегивается страшной силой сталинского репрессивного аппарата, не находится во властной безжалостной руке Сталина, он — пожинает плоды советского безбожия. Народ начинает охватывать усталость и равнодушие, отчего «рвачество, бродяжничество, пьянь и бесстыдство захлестывают Сибирь»²¹⁴ (1980 г.). «Город (Красноярск) полон случаев и происшествий, семеро-восьмеро бьют одного, беззащитного. И бьют смертно, и среди

этих семерых часто попадают студенты, они первые спекулянты и барахольщики»²¹⁵ (1980 г.). Обратим внимание на то, что о демократии и российском капитализме еще нет и речи, но общество начинает уже одолевает жажда наживы, как вполне закономерный результат реализации советской национальной идеи, в основе которой лежал коммунизм — общество полного изобилия.

Диагноз Астафьева таков: виноват советский строй, советская система, советское отношение к человеку, советские вожди и полководцы: *«Как бездарно и бесчеловечно мы воевали на пределе всего — сил, совести, и вышла наша победа нам боком через много лет. Бездарные полководцы, разучившиеся ценить самую жизнь, сорили солдатами и досорились! Россия опустела, огромная страна взялась бурьяном, и в этом бурьяне догнивают изувеченные, надсаженные войной мужики»²¹⁶* (1982 г.). *«Все наши гены, косточки, кровь, даже говно наше пропитаны были временем и воздухом, сотворенным Сталиным. Мы и сейчас еще во многом его дети. Хотя и стыдно даже себе в этом признаться. Слава Богу, что уже не боимся, а лишь стыдимся».*

О молитве, покаянии, искуплении вины перед народом пишет Астафьев тем генералам-фронтовикам, которые присылали ему письма, исполненные «праведного» гнева на писателя: «Вера в Бога вещь ответственная, нам, убившим людей, пусть и на фронте, предававшим друг дружку скопом и в розницу, запоганившим землю родную, надругавшимся над церковью, наверное, уже не хватит остатков жизни искупить свою вину»²¹⁷ (1988 г.).

Состояние русского народа критическое, по оценке писателя: *«Народишко, среди которого я родился и живу, находится на крайней стадии усталости, раздражения и унижения. Его истребляли варварски, а теперь он безвольно самоистребляется, превращается в эскимосов в своей стране. Что с нами произошло и происходит? Зачем мы матушку-Россию превратили в „империю зла“ или способствовали этому превращению или далее способствуем? Неужели гибель моего народа-страдаль-*

²¹¹ Там же. С. 264.

²¹² Там же. С. 316.

²¹³ Там же. С. 358-359.

²¹⁴ Там же. С. 368.

²¹⁵ Там же. С. 369.

²¹⁶ Там же. С. 389.

²¹⁷ Там же. С. 515.

ца кому-то в утеху, в утоление ненавистной жажды? Зачем же тогда мы рождались? Зачем Господь вложил нам в руки тот страшный и чудесный инструмент?»²¹⁸ (1988).

В начале 1990-х в письмах Астафьева появляется еще более трагическая нота в оценке состояния русского народа, речь идет о невозможности предотвратить распад: Защитники народа «заприпрыгивали, закривлялись, завизжали на площадях, в редакциях, в курных и злачных помещениях, и всюду задрезало: „Народ. Народ! Народ!“»²¹⁹ (1992 г.). «Возрождение нашего народа, если Бог ему поспособит, будет мучительное и длительное, и вернется к себе русский народ совсем уже другой дорогой, особью и сообществом, пока не только неугадываемым, но и непредсказуемым. Никаких капиталистов из нас никогда не получится, а коммунистов, теперь уже и слепым дуракам ясно, не получилось... Ох-хо-хо! Какое трагическое время подступило, начавшееся с оперетки под названием Октябрьская революция»²²⁰ (1992). «Во мне всё меньше остается веры в спасение нашего народа и страны. Самое главное, что наш народ не хочет сам спасаться, а ждет его от властей, от нас и даже от главного преступника века нашего, покойного неприкаянного вождя»²²¹ (1992). Девяностые и двухтысячные годы и прошли в России под двумя последними смысловыми доминантами. Для Астафьева демократическая власть мало чем отличается от классической советской власти. И народ продолжает нести на себе бремя советскости: «Ни один народ не терпел бы, не вытерпел этой погубительной власти, а мы все еще живы, дышим, хоть и хрипло уже предсмертно»²²². Сталинисты и прочие сторонники советского строя уже разворачивали тогда свои знамена, призывая вернуться все общество, словно в покинутый рай, в советский мир социально защищенный, с передовой наукой и техникой, с процветанием дружбы народов. Астафьев же призывает: «Если мы не одумаемся, не остановимся в полете, в беге на танках, не уверуем в Божьи помыслы, то очень и очень скоро достигнем края пропасти»²²³. Во многих письмах писателя звучат

слова о Божьем наказании за отступлении русским народом от своего пути, и о Божьем суде над всеми, кто совратил народ с его истинной дороги: «Богом он (русский народ — О.К.) задуман народом мирным, земным, и если авантюристы всех мастей, преобразователи и проходимцы красной масти сбили его с пути, ввергли в войны, перевороты и кровопролития, то они, в конце концов, и будут народом и Богом наказаны, и погибнут прежде самого народа, потому прокляты Господом от рождения. А народа нашего останется еще достаточно, ибо он велик, увы, велик чаще только по числу, и сколько его останется, что там впереди будет — масса или народ, — судить не берусь, ибо и сейчас уже вижу вокруг не народ, не нацию, а население, среди которого не вдруг и распознаешь признаки нации, когда-то самой трудовой, самой выносливой, от прошлого кажется только терпение и осталось — признаки русичей»²²⁴ (1992).

Не раз поднимает Астафьев тему идеализации советского прошлого и говорит о той лепте, которую вносят в дело просвещения молодежи советские учителя. Речь идет о труде «восторженных учительок наших»: «Литература про “голубых лейтенантов” и не менее голубеньких солдат, романтизовавшая войну, была безнравственна, если не сказать круче. Надо и от ее пагубных последствий отучить русских людей, прежде всего этих восторженных учительок наших, плебейскую полуинтеллигенцию, размазывающую розовые слезы и сладкие сопли по щекам от умиления, так бы вот и ринулись она и или он в тот блиндажик, где такая преданность, такая самоотверженная любовь и дружба царят»²²⁵ (1993). Советское образование, и всеобщее восьмилетнее, а потом десятилетнее, не вызывает восторга у писателя, поскольку ценой, заплаченной за него, стала утрата «крестьянской тщательности», т.е. способности народа к крестьянствованию: «Утратив крестьянскую тщательность, якобы получив образование и возомнив, что мы уже шибко грамотны, мы сделали еще более злыми, неграмотными и более самообольщени-

²¹⁸ Там же. С. 524.

²¹⁹ Там же. С. 604.

²²⁰ Там же. С. 606.

²²¹ Там же. С. 607.

²²² Там же. С. 611.

²²³ Там же. С. 623.

²²⁴ Там же. С. 624.

²²⁵ Там же. С. 631.

ем — опаснейшей из болезней последнего века, который добром не кончится»²²⁶.

К числу пророческих мыслей Астафьева, высказываемых им не раз в том или ином контексте, относится мысль о том, что большевики в России еще не ушли с исторической сцены, и что их уход будет сопровождаться большими историческими потрясениями: *«Самое страшное то, что у нашей родимой „совести и чести эпохи“, украсившей себя в истории чудовищными преступлениями, главные деяния впереди. Она придет к власти, расправится с народом, посмеившим ее послушаться, и кончит тем, что хлопнет дверью перед окончательной погубелью, то есть поднимет, спровоцирует атомную войну, ибо нет такого похабства, такого мерзкого дела, которым бы она побрезговала, чтоб соблюсти свой норв»*²²⁷ (1994 г.).

От правильной оценки Великой Отечественной войны и всего «сталинского ренессанса» зависит очень многое, по мысли Астафьева: *«Я-то, вникнув в материал войны, не только с нашей, но и с противной стороны, знаю теперь, что нас спасло чудо, народ и Бог, который не раз уж спасал Россию... и сейчас надежда только на него, на милостивца. Сильно мы Господа прогневили, много и страшно нагрели, надо всем молиться, а это значит — вести себя достойно на земле, и может быть, он простит нас и не отвернет...»*²²⁸ (1995).

Астафьевский русский народный православный патриотизм развивался в течение всей его творческой жизни, начиная с конца 1950-х годов. В основе его лежала «Божья правда» — соответствие слов и дел для человека и власти. Писатель соотносит советский уклад с укладом старинной Руси и находит полное несоответствие «Божьей правде». В публицистике Астафьева основное место занимает «русский народ», его духовное самочувствие, его положение в России. В период сталинского правления произошел самый страшный надлом народа, он был обескровлен, унижен и брошен на физическое вымирание и нравственное одичание. В этом главное злодеяние Сталина. Нигде, ни разу Астафьев не пишет о положительном значении Сталина, поскольку оценивает эту личность не техническими достижениями, а влиянием на народную жизнь. Никто из писателей послевоенного времени так широко

и глубоко не ставил проблему антисталинизма, как это сделал В.П. Астафьев. Но именно за антисталинизм писатель был фактически исключен из русского патриотического лагеря, потерял самых близких друзей-писателей, тем самым на самом себе показав, насколько трагично складывается сегодня ситуация вокруг формирования «русской национальной идеи».

Не так много оценок сталинского периода мы имеем из церковной среды, от тех, кто был свидетелем той эпохи и на себе испытал ее действие. Церковь особенно пострадала от власти Сталина, в связи с чем церковные авторы не смогли с такой же активностью, как светские авторы, в 1960-е годы включиться в написание текстов, зафиксировавших злодеяния ушедшей эпохи. Такая литература смогла появиться только в 1990-е годы. В основном, это были жизнеописания мучеников, за веру пострадавших в годы гонений. Немного сохранилось таких свидетельств, как дневники духовных лиц советского периода, но тем ценнее отдельные сохранившиеся оценки подвижников веры, переживших сталинские лагеря. Протоиерей Михаил Труханов около 15 лет провел в заключении, начиная с конца 1930-х годов, сумел выжить, вернуться, был рукоположен во священника. При жизни он смог только в 1990-е годы опубликовать свои важнейшие богословские работы, а также воспоминания о времени заключения. В одной из книг, «Путь к истине — смирение и любовь»²²⁹, есть слова о Сталине, которые дают возможность нам понять то, каким было отношение к этому политическому деятелю у духовного лица, прожившего подвижническую жизнь и приобретшего, несомненно, как свидетельствуют многочисленные духовные дети прот. Михаила, многие дары, присущие такой немногочисленной группе лиц, которых называют старцами. Старец Михаил говорит о советских вождях в категориях библейских, сопоставляя их деяния с характеристиками, которые давали подобным людям ветхозаветные пророки: *«безбожный вождь бандитской шайки, на гребне революционной волны обещает народу всяческие блага, в условиях мира, свободы, братства; при этом заявляет, что именно он несет спасение человечеству от всех его бедствий, что именно он знает, как надо строить безбожное царство и что только он есть верный*

²²⁶ Там же. С. 655.

²²⁷ Там же. С. 666.

²²⁸ Там же. С. 686.

²²⁹ Священник Михаил. Путь к истине — смирение и любовь М., 1999.

рецепт на достижение человеком счастливой жизни. Все народы России были призваны к участию в стройке — беспримерной за всю историю человечества — нового коммунистического рая на земле. Причем, одни — это кучка вождей, идеологическая верхушка коммунистов, представляющих, по их выражению, „ум, совесть и честь“ самого передового отряда людей (история внесла уточнение: самого передового отряда палачей), а другие — это многомиллионные народы разных наций, подлежащие быть рабами у коммунистических рабовладельцев и стать навозом той земли родной, на которой некогда будто будет процветать коммунистическое общество. Кровь же этих миллионов рабов должна служить цементирующим раствором в строительстве возводимого „величайшего по высоте идеологии и нравственному совершенству“ человеческого общежития на земле²³⁰. По мысли прот. Михаила, главное зло советского общества — в воспитании человека в безбожии, в результате ныне Россия — от Востока до Запада — «нуждается в евангелизации народов, ее населяющих». «Воспитанные в атмосфере обязательного безбожия, нынешние россияне оказываются в гораздо худшем положении, нежели жители Палестины во времена Христовы... большинство наших современников — безбожники... они не страшатся творить зло; они живут в нечестии, в распутстве, во вседозволенности: живут хуже скотов...»²³¹. Итогом советской власти стало то, что «вся Россия во мраке богоотступничества. Народы доведены до забвения имени Божия... Попущением Божиим, всесокрушающая круговерть бесовщины охватила Россию. Легионы бесов вошли в ее тело; оттого и одержимыми стали целые миллионы ее членов — россиян. Волнения в России вынесли и вознесли на гребень волны высокой таких одержимых бесовщиной вождей — „спасителей“ народов и основателей нового государства, которые, начав с осквернения и разрушения народных святынь, приступили тотчас же к насильственному насаждению безверия в людях и, конечно же, к всяческому утеснению жизни и унижению общественного положения верующих. По причине „темного“

и „отсталого“ мировоззрения верующих, они не могли быть допускаемы до деятельности педагогической, врачебной и юридической, „не говоря уже о возможности верующему человеку работать в прессе, или ходить в начальниках, или занимать место в учреждениях государственной власти“. Вскоре просторы земли нашей стали заливаться кровью неповинных страдальцев за веру, за Церковь, за правду жизни христианской (за жизнь по совести); поскольку, по мнению вождей, люди, верующие в Бога, всегда будут мешать делу превращения России в безбожное государство»²³². Прот. Михаил отмечает, что ложь «о скором рае» постоянно сопровождала речи вождей советов: «Ложь повсеместно расцвела и безнравственность отныне неподсудной стала; и явным, бесстыжим стал разврат; преступность возросла тысячекратно; и хлеба стало людям не хватать, и сахара, и мяса, и молока, и овощей. И жители России стали голодать. Словом, во всем стал ощутим прогресс безбожья, к гибели души ведущий». Священник называет вождей лжехристами за их миссию обещать самое невероятное, но при этом не выполнять своих обещаний. Вожди и обманутый народ строили стену, отгораживающую их Бога²³³. В этой ситуации общего безумия только верующие понимали, что происходит: «Гремит с трибун высоких ложь, и все дьявольские исчадия среди россиян верят лжи. Лжеспасителям и лжепророкам не верят те, кто своим Вождем, наставником и Отцом имеет Бога, Спасителя мира»²³⁴. Для священника-старца советскость однозначно имеет не просто ложно духовный характер, но она — форма одержимости, прямой духовной зависимости от бесов: «И только бесовской одержимостью можно объяснить веру богоотступников в великого злодея — вожака злодейской шайки, коего они прославляли (десятилетия прославляли), как отца родного, как непогрешимого и гениального во всем отца народов»²³⁵. Прот. Михаил так раскрывает «антропологию безбожника»: «Безбожник отрицает духовность (присущую каждому человеку по естеству), а совесть свою сводит до приемлемого им минимума, до некоего социального понятия об индивидуальном самоконтроле, который не

²³⁰ Указ соч. С. 135.

²³¹ Там же. С. 139.

²³² Там же. С. 145.

²³³ Там же. С. 148.

²³⁴ Там же. С. 148.

²³⁵ Там же. С. 149.

является единым для всех и которым при случае можно пренебрегать. И потому у безбожника, живущего во вседозволенности, совесть легко обращается в бессовестность, а чувство стыда столь же легко преодолевается бесстыдством. Безбожник в гордости своей раздувает свое „я“, что сам в себе говорит: „Бога не боюсь и людей не стыжусь“, и потому нечего мне стыдиться — этих ничтожных прочих... Ужели мне стыдиться вот этих беспартийных или еще в Бога верующих?!»²³⁶. Сталин, по характеристике прот. Михаила — это «гений зла». Из-за упоения гордостью Сталин сделался бесноватым. Вот «великие» достижения вождя, которыми он так гордился: «Я, насаждая в народах научный атеизм, осквернил, разрушил и сжег около пятисот монастырей и более пятидесяти тысяч храмов...»²³⁷. И действительно такого разрушителя ни один народ, ни одна страна не знали! Прот. Михаил говорит, что Сталин превзошел по своим деяниям и египетского фараона, и Навухудноносора, и Наполеона, и Гитлера, а «обещанный вождями рай строится для антихриста и свиты его»²³⁸. «Посему и рушится Держава Российская от этого беснующегося безбожия». Страшная эпоха, как считал прот. Михаил, не ушла в прошлое, поскольку перед детьми и внуками тех, «кто наступал на белые отряды», сегодня встает вопрос о будущем России, о путях разрыва с этой эпохой. Только покаяние «за тяжкие грехи отцов наших и за нашу греховную жизнь» может переменить ситуацию. Позиция, заметим, такая же, как у В. П. Астафьева.

Вывод: Сегодня православные антисталинисты, несмотря на их индивидуальную силу и авторитет, общественно себя практически не выражают. Быть сегодня антисталинистом — это значит в глазах самых общественно активных русских патриотов сразу попасть в лагерь людей, сочувствующих беспочвенным либералам. Во многом это и объясняет общественную пассивность православных антисталинистов, которых сегодня в обществе, судя по всему, абсолютное большинство (!). Они не хотят вести борьбу за национальную идею на либеральном поле, потому что здесь возможны только постмодернистские формы общественных объединений: клубы, партии и т. п. Однако сила тех немногих православных антисталинистов, что решаются идти против «своих» и «чужих», состоит в их правде.

Прот. Михаил Труханов в своей покаянной молитве, составленной в 1990-е годы, просит не что иное, а «правителя для России»: «Мы смиренно умоляем Тебя, Господи, воздвигни в правителя страны нашей „человека потребного“, мужа по сердцу Своему, православного христианина, дабы он равно относился ко всем народам нашим, исполнял благую волю Твою, направлял народы России к вере, покаянию и спасительной жизни в Церкви Православной. Господи!» Священник Михаил видит пути объединения патриотических сил и всей России через покаяние, церковность. В. П. Астафьев свою задачу видел в том, чтобы сказать горькую правду о советском времени, правду о войне, о русском народе, доведенном большевистскими экспериментами до крайней степени истощения. Того и другого русского патриота отличают вера, что через покаяние народа, через православного правителя жизнь может выправиться, измениться к лучшему, встать на прежнюю основу.

Национальная идея в современной России

Образ Сталина для формирования национальной идеи

Надо понимать, что спор о Ленине (о выносе из мавзолея) не расколет общество, этот персонаж слишком архаичен и незначителен как практик советского периода (не успел развернуться), чтобы делать его сегодня знаменем борьбы за советскость. За ним лишь пенсионеры и партия КПРФ. А вот разгорающаяся дискуссия о Сталине действительно может расколоть общество надвое, так как речь пойдет о таких простых и насущных вещах, как *порядок, закон и справедливость*. То есть о правовых понятиях, которые никак не обретут у нас плоти в постсоветской России. Эти правовые аксиомы пока остаются во многом только словами, поскольку закон сегодня с трудом справляется с беззаконием. Закон хочет везде успеть и все проконтролировать. Идет активный процесс тотального перевода в подзаконные сферы того, что в прежние времена контролировалось нравственными устоями, общественным мнением, совестью человека. Нравственная сфера была обширнейшей в исторической, традиционной России, и ее всегда опекала Православная Церковь. Собственно уровень несвободы человека в обществе напря-

²³⁶ Там же. С. 151.

²³⁷ Там же. С. 153.

²³⁸ Там же. С. 155.

мую зависит от того, насколько из нравственной сферы выдвинута Церковь, религиозная духовность, и насколько они заменены атеистической светскостью и стоящим за последней законом. Резкий переход к вытеснению Церкви из этой сферы произошел в России в советское время. Именно тогда нравственную сферу фактически приватизировало атеистическое, богоборческое государство, превратившее светскость также в оплот атеизма. Нравственная сфера, мягко опекавшаяся Церковью и обществом, попала под жесткий пресс закона. При Ленине этот процесс начался, при Сталине завершился. Именно благодаря этому советское государство приобрело тоталитарный характер.

Сталинский законодательный тоталитаризм отличался от демократического, западного тоталитаризма (французского или немецкого типа) своим *антропологичным* характером. Скажем, в той же послереволюционной светской Франции закон устанавливали коллегиальные структуры власти, в сталинском СССР формирование закона целиком зависело от Сталина. Многие инициативы Сталина, получающие негласно силу закона, не оформлялись в законы и были своего рода «обычным государственным правом». Например, высказанное вождем пожелание, чтобы сын не отвечал за отца, так и воспринимались советскими людьми. Насколько значительна была эта область «обычного государственного права» (!), сегодня трудно судить, потому что эта тема вообще не изучена. Требуется весьма кропотливая многолетняя работа, чтобы выявить круг сталинских высказываний, получивших, негласно, силу закона. Но совершенно ясно, что такого законодательного материала должно было накопиться немало. Он, кстати, также указывает на этническую специфику власти Сталина. Для Сталина-грузина нормы обычного права были обычным и даже привычным явлением, поэтому он и не отказался от привычки пользоваться этим механизмом и на высоком посту. Подобного прецедента, конечно, не было в истории, чтобы обычное право имело государственный характер, но и советский тоталитаризм был по-своему уникальным явлением. Сталин, а не конституция (которая на практике не работала), фактически выступал гарантом закона. Логика у современных сталинистов такова: Сталин наводил порядок в стране, когда проводил репрессии, ужесточал нормы контроля, искоренял личное в угоду общественному. По-сталински личная ответственность за общее дело, за выполнение закона, заставляла высшее лицо государства (а за ним и всех подчиненных) все время действовать в направлении

создания такого положения, когда каждый гражданин будет находиться под домокловым мечом правовой ответственности. Ответственности не перед милиционером или прокурором, не перед учителем или родителями, а лично перед «товарищем Сталиным». И товарищу Сталину будет не просто стыдно и больно, что закон не выполняется. Он будет считать для себя всякое отдельное невыполнение личным бесчестьем. Вот почему вождем и создается особо тщательная и жесткая система контроля за выполнением закона: сначала тройки, потом сети доносчиков, потом мощнейшее лобби т.н. «общественного мнения». После подобных мер, действительно, в обществе наступает прядок: труд на свободе мало внешне отличается от лагерного, но на свободе люди трудятся с оптимизмом, а в целом — промышленность работает, наука неумолимо прогрессирует, а народ... как у Пушкина — безмолвствует. Значит, товарищ Сталин действительно достучался до сердца каждого гражданина!

Цели у сталинистов разные. Они временные союзники. Православные сталинисты, как нам кажется, втайне лелеют мысль, что облик грозного Сталина будет соответствовать образу грядущего русского православного царя, человека твердой воли, великого ума и выдающихся нравственных качеств. Но образ Сталина, если следовать его реальным, а не выдуманым характеристикам, будет материалом для формирования, скорее, антиправославного, антихристианского царя.

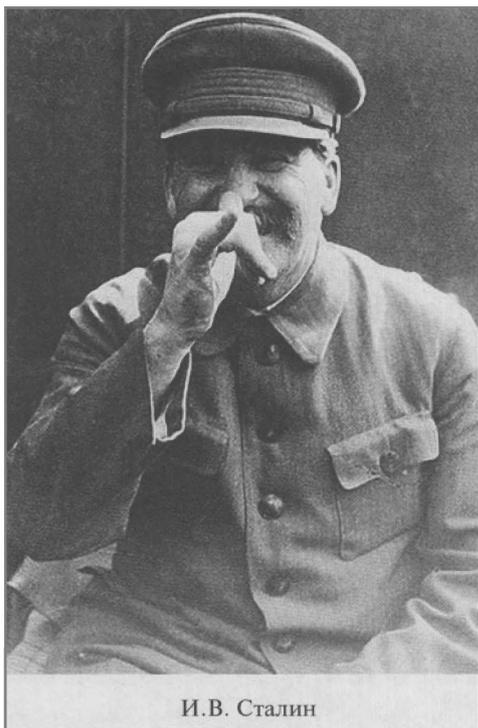
Для современного российского государства путь к сталинизму — это, как ему кажется, единственная возможность мобилизовать народ на «трудовые подвиги», чтобы форсировать серьезные провалы в оборонной сфере. Сталинизм в его модернизированном виде может оказаться главным локомотивом для прорывной модернизации страны. И сталинизм действительно принесет свои зримые плоды, если им воспользоваться еще раз, но в топку сталинизма будут брошены уже не нефть и не газ — современный вариант национального достояния, — а русский народ. Это проверено опытом истории. Поэтому цена за возвращение к сталинизму будет огромна.

Накал страстей вокруг имени и наследия Сталина в России нарастает. Но размеры беды резко возросли, когда в число сталинистов стали записываться православные русские патриоты. Это стало происходить в последние годы, когда повысилось значение интернета в информационном пространстве России. Среди этих людей немало священников, деятелей науки и культуры. Именно их приток вызвал необыкновенное

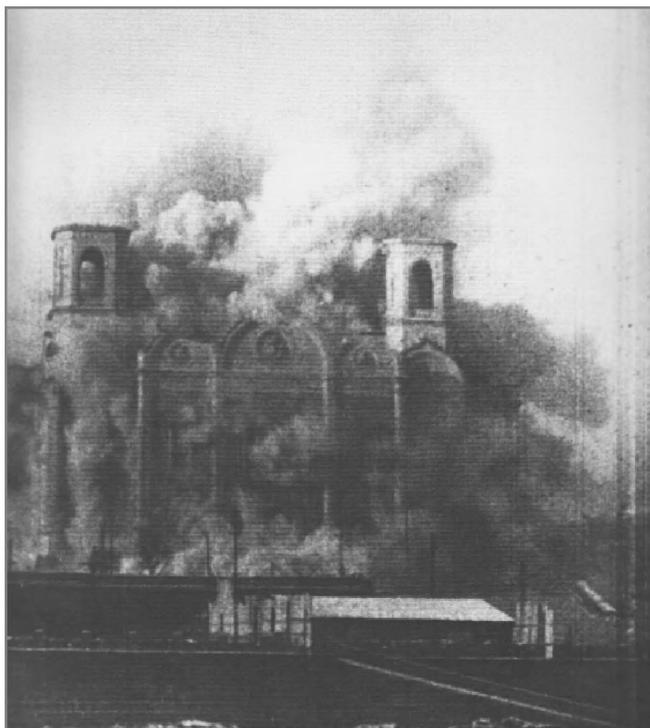
оживление в лагере интеллектуалов — космистов и евразийцев. В последних словно проснулась какая-то сила, от чего они выступают ярко, зажигательно и убедительно. Этим они воздействуют и на православных сталинистов: зажигают, радикализуют их ряды, заставляют высказываться жестко и категорично. И этот пафос борьбы не может не вызывать опасения, поскольку сталинизм явно начинает приобретать какое-то новое направление, *к которому страна не может уже не прислушаться*. И действительно, юбилей Сталинградской битвы показывает, что политические руководители государства уже насторожились: «Неужели народ уже созрел, неужели готов к разговору «по-сталински»? Спикер верхней палаты Государственной Думы В.Н. Матвиенко предложила провести референдум среди жителей Волгограда. Вслед за ними Русский народный собор 2013 г., где присутствовали и высшие церковные иерархи, принял обращение к президенту страны о желательности переименования Волгограда в Сталинград. Либеральная общественность заволновалась. К пресс-секретарю президента журналисты обратились (это — начало февраля 2013 г.) с вопросом: «А что думает по этому поводу сам президент?». Секретарь предпочел уйти от прямого ответа, но и не сказал категорично, что президент против. На встре-

че президента с россиянами в прямом эфире 26 апреля 2013 г., прозвучал вопрос А. Вендиктова о «скатывании к сталинизму» современной власти. В.В. Путин ответил, что репрессий, гонений, культа личности нет, значит — нет и сталинизма. Как видим, ни президент пока не хочет давать прямой ответ на вопрос, ни вопрошающие либералы не отступают, при этом они спрашивают не о ксенофобии, нарушении прав человека, терроризме и т.д., а о каком-то исторически далеком сталинизме.

Сталинский проект — это проект постмодерна, в нем нет твердой основы для жизнедеятельности народа, поэтому он может быть выгоден только узкой группе людей, но не народу в целом. Это проект *технологический*, в основе его лежит *кратковременное* укрепление технических основ, технической и военной мощи страны за счет «сжигания» народной энергии, во всех смыслах (физическом, духовном и нравственном). Народ — единственный «материал», который может решить эту задачу. И здесь обязательно придется возвращаться к пресловутому советскому опыту нациестроительства. Задача, поставленная Лениным и Сталиным по созданию однородного безэтнического и безрелигиозного (или внерелигиозного, светского) общества, может быть вполне продолжена потому, что без

И.В. Сталин

Храм Христа Спасителя до революции олицетворял славу русского оружия и победу народа над Наполеоном. В 1931 г. был разрушен по личному приказу Сталина

ее выполнения сам по себе сталинский проект ничего не стоит. Речь идет о том, чтобы «договориться» с народом о передаче им своих религиозных и этнических функций власти на время «рывка» (выражение А. Проханова), а точнее сказать, — о временном отказе со стороны «народа» от своей религиозной и этнической составляющей. От русского народа потребуется некоторое время пробыть в качестве только правового субъекта. Возможен и другой вариант, связанный с концентрированием внимания на этничности, как это было при Ленине и Сталине. То, что происходит последние двадцать лет в России, очень напоминает послереволюционное время (до 1925 г.), сейчас же мы наблюдаем «период начала 1930-х годов», когда появляются первые инициативы Сталина уравнивать (*de facto*) русский народ с малыми народами. Возможно, идея подобной правовой реабилитации отдельно русского народа и ляжет в основание нового проекта. Тогда нацистроительство будет проходить в рамках уже известного сценария. 1930-е годы (конечно, без репрессий и жестокостей) станут образцом для возможного государственного проекта. Но, несомненно, как-то особенным образом придется решать вопрос с православной религиозностью, тяготеющей к полному воссоединению с русской этничностью. Если за основу будет взят сталинский проект, то в любом случае РПЦ и православная духовность будет мягко, но настойчиво, оттесняться на периферию и тем самым лишаться возможности участвовать в новом национальном проекте. Безусловно, проблема национальной безопасности опять на *короткий срок* будет решена.

Между тем, сталинскому проекту, на наш взгляд, сегодня существует реальная альтернатива. Из трех возможных путей, по которым может осуществляться модернизация страны, о чем мы писали в самом начале статьи, первый путь (как и сталинский) не предполагает революционного перехода, он тоже эволюционный. Тот вариант, когда мы напрямую обращаемся к традиции, традиционному православному обществу и традиционным православным ценностям и на этой основе строим модель общества, и может быть реализован. Обратимся к возможному варианту, который связан с именем и эпохой святого благоверного князя Александра Невского.

*Святой благоверный князь Александр
Невский как образец правителя*

Святой благоверный князь Александр Невский — образцовый политический деятель для имперской эпохи России (XVIII — начала XX вв.), своего рода путеводная звезда для императоров

и державы, вставшей на западный путь развития. Российский модерн этого времени — явление уникальное по своей сложности и красоте. С одной стороны, он начал строиться как калька с западных образцов (стилей) модерна (а не как собственный продукт переработки традиции), но с другой — в области политической культуры — шла ориентация на собственную национальную традицию. Запад переходил к модерну — новому типу воспроизводства всего своего бытия — в период Возрождения. При этом, в качестве материала традиции была избрана эпоха классической античности. Когда Россия при Петре Великом приступила к реформам, западный путь перехода к модерну считался уже классическим. В России западный вариант античности, превращенной на западе в модерн, был взят за основу, а «средневековье», как материал собственной традиции, в России поначалу стали заимствовать опять же на Западе (это было в XVIII в.), а потом перешли к образцам, взятым из эпохи русского средневековья. Тогда и появился русский модерн. Это была уже не калька с западного модерна, а собственный российский вариант. В XIX в. политическая, художественная и общественная культура и наука стали развиваться в России в рамках собственного «русского модерна».

Следует отметить, что только в области политических реформ имперская Россия с самого начала взяла в качестве образца не западный, а собственный исторический опыт. И фигура св. князя Александра Невского в этой модели была определяющей. Модерн позволял, опираясь на первоисточник, создавать образцы прежней культуры как своего рода маяки для людей, вышедших из среды естественного воспроизводства, т.е. традиции. Поэтому важно определить весь спектр личности благоверного князя, чтобы понять, насколько эти образцовые константы были реализованы в имперский период и всё ли из наследия святого князя удалось реализовать?

Фундамент личности св. князя — его личное благочестие, строгость церковной жизни, которой совершенно не противоречили ни политическая деятельность, ни мобильный образ жизни князя, жизнь вне политически нецентрализованной России. Личный аскетизм, глубокая церковность, ориентация на подвижничество, помогали князю выработать глубокое смирение и духовную опытность, что и легло в основу дипломатических успехов князя на Востоке. Нельзя, конечно, исключать из списка достоинств и природные дары, которыми был награжден князь от рождения: исключительный ум, выносили-

Картина Г. И. Семирадского
«Александр Невский принимает папских легатов»

вость, величественный вид. Его многочисленные поездки в Орду, разрушившие, в конце концов, к 43 годам здоровье, оцениваются как жертвенный подвиг святого князя²³⁹. Духовный опыт св. князя Александра стал главным его оружием в политической деятельности.

К редким духовным качествам, которые святой князь в себе выработал, можно отнести и братолюбие. Как бы корыстно не относились его родные братья к престолонаследию, св. Александр спокойно, с молитвой не раз переносил эти невзгоды и, после того как ситуация выправлялась, принимал поклоны братьев, прощал их и общался с ними также радушно, как прежде. Это касалось и детей святого князя. Идеалом для него самого являлись святые страстотерпцы князя Борис и Глеб.

Во внутригосударственной политике святой князь Александр занял позицию *собирания и сбережения русского народа*, попавшего под жесткое иго монголо-татар. Не княжество и не

земли, а именно народ стали главной целью его попечения в период великого княжения. Ради блага народа он стал создавать новую систему — единоначалие. К подобному же стремился в свое время св. князь Андрей Боголюбский²⁴⁰. Но он действовал в домонгольское время и не имел еще опыта «терпения» к своеволию подданных и потому мог себе позволить пойти войной на Новгород, чтобы силой оружия усмирить его. У св. князя Александра стало получаться собирать русские земли миром. «Сделавшись великим князем Владимирским, Александр в короткое время придал великокняжеской власти значение, еще не бывалое дотоле — значение властелина, пред волею которого падает всякое противодействие его власти»²⁴¹. Князь объединил все русские земли под одно начало. Далее, он уговорил великого хана самим русичам собирать дань, но для этого пришлось решить сложную задачу пересчета населения и моральной подготовки его к необходимости аккуратно выплачивать более

²³⁹ Там же. С. 175.

²⁴⁰ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. СПб.: Российский Имперский союз-орденъ, 1992. С. 229–235.

²⁴¹ Хитров М. Указ. Соч. С. 154.

15 видов разного рода повинностей. Вот как оценивает А.В. Беляев — автор «подробного жизнеописания» деяний святого князя Александра его внутривосточные успехи: *«Россия при определенных своих отношениях к монгольским ханам, во 1-х, сохранила власть своих князей, которые сделались, таким образом, посредниками между государством и ханами; во 2-х ей оставлены были ее родные законы и собственный суд во всех делах, что в особенности способствовало к сохранению русской жизни и русского характера; в 3-х ей предоставлена была неприкосновенность не только религиозных верований, но даже и церковного устройства, что преимущественно питало чувство народной самостоятельности и привязанности к своему родному; в 4-х, наконец, Россия, по определению своих отношений к ханам, удержала за собою, как государство самостоятельное, право войны и мира без посредства ханов и их сановников. Александр только одним умением вести переговоры, благоразумною настойчивостью и выжиданием времени достиг того, что Россия, совершенно покоренная монголами и решительно не имевшая сил им противиться, получила от своих могущественных повелителей то, чего не всегда добиваются другие народы, даже после упорной борьбы...»*²⁴².

Св. кн. Александру пришлось действовать в условиях существования двух агрессоров с Востока и Запада, в связи с чем необходимо было выбрать правильную стратегию поведения по отношению к тем и другим. Как величайший дипломат и выдающийся государственный ум, св. князь оценил Восток, не как конкретного врага — монголов, мучителей русских людей, а как определенную цивилизационную силу, живущую по своим законам. Суть восточной политики, как он правильно оценил, заключалась не в агрессии по отношению к сопредельному государству и народу, а в оценке его силы и влияния. Монголы напали на Русь потому, что та была слаба. Если бы она являла оплот величия и силы, то такого нападения просто не произошло бы. Монголы не пошли на Запад далее именно по этой причине. Поэтому, если монголы завоевали Русь, они сделали это естественно, и не их в том вина, а наша. Наша материальная сила не позволила держать их на расстоянии. Значит, наше дело теперь

укрепляться, становиться на ноги и материально возрастать, чтобы, подобно Западу, не дать повода к нападению на себя. Тем более, что Восток не может надолго завоевывать, создавать империи, и надо быть готовым, что со временем власть монголов развалится, и тогда надо действовать. Но уроки из монгольского завоевания необходимо сделать.

Запад, как уяснил св. кн. Александр, был склонен к агрессии независимо от силы Руси, потому что важнее всего для этого региона была религиозная слабость противника, которая заключалась, по мысли Запада, в «схизме» Руси. Это заставило западных рыцарей в 1204 г. пойти на Константинополь, захватить и разграбить город. По отношению к Западу единственным умиротворяющим средством была вооруженная борьба. Она давала возможность сохранить в целостности и веру, и Церковь.

Вместе с тем, Запад признавался князем источником культуры и оплотом широкой и разносторонней хозяйственной деятельности, в связи с чем с ним необходимы были широкие культурные и торговые контакты. Как новгородский князь, святой Александр понимал глубокое значение этого уникального города. И уникальность его виделась не в демократических формах управления, а в возможности быть мостом между Русью и Западом. Единственное наличие этого моста снимало «естественную» агрессию Запада в отношении Руси. Это был уникальный канал взаимодействия, выгодный и Западу, и Руси. Вот почему св. князь действует крайне осторожно по отношению к Новгороду, не наказывает горожан за бунты и неповиновения²⁴³, не разоряет города, не разрушает его уклад, а лишь ставит во главе его лояльных княжеской власти людей. Св. князь добивается чрезвычайной милости для города у ордынского хана, позволившего Новгороду самому собирать и привозить дань в Орду. Князь, наверняка, понимал и чрезвычайное положение Новгорода как особого церковного и монашеского центра в условиях разоренной монголами Русской земли. Здесь продолжало развиваться подвижничество, в то время как в других местах эти очаги были погашены²⁴⁴. Если посмотреть на проблему Новгорода шире, в историческом контексте, то можно заметить такой важный факт: пока Новгород оставался самобытным центром Руси, проблема взаимодействия ее с Западом

²⁴² Цит. по: Хитров М. Указ. Соч. С. 152.

²⁴³ Хитров М. Святыи благоверный великий князь Александр Ярославич Невский. М., 1893. С. 153–165.

²⁴⁴ Кириченко О.В. Отношение к богатству ... С. 23.

могла решаться в более-менее мирном ключе. Но как только город был взят «на шит», сначала Иоанном III, а потом Иоанном IV, начался период жестких отношений с Западом, приведших к Смуте, разорению Московской Руси и поставивших страну в крайне тяжелое положение. Для Руси жизненно необходим был новый Новгород. Равноценный прежнему. Вот почему появление Санкт-Петербурга было делом и закономерным и насущным для страны, которая не выдержала бы длительного военного давления с Запада. К сожалению, опыт св. князя Александра не был учтен ни Иоанном III, ни его внуком, иначе бы стране и народу удалось избежать многих военных противостояний с Западом в XVII—XVIII вв.

Святой кн. Александр в своей мудрой восточно-западной политике был истинным евразийцем (принципиально отличающимся от современных), суть политики которого заключалась не в роли медиатора, соединительного звена между Западом и Востоком, а в утверждении самостоятельного положения России на этом огромном территориальном отрезке. Нынешние евразийцы не ценят главного в русской традиции — ее православности, считая, что уникальным является лишь территориальное расположение России. Поэтому православие для них почти то же самое, что ислам, и буддизм, и иудаизм, в то время как св. кн. Александр *ради православия* воевал с западными рыцарями и ради него шел на поклон к восточным завоевателям. Отстаивая православие и защищая православный народ, святой князь, отстаивал и будущую свободу России, в этом заключалась его мудрость правителя.

В имперский период России была уже государственная попытка, во многом успешная, использовать имя святого князя Александра для создания «русского политического модерна». Подробнее надо говорить об этом отдельно, здесь же мы отметим, что Россия тогда двигалась в правильном направлении, изыскивая с каждым новым этапом в XVIII—XIX вв. все больше возможностей для реализации в жизни опыта и образа святого благоверного князя Александра Невского. Но этот путь был прерван именно революционерами, в том числе большевиками. Если говорить только о политической стороне, то революционеры воспользовались тем, что Запад сумел на восточных рубежах России создать фактически свой форпост в лице Японии и с этого плацдарма начал действовать против нас. Война с Японией в 1905 г. показала, что на востоке у России появляется новый тип восточного государства, с западной «прививкой». *«Государство, склонное к агрессии»*, для которого одной только демон-

страции мощи, становится мало. Для снятия этой агрессии стал необходим еще один Петербург на Востоке! Япония была первой ласточкой, прилетевшей с Востока, который на глазах становился другим. На Восток в период столыпинской реформы срочно перебрасываются сотни тысяч переселенцев, русских крестьян. Дальний Восток, Приморье, Алтай, Сибирь оживают, пребывая в новом торговом и культурном ритме. Но ни экономических, ни военных сил России явно не хватало для того, чтобы вести и на Западе и на Востоке равноценную экономическую и культурную политику и к тому же — содержать там мощный контингент войск. Точнее, не хватало времени, чтобы решить эти проблемы, потому что агрессоры, как и революционеры, не ждали. На рывок, начатый Петром Великим, понадобились в свое время гигантские ресурсы и титанические усилия всей страны, всего народа. А ведь речь тогда шла о том, что бы реформировать западную границу. В начале XX в. перед страной встала равноценная проблема: восточные рубежи потребовали такого же реформирования. Однако, война с Японией выявила, что Россия еще не готова к подобным переменам на Востоке. И Запад сразу же почувствовал эту слабость в российской броне, что и стало фактически поводом к развязыванию Первой мировой войны. Таким образом, те задачи, которые стояли перед имперской Россией, а именно — *укрепление ее внутреннего единства* — не были реализованы, и потому они продолжают стоять на повестке дня.

Вторая Мировая война, а для СССР — Отечественная — должна была покончить с Россией раз и навсегда, как со страной, не справившейся с задачей ведения войны на два фронта. Первый фронт возглавляла Германия, второй должна была открыть Япония. Совершенно очевидно, что, начиная с русско-японской войны 1905 г., главным организатором атак на Россию становятся США. Прошло время Великобритании, Германии, Франции.

Возвращение к идее, связанной с именем св. князя Александра Невского, на наш взгляд будет происходить, хотим мы этого или не хотим, как это происходило и в петровское время. Словно повелением Божиим Россия тогда вдруг загорелась идеей кардинального реформирования и стала энергично проводить ее в жизнь. И главное здесь не в реформе армии, флота, общества, строительстве новой столицы и т.п., а в отказе *государства* от дальнейшего развития в рамках традиции. Традиция, традиционность — полномасштабное воспроизведение всего и вся в государстве, обществе и Церкви — требова-

ла колоссальных сил от всего народа и государства. Гораздо больших, чем требует от них же модерн как новый механизм развития общества. Постоянная забота об укорененности в собственную почву, отстраненность от других традиций, надежды на внутренние силы, и потому на Церковь, духовную жизнь, подвижничество. Консервативность требовала и масштабных усилий по сохранению и воспроизводству накопленного. Но отказ от традиционных форм жизни был при Петре не следствием слабости и невозможности дальше двигаться этим же путем. Воспроизводство традиции работало на воспроизводство духовности в пределах всего общества. В таком обществе минимум внимания (несравнимо меньше, чем на Западе) уделялось чисто земным вещам: личному богатству как цели деятельности человека, военному могуществу государства и проч. Эпоха традиции была для самой Московской Руси более прогрессивна или, говоря церковным языком, более спасительна для общества (народа) в целом, но традиция не могла противостоять силовому натиску западного модерна, поэтому требовалась срочная прививка модерна и для России. Петр I и выступил инициатором этой масштабной акции. Заметим к тому же, что тогда реформа перехода к модерну не коснулась Церкви и общества. Последние долго еще оставались традиционными, и только при советской власти в этой области государство насильственными мерами сумело в значительной степени уничтожить традиционность. Но традиционность сохранилась в полной мере в Русской Православной Церкви, и потому она не ушла из русского общества совсем, она с нами, она влияет на нас, определяет нашу жизнь, дает шансы на успех в деле, о котором мы говорим. Даже тот факт, что Россия безбоязненно пустилась в плавание под флагом модерна, стал возможным для нее и не погибельным лишь потому, что традиция и традиционность продолжали сохраняться в Церкви и обществе.

Итак, переход к модерну в XVIII столетии был не следствием слабости России, а итогом зрелости Русской Православной Церкви, ставшей способной к этому времени двигаться далее и вести народ без помощи государства. Дело было даже не в формальном отказе от государства, а в возможностях действовать и без повседневной опеки и поддержки государства. В допетровский период опека со стороны государства носила характер вспоможения, охраны и т. д., в послепетровский же период государство стало контролировать Церковь в той области, которая имела отношение к общественной жизни. Но и это было

для Церкви не страшно. Ей важно было теперь, пользуясь инфраструктурой империи, двигаться вперед и просвещать светом Христовым те народы, которые были лишены его. За имперский период с Православием тесно познакомился (и кому это было нужно, воспринял его) весь мир. Это ли не чудо этого «светского времени»? Здесь и проглядывают идейные основы того, что мы называем обращением к образу св. кн. Александра Невского.

В этой связи возвращение к наследию св. князя Александра Невского является более реальным и жизненным, чем другие пути, при всей внешней утопичности этого варианта. Образцовые личные качества князя, как правителя и личности, ложатся в основу устройства всей жизненной системы, от политической области до общественной и культурной. Сам верховный правитель являет образец реального, а не декларированного благочестия, а также радителя о народе. Политическая элита также формируется им, исходя из реальных, а не популистски декларируемых качеств. Это означает, что Церкви будет возвращено ее достойное место единственного воспитателя и попечителя о нравственности граждан. Не мораль и закон, а православная духовность, т. е. реальный духовный плод строгой церковной жизни будет лежать в основе «образцовых качеств», которые будут цениться всем обществом и государством. Государство не перестанет быть светским, но перестанет быть атеистическим, общество же будет входить постепенно в нормальное русло однополярной нравственности традиционного содержания.

Государство не может не быть светским, светскость его профессиональная специфика. Но сегодня светскость приватизировали атеисты, создав, по сути, здесь свой псевдорелигиозный анклав, воздействующий на умы граждан через государственные структуры, в том числе школы, научные учреждения, культурные центры с атеистической идеологией. Только наличие бескомпромиссного по отношению к Церкви правителя, позволит вывести светскость из атеистического плена, чтобы она превратилась в религиозную мотивированную сферу, чтобы стала *православной светскостью*. Она будет включать в себя абсолютное преимущество православной религиозности, но не будет исключать те традиционные для России религии, которые здесь сложились. Громаднейший опыт православной духовности, а не только культуры, делается доступным для всего русского народа, а не только для малой его части, как ныне. Сегодня русский народ в массе своей лишен возможности знать (и следовать

идеалу), что такое христианский брак, семья, в чем заключается духовный смысл жизни для христианина, для целого народа. Этот смысл может быть возвращен обществу вместо наращивания репрессивных мер в отношении преступников, наркоманов, алкоголиков, террористов. Как только из государственной идеологии уйдет целеполагание, ориентированное на «комфорт», как суррогат национальной идеи, а место его займет ориентация на высокую религиозную цель — «спасение страны и народа в вечности», так сразу же начнет создаваться почва для повсеместного искоренения процветающих сегодня

пороков, включая и коррупцию. Ведь коррупция есть прямое следствие безудержного стремления общества и государства к накоплению, к культу золотого тельца. И в этой области необходимо выйти из области материального целеполагания, в область высоких традиционных для страны религиозных смыслов. Чтобы утвердиться на этом пути и понадобится огромная воля, православно-христианская терпимость и духовность правителя и новой элиты. И пример святого благоверного князя Александра Невского, опыт которого мы вполне можем использовать в эпоху модерна, дает нам шанс достичь успеха.

